

Труды Института Русской Геополитики

Выпуск 15

Вильгельм II

**Imperator Eques, Imperator Philosophus,
Imperator Geopoliticus**

Москва
2024

УДК 613.2

ББК 51.230

В 25

В 25 Вильгельм II Imperator Eques, Imperator Philosophus,
Imperator Geopoliticus. - Москва, 2024. - 140 с.

Научный редактор - полковник, к.ф.н. В.Л. Петров

Всякий добросовестный исследователь, заинтересовавшийся историей Германской империи и эпохи Вильгельминизма, обречён к своему немалому удивлению обнаружить, что информацию об одной из самых крупных, развитых и значимых европейских стран приходится буквально собирать по крупицам – большая часть литературы по истории Германии, написанной после Первой мировой войны (как, впрочем, и литературы по Новейшей истории в целом) не отвечает ни малейшим признакам научности и представляет собой пугающий набор обычательских штампов, ксенофобии, национализма и полит-пропаганды самого примитивного разлива. Невероятно, но даже в статьях об истории немецкой музыки или немецкой архитектуры можно наткнуться на проклятия в адрес «ужасного прусского милитаризма», «злобных юнкеров» или «кровожадных пангерманцев, мечтавших захватить весь мир». Всё это очень печально, но, в конце концов, нельзя же отдавать историческую науку на откуп каким-то не очень психически здоровым и агрессивным персонажам. Желающим «докопаться до Правды», настоящее издание предоставляет некий объём полезной информации. «Лицом» доведенной Германской империи, без сомнения был ея Кайзер (сама эпоха по его имени получила прозвание «вильгельминизма»). XX век был весьма щедр на создание лживых «образов» тех или иных исторических деятелей (особливо из когорт «шедших против течения»). Кайзер Вильгельм был, конечно, сложной и в чём-то противоречивой личностью, но крайне далёким от образа «сумасшедшего» или даже «бесноватого кайзера». По степени оболганнысти его фигура стоит подле его царственного кузена – Русского императора Николая II и его своеобразного преемника на «германском троне» - Фюрера Адольфа Гитлера. Кайзер Вильгельм был философ-на-троне, был артист-на-троне, был схож со средневековым Рыцарем. Не только злонамеренной клеветой «мировой закулисы», но и вышепомянутыми его качествами, не вполне вмещающимися в «формат современности», можно объяснить непонимание сего замечательного Монарха со стороны части современников и потомков. Раскрытие тройственного облика Кайзера – как Imperator Eques, Imperator Philosophus, Imperator Geopolitus (Рыцаря, Философа и Геополитика) – задача сего Сборника.

Содержание

СИМВОЛ СТАРОЙ ГЕРМАНИИ.....	4
Вольфганг Акунов. ПРИНОШЕНИЕ КАЙЗЕРУ ВИЛЬГЕЛЬМУ II.....	6
КАЙЗЕР ГЛАЗАМИ РУССКОЙ «ВОЕННОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ».....	25
Елена Пуховская. ГЕОГРАФИЯ, ГЕОПОЛИТИКА, ПАНГЕРМАНИЗМ: У ИСТОКОВ НЕМЕЦКОЙ ХАРИЗМЫ.....	37
Фауст Патронов. ИНТЕРВЬЮ И РЕЧИ ИМПЕРАТОРА ВИЛЬГЕЛЬМА.....	51
Роман Раскольников. ЖЁЛТАЯ ОПАСНОСТЬ.....	55
Эрик Ленерт. ВОКРУГ «ГУННСКОЙ» РЕЧИ КАЙЗЕРА.....	59
Юстус Бургдорф. БЫЛ ЛИ КАЙЗЕР ВИЛЬГЕЛЬМ II АНТИСЕМИТОМ?.....	66
Галина Садовая. РОЛЬ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРАТОРА ВИЛЬГЕЛЬМА II В ВОЗНИКНОВЕНИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	74
Эрик Ленерт. ВИЛЬГЕЛЬМ II И НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ. РАЗЛИЧИЯ.....	89
Ганс Кюхельгартен. «ВЕРНЁМ ВСЁ, КАК БЫЛО»: КАЙЗЕР И ФЮРЕР.....	95
Димитрий Любин. ИМПЕРАТОР ВИЛЬГЕЛЬМ И ЕГО ВЗГЛЯДЫ НА ИСКУССТВО.....	99
КАЙЗЕР ВИЛЬГЕЛЬМ И «ЕВАНГЕЛИСТ РАСЫ» ХЬЮСТОН С. ЧЕМБЕРЛЕН.....	109
Михаил Шаповалов. ПУТЕШЕСТВИЕ КАЙЗЕРА ВИЛЬГЕЛЬМА В ПАЛЕСТИНУ В 1898 Г. ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.....	114

СИМВОЛ СТАРОЙ ГЕРМАНИИ

(Вильгельм II – Император-рыцарь, философ, geopolитик)

«Целью моей деятельности всегда было благо моего народа и моего государства. Личную свою судьбу я несу с покорностью, потому что Господь знает, что Он делает и чего хочет. Он знает, зачем подвергает меня такому испытанию. Я терпеливо буду выносить всё и буду ждать, что Господь дальнее сделает со мной. Меня сокрушает лишь судьба моей страны и моего народа. Мне причиняют боль тяжёлые страдания детей моей родины, которые я не могу разделить с ними, потому что вынужден жить за границей. Это удар, нанесённый мне в сердце, мне горько от осознания этого. И здесь, в одиночестве, все мои чувства и мысли принадлежат моему народу...»

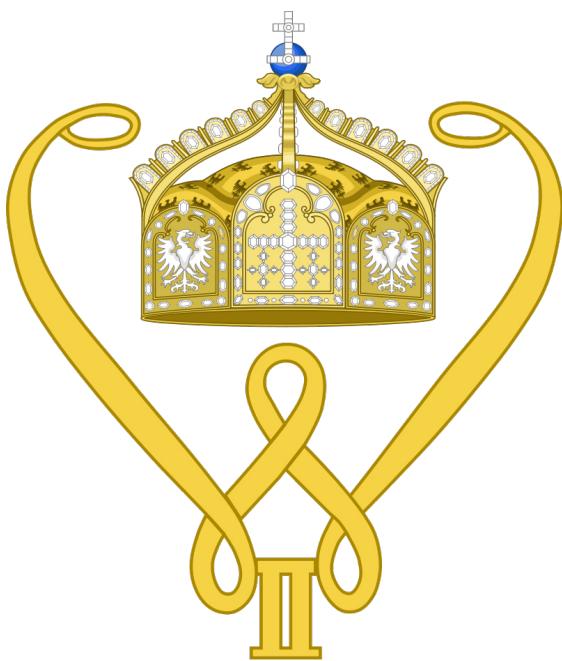
Вильгельм II Гогенцоллерн, События и Люди 1878-1918 гг

Вильгельм, в чьих жилах текла кровь Прусских королей-рыцарей, наверное, и не догадывался, что на его век выпадет гибель Второго Райха, и точно не подозревал, что будет ожидать его страну уже после его смерти и на сегодняшний день.

С момента его воцарения стало весьма тесно для канцлера Бисмарка, самого же Кайзера потеснила Ноябрьская революция, которая вкупе с революцией «русской» угрожала всей Европе ещё в начале 20 столетия. Даже до глубокой старости за ним сохранялся определённый августейший авторитет, перед которым должны были склониться даже такие скептические к монархии деятели, как фюрер А. Гитлер.

Вильгельм, сколько ошибок бы он не допустил, был символом Великой Германии, от возрождения которой зависит дальнейшая история Европы.

Gott mit uns.

Монограмма Императора Вильгельма II

Вольфганг Акунов

ПРИНОШЕНИЕ КАЙЗЕРУ ВИЛЬГЕЛЬМУ II

Предварение публикации

Последний царствовавший Император «Второго Райха» (1871-1918) Вильгельм II Гогенцоллерн, германский кайзер (император) и прусский король –представлял собою тип Императора-Философа, почитавшийся за идеал правителя в Античной древности и Средние Века, и практически исчезнувший в Новое время. Причём, это его «качество», пожалуй, составляло его некое «преимущество» перед его Венценосным кузеном – св. Царём-Мучеником Николаем. Русский Царь, конечно, превосходил Кайзера «святостью», но вот реконструировать религиозно-философские взгляды нашего Царя-Мученика задача не из простых. В Дневниках Царской Семьи отмечаются те книги, что ими были читаны. Там присутствуют Святоотеческие творения, русская классика, а вот из того, что можно было бы отнести к области религиозной философии упоминаются, пожалуй, лишь труды Сердия Нилуса... Впрочем, существует некая «зацепка», позволяющая сделать некие «наведения» касаемо религиозно-философского мировоззрения св. Царя-Мученика Николая. Известно, что единственная из русских газет, кою он ежедневно неукоснительно прочитывал – было суворинское «Новое Слово»... Как раз у «Нового Слова» в числе авторов имелись два «хедлайнера»: Михаил Осипович Меньшиков и Василий Васильевич Розанов. Оба – не только не чуждые Религии и Философии, но и являющиеся своеобразными «звездами» в данных областях. Предположить, что читая «Новое Время», Государь игнорил статьи Меньшикова и Розанова, невозможно – там некого рядом «по уровню» поставить (хотя в «НВ» писало много способных журналистов (между прочим, начинающий И.Солоневич, коий, на наш взгляд, именно

Розанову обязан большинством своих историософских идей), но у нас речь идёт не просто о публицистах, но о мыслителях)... С осторожностью можно предположить, что по крайней мере некоторые идеи М.Меньшикова и В.Розанова разделялись Государем. И тот, и другой, среди прочего, развивали расово-антропологический дискурс, интересовались ариософией и Арийским Христианством (т.е. теми вопросами, что крайне занимали и Кайзера Вильгельма). К примеру, в 1908 году, раскрыв очередной номер «НВ», Государь мог прочесть у В.В.Розанова в статье «Национальное назначение»: «Раса – в крови, а не в цивилизации, не в истории. Раса есть физиологическое данное и народное данное»... Полагаем, Кайзер подобную «постановку вопроса» одобрил бы... В нижеследующем опусе В.Акунова мы не «вторгались в авторский текст», лишь позволили себе добавить несколько цитат «в тему». – о.Р.Б.

Сто пять лет тому назад, 28 ноября кровавого 1918 года, был вынужден отречься от германского престола Вильгельм II Гогенцоллерн, германский кайзер (император) и прусский король. Это был настоящий, глубоко верующий, Христианский Монарх. После своего восшествия на престол он повелел изготавливать две копии «священного Лабарума» - военного штандарта первого римского Христианского Императора Константина Великого (или, выражаясь по-нашему, Святого Равноапостольного Царя Константина), увенчанного «христомой» (монограммой Христа), один из которых подарил папе Римскому, а другой поместил в часовне королевского дворца Гогенцоллернов в Берлине (откуда «Лабарум» безследно исчез в дни ноябрьской революции 1918 года). Первым из христианских монархов Европы кайзер Вильгельм II обратил внимание на «жёлтую опасность», угрозу «панмонголизма», зримым проявлением которой считал «боксёрское восстание» в Китае, носившее не только антиевропейский, но и ярко выраженный антихристианский характер, сопровождавшееся массовыми убийствами

христианских миссионеров и китайцев-христиан, и с большим трудом подавленное международным миротворческим контингентом, возглавляемым германским генерал-фельдмаршалом графом фон Вальдерзее. Напутствуя германских миротворцев, направлявшихся в охваченный пламенем мятежа Китай, кайзер Вильгельм II произнёс свою знаменитую «гунскую речь», в которой, приводя в пример для подражания гуннского царя Аттилу, имевшего, возможно, судя по его готскому имени (означающему «батюшка» не только на готском, но и на некоторых диалектах немецкого языка), германское происхождение, призвал немецких солдат дать китайцам такой урок, чтобы они и через тысячу лет не осмелились взглянуть на немца.

Русский философ Владимир Соловьёв по достоинству оценил инициативу молодого германского Императора, посвятив ему одно из своих лучших стихотворений «Дракон», в котором сравнивал Вильгельма II с героем древних германских саг – драконоборцем Зигфридом (у скандинавов – Сигурдом), и называл его «наследником меченосной рати» (император Вильгельм II был протектором Прусского Ордена иоаннитов, командором Ордена Святого Гроба Господня и почётным комтуром «Марианской линии» Тевтонского Ордена, воспринимая себя продолжателем традиций Крестовых походов в защиту Христовой веры):

ДРАКОН

Зигфриду

Из-за кругов небес незримых
Дракон явил своё чело, —
И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.
Ужель не смолкнут ликованья
И миру вечному хвала,
Безпечный смех и восклицанья:
«Жизнь хороша, и нет в ней зла!»
Наследник меченосной рати!
Ты верен знамени Креста,

Христов огонь в твоём булате,
И речь грозящая свята.
Полно любовью Божье лоно,
Оно зовёт нас всех равно...
Но перед пастию дракона
Ты понял: Крест и Меч — одно.

24 июня 1900 г.

Отречение Вильгельма II от германского престола произошло при обстоятельствах, пугающие сходных с обстоятельствами отречения от российского престола его двоюродного брата Императора Николая II. Обоих венценосцев, втянутых, вместе с вверенными им Богом державами и народами, вследствие интриг «Мировой Закулисы», в братоубийственную войну, покончившую с тремя крупнейшими монархиями Христианской Европы - Российской, Германской и Австро-Венгерской, а также с Османской монархией (не христианской, но тоже традиционной), предали, казалось бы, самые близкие люди, включая высшее военное руководство, убедившее их в том, что армия желает их отречения, без которого Отечество будет неминуемо ввергнуто в братоубийственную гражданскую войну (в действительности начавшуюся именно после и вследствие отречения венценосных кузенов). 8 ноября 1918 года немецкие газеты дружно опубликовали фальшивку об отречении Вильгельма II от германского императорского и от прусского королевского престолов за себя и за своего сына - кронпринца (хотя Вильгельм ещё ничего подобного не подписывал).

Вот как описывал впоследствии эти события в своих мемуарах сам Король и Император:

В Спа (где находилась императорская Ставка - В.А.), куда я затем отправился, приходили постоянные известия с родины об усиливающейся там агитации против кайзера, о растущей слабости и беспомощности правительства, которое, не обладая инициативой и энергией, безвольно позволяло играть собой. В прессе правительство в насмешку называли “клубом для деба-

тов”; в руководящих газетах принца Макса (имперского канцлера Макса Баденского - В.А.) именовали “канцлером революции”.

Утром 9 ноября рейхсканцлер принц Макс Баденский вторично сообщил мне (впервые об этом мне было сообщено 7-го), что социал-демократы, а также социал-демократические статс-секретари требуют моего отречения от престола. Того же взгляда придерживаются и остальные члены правительства, до тех пор бывшие ещё против этого акта. Так же обстояло дело и с партиями, составлявшими большинство в рейхстаге. Он просил меня поэтому немедленно отречься от престола, ибо в противном случае в Берлине можно ожидать кровопролития и настоящих уличных боёв; небольшие стычки уже начались.

Я тотчас же вызвал к себе фельдмаршала фон Гинденбурга и генерал-квартирмейстера генерала Гренера. Последний доложил ещё раз, что армия не может больше сражаться и хочет прежде всего покоя. Поэтому необходимо во что бы то ни стало заключить перемирие, и притом как можно скорее, ибо армия имеет продовольствие лишь на 6-8 дней и отрезана от всякого подвоза мятежниками, занявшими наши продовольственные склады и мосты через Рейн. Посланная во Францию из Берлина комиссия по заключению перемирия, как дальше докладывал мне генерал Гренер, в составе Эрцбергера, посла графа Оберндорфа и генерала фон Винтерфельда прошла третьего дня вечером французские линии, но до сих пор по неизвестной причине ничего не давала знать о себе в главную квартиру. Кронпринц со своим начальником штаба графом Шуленбургом также прибыли в главную квартиру и приняли участие в нашем совещании.

Одновременно рейхсканцлер неоднократно говорил по телефону с главной квартирой, настойчиво торопя меня и сообщая, что социал-демократы вышли из правительства и дальше медлить опасно. Военный министр доносил: «Полная неуверенность в верности войсковых частей в Берлине. 4-я Егерская,

2-я рота Александровского полка, 2-я Ютербогская батарея перешли на сторону восставших; уличных боёв нет». Я хотел избавить свой народ от гражданской войны. Если моё отречение было действительно единственным средством избежать кропотливого, то я был готов отказаться от звания германского кайзера, но не хотел отрекаться от прусской короны. Я желал остаться прусским королем и быть по-прежнему среди своих войск, ибо армейское руководство заявило, что в случае моего полного отречения офицеры поголовно уйдут, и тогда армия, лишенная своих руководителей, устремится на родину, нанося ей вред и подвергая её опасностям.

Из главной квартиры канцлеру передали, что я сначала должен зрело обдумать и точно сформулировать своё решение, после чего ему сообщат его. Когда через некоторое время канцлеру передали моё решение, из Берлина последовал неожиданный ответ: оно запоздало. Рейхсканцлер, не дожидаясь моего ответа, возвестил от своего имени о моём якобы состоявшемся отречении, как и об отказе от трона со стороны кронпринца (*sic!*), который по этому поводу вообще не был запрошен.

Он передал правление в руки социал-демократов и призвал г-на Эберта (лидера Социал-Демократической партии Германии - В.А.) на пост рейхсканцлера. Обо всем этом было передано по беспроволочному телеграфу, и вся армия читала эти телеграммы. Таким образом, у меня выбили из рук возможность самостоятельно решить: остаться мне, или уйти, либо сложить с себя кайзеровское достоинство, сохранив в то же время за собой прусскую королевскую корону. Армия была тяжело потрясена ложным представлением о том, что её король в критический момент бросил её.

Приходилось считаться как с заявлением врагов о том, что со мной они не хотят заключать никакого сносного для Германии мира, так и с утверждениями моего собственного правительства, что гражданской войны можно избежать лишь при моём отъезде за границу.

В этой борьбе я отбросил в сторону всё личное. Я сознательно принёс в жертву себя и свой трон, думая таким образом лучше всего служить интересам своего возлюбленного отечества. Но жертва была напрасна. Мой уход не принёс нам более благоприятных условий перемирия и мира и не смог отвратить гражданской войны. Напротив, он ускорил и углубил самым гибельным образом разложение в армии и в стране.

Много говорилось о том, что я бросил армию и уехал в нейтральную страну. Одни говорят: кайзер должен был направиться на какой-либо участок фронта, броситься вместе с войсками на врага и искать смерти в последнем наступлении. Но это сделало бы невозможным осуществление столь желанного перемирия, о котором уже вели переговоры посланная из Берлина к генералу Фошу (Верховному Главнокомандующему войсками стран Антанты - В.А.) комиссия. Кроме того, это привело бы к совершенно бесполезным жертвам и гибели многих лучших и преданнейших воинов.

Другие полагают, что кайзер должен был вернуться на родину во главе армии. Но мирное возвращение домой было уже невозможно: мятежники захватили рейнские мосты и другие важные сооружения в тылу армии. Я мог, правда, во главе преданных, стянутых с боевого фронта войск пробиться на родину, но тогда гибель Германии была бы окончательной, ибо к войне с врагом, который, несомненно, устремился бы вслед за мной в Германию, прибавилась бы ещё гражданская война.

Третьи считают, что кайзер должен был сам покончить с собой. Но этого я не мог сделать хотя бы в силу своих твёрдых христианских убеждений. И разве тогда не сказали бы: какой он трус – в последнюю минуту он спасается от всякой ответственности самоубийством? Этот путь был для меня неприемлем и потому, что я должен был стремиться в связи с предстоящим тяжёлым временем помочь своему народу и своей стране. Как раз в выяснении вопроса о виновниках войны, всё более определяющем нашу будущую судьбу, я особенно мог отстаи-

вать интересы своего народа, ибо я больше, чем всякий другой, могу свидетельствовать о мирных устремлениях Германии и о нашей чистой совести.

После безконечно тяжёлой душевной борьбы я, по настойчивым советам высших ответственных лиц, принял решение уехать из своей страны, ибо на основании сделанных мне сообщений я должен был поверить, что таким путём я сослужу наилучшую службу Германии, сделаю возможными для неё более благоприятные условия перемирия и мира и избавлю её от дальнейших человеческих потерь, гражданской войны, лишений и бедствий».

Подписав наконец 28 ноября 1918 года официальное отречение, Вильгельм II удалился в изгнание в Голландию (предусмотрительно освободив при этом военнослужащих, и, в первую очередь - офицерский корпус - от присяги, принесённой ему как монарху и Верховному Главнокомандующему). И началась гражданская война (в отличие от России – не полномасштабная а «очаговая», «гибридная», но продолжавшаяся, с разной степенью интенсивности, до 1923 года). Об этом написано множество книг. Но автору настоящей миниатюры, чтобы не повторяться, хотелось бы поделиться воспоминаниями старого немецкого монархиста Клауса Шлегеля из Кёльна, которого мне много лет назад посчастливилось ещё застать в живых и записать кое-что из его воспоминаний:

«В ноябре 1918 года я был ещё ребенком, но я с рождения был наделен отличной памятью и потому прекрасно помню всё, что тогда происходило. Мои родители (1878 и 1885 года рождения), мой дед (участник войны с французами 1870-1871 гг.), мои многочисленные дядья и тётки, соседи, не уставали рассказывать о золотом времени до Первой мировой войны. Но и простые рабочие, чьи сыновья сидели со мной на школьной скамье и с которыми я впоследствии состоял в “Стальном Шлеме”, всегда говорили: “При Вильгельме всё-таки было лучше всего”. Мы были счастливым народом, и нашему счастью не-

мало способствовал Кайзер, что был вынужден признать весь мір в 1913 году, когда торжественно отмечалось 25-летие его восшествия на престол. Именно благодаря Кайзеру Германия стала самым социальным государством в Европе. Император никогда не противился демократии в разумных пределах. Но и простой народ был доволен трёхклассовым избирательным правом (хотя не всех это интересовало, пока хватало на жизнь). К сожалению, у меня сейчас нет под рукой листовки социал-демократов в связи с Высочайшим визитом Кайзера в вестфальский город Хаген в 1904 (или 1906) году. Это была полная ненависти тирада под девизом: “Цезарь, мы тебя ненавидим!”. Прочитавшего её уже не удивляли слова Кайзера о “бездонных космополитах”. “Притеснять” либералов и католиков Кайзер не мог хотя бы потому, что у него не имелось на это конституционных полномочий. Он мог только высказывать своё мнение о них, в том числе о выступлениях их лидеров Виндтхорста и Рихтера в рейхстаге.. Рекомендую Вам прочитать книгу профессора Бухнера “Император Вильгельм II, его міровоззрение и немецкие католики”. Мало того! В своих воспоминаниях Кайзер с похвалой отзывался о ведущем политике католической партии центра Виндтхорсте как “умнейшей голове среди парламентских политиков”.

Кайзер Вильгельм II был отнюдь не ретроградом, а вполне современным человеком. Он живо, живее, чем кто бы то ни было из его современников, интересовался всеми техническими, научными, медицинскими открытиями и новинками своего времени.

Да, он любил армию и парады. Но кто сказал, что это – свидетельство отсталости и ретроградства? Разве мало народу со всего света сбегается и съезжается, скажем, в сегодняшний Лондон, чтобы полюбоваться маршем британских гвардейских полков перед Букингемским дворцом в день рождения королевы? Да и сам я, ещё во времена ГДР, был свидетелем того, как простой народ, скромно одетые люди, встречали аплодисмен-

тами смену почётного караула перед Новой Караульней Шинкеля в Берлине!

Обвинение кайзера Вильгельма II в развязывании им единолично Первой мировой войны абсолютно несправедливо. Побеждённая Германия была ложно обвинена в разжигании войны творцами Версальского договора. Рекомендую Вам ознакомиться на досуге с текстом договора, хотя в нём 600 страниц, не всякий осилит... А что принёс нам, немцам, этот договор, который якобы должен был раз и навсегда покончить со всеми войнами? Потерю Верхней Силезии и Позена, жестокое преследование тамошних немцев, вероломное вторжение французов и бельгийцев в Рурскую область, с вопиющими нарушениями международного права, включая убийство 13 рабочих фирмы Круппа у заводских ворот французами, открывшими без предупреждения огонь на поражение; после чего французы обвинили в случившемся Круппа и его директоров, преданных французскому суду! А недостойная нашего великого прошлого смена государственного флага, вызвавшая многолетний “спор о флаге!” А постоянные нарушения поляками наших границ на востоке! Все эти проблемы возмущали наш народ, да плюс пакты Даусса и Юнга, отягчившие бремя взимаемой с нас дани! Вот на этой почве, а вовсе не на почве императорской власти, выросло гитлеровское движение!

Ноябрьский переворот 1918 года и провозглашение Германии республикой были вовсе не “результатом неправильной политики, проводимой кайзером Вильгельмом II”. Ноябрьский переворот был совершенно неожиданным событием, я знаю это совершенно точно. Я ведь жил в то время. Я никогда не забуду возмущение наших солдат-фронтовиков, вспоминавших мартовское наступление во Франции в 1918 году, когда они вдруг остались без боеприпасов и услышали, что это из-за всеобщей забастовки, начатой на родине, в тылу... А вообще-то ведущие революционеры – например, лидеры Независимой Социал-Демократической партии, после войны открыто похвалялись

организованным ими саботажем. А в “Bulletin maconique de la Grande Loge Symbolique ecossaise”, Paris 2.9.1888 (Масонском Бюллетене Великой Символической Шотландской Ложи, Париж, 2.9.1888 – В.А.) чёрным по белому написано, что вольные каменщики, как и социалисты, не побоятся нового курса, взятого Германией (после восшествия на престол германского императора и прусского короля Вильгельма II, который, в отличие от своего отца и деда, да и других прусских королей, не был франкмасоном – В.А.). В этом бюллетене дословно сказано: “Поскольку император не желает быть посвящённым (в масоны – В.А.), они (масоны – В.А.) посвятят немецкий народ, а если императорское правительство начнет преследовать франкмасонство, масоны установят в Германии республику”.

Строительство германского флота никогда не было направлено против Англии, что неоднократно и совершенно недвусмысленно подчеркивалось как самим Императором Вильгельмом II, так и бывшими имперскими канцлерами (премьер-министрами – В.А.). Но у Германской империи имелись заморские колонии, нуждавшиеся в защите. Германский флот уступал британскому не только в численности, но и с точки зрения баллистики (артиллерийской мощи – В.А.). А «неосторожные политические высказывания» Кайзера Вильгельма II, высказывания, нередко вырываемые из контекста и сознательно, злонамеренно искажаемые недругами Императора, конечно, не могли «отравлять международный политический климат». В данной связи я снова не могу не вспомнить дружный хор славословий международной прессы по поводу 25-летнего юбилея вступления на престол Императора Вильгельма II.

Мы никогда не забудем ноябрьский переворот 1918 года. Как сказал кардинал Фаульхабер на Всегерманском Католическом съезде 1923 года: “Революция была нарушением права и слова, ложью и изменой...”

Конечно, нынешние средства массовой информации всячески изошряются в полемике против “авторитарного государ-

ства”. Но в “авторитарном государстве”, которым Германия была до 1918 года, никто не опасался за своё существование, ибо государство было в состоянии защитить всех своих граждан. А сегодня даже наши вооружённые силы, бундесвер, вынуждены прятаться за стенами казарм, если нужно провести парад или привести к присяге новобранцев. В Кёльне во время заседания Совета карнавала за спинами Совета Одиннадцати было вывешено распятие, на котором над головой Спасителя была прикреплена табличка с надписью “Тюннес” (имя героя кельнского городского фольклора и многочисленных – часто непристойных – анекдотов про Тюннеса и его приятеля Шееля – В.А.) вместо “ИНЦИ” (“Иисус Назарей Царь Иудейский” - В.А.)! Юрист, подавший на этих господ в суд за кощунство, был приговорён к административному штрафу в сумме 400 немецких марок (наш разговор происходил в 1994 году, до введения евро в качестве общеевропейской валюты – В.А.), а карнавальное общество было оправдано! Вспоминаю, какими доверительными в пору моей юности в шахтёрских поселках были отношения с полицейскими, хотя они могли порой дать малолетним сорванцам вроде нас затрещину и пригрозить в следующий раз отвести за ухо к отцу, “а уж он тебе задаст по первое число!”. Сегодня нам нужно не “больше демократии”, а “больше авторитарного государства!”. И в заключение скажу: при Кайзере Вильгельме II Германия вовсе не “рвалась к мировому господству”, даже экстремисты вроде “пангерманцев” (членов общественной организации “Пангерманский (Всенемецкий) Союз”, не состоявшие в имперском правительстве – В.А.) никогда не заходили в своих требованиях так далеко».

Для дополнительной характеристики міросозерцания Кайзера полагаем благоуместным воспроизвести ряд его суждений о врагах Германской Империи и подлинных поджигателях войны, содержащихся в мемуарах оного (Вильгельм II. События и люди. 1878-1918. – Минск, 2003):

«...Важную роль в подготовке мировой войны, направленной против МОНАРХИЧЕСКИХ центрально-европейских держав,

(выделено нами – В.А.) сыграла долголетняя, упорно стремившаяся к своей цели политика интернациональной масонской “Ложи Великого Востока”... В течение 1917 года в Париже... состоялось международное совещание “Лож Великого Востока”, за которым последовало ещё одно совещание в Швейцарии. На нём была установлена следующая программа: раздробление Австро-Венгрии, демократизация Германии, устранение Габсбургского дома, отречение германского кайзера, возвращение Эльзас-Лотарингии Франции, объединение Галиции с Польшей... Я здесь не имею возможности проверить сделанные мне вполне добросовестно сообщения об организации и работе лож “Великого Востока”. Тайные и явные политические организации играли в жизни народов и государств важную роль, с тех пор, как существует человечество... большей частью они таят в себе разрушительные тенденции, служа тайным лозунгам, которые боятся дневного света. Самые опасные из подобных сообществ окружают себя покровом всяческих идеальных побуждений, вроде деятельной любви к ближнему, сострадания к слабым и бедным и т.д., чтобы под подобной маской добиваться своих подлинных скрытых целей. Во всяком случае, необходимо следить за деятельностью “Великого Востока”, ибо окончательно можно будет занять ту или иную позицию по отношению к этой мировой организации лишь тогда, когда она будет основательно исследована».

Далее, уже касательно роли евреев (иудеев) в Ноябрьской революции 1918 года, бывший Кайзер совсем «по-нацистски» утверждает в своих мемуарах, что немцев стравили между собой и совратили с пути истинного «проклятие», по его выражению, сыны Иуды, которые пользовались их гостеприимством! «Такова была их благодарность! Ни один немец никогда им этого не простит и не успокоится до тех пор, ПОКА ЭТИ ПАРАЗИТЫ НЕ БУДУТ ИСТРЕБЛЕНЫ и стёрты с лица немецкой земли (выделено нами – В.А.)! Это ядовитый грибок, разъедающий немецкий дуб»!

Если бы мы не знали, что приведенная выше гневная юдофобская филиппика принадлежит «респектабельному» венценосцу, мы могли бы со спокойной душой приписать её самому «бесноватому фюреру» или повешенному в 1946 году в Нюренберге за преступления против человечества «жидомору» Юлиусу Штрайхеру, издателю «погромной» газеты для штурмовиков «Дер Штурмер». Разумеется, дело может быть и в свойственной поведению и высказываниям «последнего Гогенцоллерна» известной экстравагантности, дававшей ещё в годы правления «неистового» Вильгельма II пищу для толков о его «ненормальности»... Впрочем, сказано же ещё древними: «Настанет время, когда люди будут безумствовать, а кто не безумствует, тому будут говорить: ты безумствуешь, потому что ты не похож на нас» («Древний Патерик»).

Чего стоило одно его заявление о наилучшем методе борьбы с революцией – просто перестрелять всех социал-демократов, но лишь после того, как они основательно выпотрошат евреев и богачей! Под столь откровенным заявлением, пожалуй, поколебался бы поставить свою подпись даже Гитлер (а не колеблясь подписал бы его разве только какой-нибудь совсем уж оголтелый фрейкоровец из «бригады Эргардта» в 1920 году)!

А в письме своему американскому другу детства Паулти Бигелоу Кайзер выразился ещё откровеннее: «Пресса, евреи и комары – это природные бедствия, от которых человечество должно быть так избавлено тем или иным способом. Я думаю, для этого лучше всего подошёл бы ГАЗ (выделено нами - В.А.).

Кайзер не дожил до очередного поражения и унижения Германии в 1945 году. По милости Божией он скончался во времена наибольших, фантастических успехов Третьего Райха в начале Второй Мировой... В мае 1940 года, когда Нидерланды капитулировали, он послал телеграмму Фюреру: «Мой Фюрер, я поздравляю вас и надеюсь, что под вашим чудесным руководством Немецкая монархия будет полностью восстановлена»...

Тем не менее, после немецкого завоевания Нидерландов в 1940 году, стареющий Вильгельм полностью отошел от общественной жизни. Вильгельм II непостыдно и мирно скончался в 12 часов 30 минут 4 июня 1941 года в поместье Дорн, (Рейхскомиссариат Нидерланды, Третий рейх) в возрасте 82 лет всего за несколько недель до начала Крестового похода в земли безбожного СССР. Если верить очевидцам последними словами бывшего Императора были: «Не хвали меня, потому что мне не нужна хвала, не прославляй меня, ибо мне не нужна слава. Не суди меня, ибо я буду судим».

В качестве полезного дополнения имеет смысл привести Библиографию работ Кайзера (она, поистине, «внушиает уважение», и заставляет вспомнить сказанное выше об Императоре-Философе! – а ряд работ настойчиво требуют русского перевода), а также один документ, ярко свидетельствующий о его Арио-Христианских духовных исканиях.

Приложение 1

Библиография печатных работ Кайзера

Мемуары

Aus meinem Leben. 1859—1888, K. F. Koehler, Leipzig 1926.

Эта книга переведена на русский язык, и в 1930-е годы была издана в СССР. Русское название — «Из моей жизни».

Ereignisse und Gestalten aus den Jahren 1878—1918, K. F. Koehler, Leipzig und Berlin 1922. Эта книга переведена на русский язык, и в 2003 году была издана в Минске издательством «Харвест». Русское название — "События и люди 1878—1918". Эта же книга является наиболее известной книгой императора.

Erinnerungen an Korfu, Walter de Gruyter, Berlin 1924. Воспоминания императора об археологических раскопках на острове Корфу. На русский язык не переводились.

Исторические работы

Vergleichende Geschichtstabellen von 1878 bis zum Kriegsausbruch 1914, K. F. Koehler, Leipzig 1921.

Meine Vorfahren, Verlag für Kulturpolitik, Berlin 1929.

Культурологические работы

Das Wesen der Kultur. Vortrag Seiner Majestät des Kaisers Wilhelm II. nach einer von Leo Frobenius für Seine Majestät verfassten vorläufigen Skizze, Privatdruck, Berlin 1931. Размышления императора о морфологии культуры в свете теории «культурных кругов» Лео Фробениуса. На русский язык книга не переводилась.

Die chinesische Monade, ihre Geschichte und ihre Deutung, K. F. Koehler, Leipzig 1934. Работа, посвящённая китайской истории. На русский язык книга не переводилась.

Studien zur Gorgo, Walter de Gruyter, Berlin 1936. Работа посвящена древней Спарте. На русский язык не переводилась.

Das Königtum im alten Mesopotamien, Walter de Gruyter, Berlin 1938. Работа посвящена древним месопотамским цивилизациям. На русский язык книга не переводилась.

Ursprung und Anwendung des Baldachins, A. de Lange, Amsterdam 1939. Работа, посвящённая истории использования балдахина. На русский язык книга не переводилась.

Приложение 2

Из письма кайзера Вильгельма II бывшему военному министру фон Штейну

Доорн, 9 сентября 1923 года.

Мой дорогой друг, Ваше превосходительство,

Сердечно благодарю вас за Ваше любезнейшее письмо.

Да, я усиленно пишу. Вы совершенно правы, люди остаются

такими же, как их описывает Ветхий Завет, и, прежде всего, евреи. Они остались такими же убеждёнными разбойниками, убийцами и ворами, как о них говорит Иисус, только стали ещё более честолюбивыми и подлыми в своей ненависти к чужим и Христу. Поэтому Ветхий Завет имеет для меня лишь историческое значение. Новый мне гораздо ближе. Для меня личность Христа является всем, перед Ней Ветхий завет - ничто. Я чувствую себя на светлой высоте под сенью Спасителя, откуда я смотрю назад и вниз на глубокую долину, в которой затопленный туманом лежит Ветхий Завет. Из этой долины сияют отдельные освещённые солнцем вершины: великие пророки, отдельные псалмы, отдельные притчи, которые меня радуют. В остальном - старый, охваченный жаждой мести, ведущий народ к гибели Яхве, местный еврейский Бог, который вместе с «Богом-Отцом» наблюдает, как «сын» учит нас ничего не делать. Мы дети Бога (Христа), это предчувствовали ещё древние германцы, когда молились «всемогущему отцу», о котором евреи и знать не хотят.

Наша церковь в нынешние времена совсем не справляется со своей задачей, вместо того, чтобы укреплять в душах идеи нации и монархии, она остается полностью «нейтральной» и всё больше теряет авторитет. Законодатель церкви - генеральный синод, соборище беспомощных старцев - только компрометирует себя. Храбрые люди, такие как любимый народом Геринг, преследуются! Церковь должна стать народной и национальной немецкой, а не псевдоиудейской, как сейчас. Я пытаюсь действовать в этом направлении, но пока без успеха.. Рим действует гораздо расторопнее; для католической кайзеровской империи вербуют еврейско-капиталистических чиновников! Орден Иоанна ничего не делает, дворянство в землях ничего не делает! Каким образом это поможет укреплению монархического духа в землях!

Генри Форд сказал: «Евреи одни устроили Мировую войну!». К этому я добавлю: Долой Моисея, во главе у нас - Христос!

Вильгельм.

Приложение 3

Как лидер национал-социалистов относился к Вильгельму II?

«Отец морского флота Германии ... «

Ещё молодой Гитлер, который шёл к тому, чтобы стать главой Германии, писал свою книгу, в которой он выразил своё мнение насчёт немецкого императора Вильгельма II.

В то время, когда Гитлер писал свою книгу, Вильгельм II осуждался многими немцами за поражение в войне и доведения страны до полного истощения. Но Гитлер, побывав на фронте во время первой мировой войны, видел в нём совсем другого человека, а именно того, кто повёл немцев на священную войну и создал самую великую армию во всём мире на тот момент.

Вот слова из его книги:

«С большой гордостью и восхищением я смотрел на цветущую Германию и сравнивал её с загнивающей Австрией. Всё в Германии вызывало во мне счастье, кроме борьбы, которая развязалась в прессе. Это была борьба против Вильгельма II, которую я презрительно наблюдал. Я видел в этом императоре не только великого человека, но и создателя немецкого флота. Когда в прессе осуждали его речи, я огорчался крайне сильно, ибо в моих глазах для этого не было повода. Я осуждал такие высказывания, ведь даже несколько парламентских крыс наговаривали столько бреда за один день, что целой династии не составить конкуренцию. Меня бросает в жар от злобы, которую я испытываю к большой прессе. Австрийской власти, которую так прославляют журналисты, никогда не достичь того, что сделал Вильгельм II, ведь он великий человек, а они просто сборище дураков».

Из них можно понять отношение Гитлера к немецкому императору в полном объёме. Пока все осуждали Вильгельма, Гитлер им восхищался. Впоследствии АГ, как известно, несколь-

ко «подкорректировал» свои взгляды на Кайзера. Но данный фрагмент «МК», уже в бытность Вождём Третьей Империи, он никакой «правке» не подвергал. Оценку Кайзера как «великого человека» АГ не «дезавуировал».

КАЙЗЕР ГЛАЗАМИ РУССКОЙ «ВОЕННОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ»

ВИЛЬГЕЛЬМ II (Фридрих-Вильгельм-Виктор-Альберт), кор. прус. имп. герм., род. 27 янв. 1859 г., старший сын кронпринца, впоследствии имп., Фридриха III и принцессы Виктории Великобританской, получил необыч. для своего положения образование и воспитание — в частн. гимназии в Касселе и Боннском унив-те, где он проходил курс наук и вел жизнь направне со своими товарищами, к-рым воспрещено б. именовать его «высочеством». 27 янв. 1877 г. В. б. произведен в подпоручики 1-го гв. пех. п., но одел оф. мундир и начал нести воен. службу лишь по окончании унив-та в 1879 г. В 1881 г. В. вступил в брак с дочерью герц. Фридриха Шлезвиг-Голштинского Викторией-Августой и 16 снт. 1885 г. б. назн. ком-ром гв. гус. п. (в Потсдаме). Заявив себя «солдатом от природы, как все бранденбуржцы», В. с чрезвычайной ревностью отдался службе: входил во все мелочи солдат. и офиц. жизни, лично выбирал подарки солдатам на елку и вообще тогда уже проявил ту активность и то стремление лично входить во всё, к-рые создали ему такую популярность, как имп-ру. Тогда же он проявил и стремление бороться с роскошью в офиц. среде и, оставшись верен ему до наст. времени, сразу же проявил больш. настойчивость. Запрещение им оф-рам своего полка посещать клубы с карт. игрой вызвало большое неудовольствие и дошло до имп. Вильгельма I, к-рый предложил своему внуку отменить его. В. твердо заявил ему, что своего распоряжения он не отменит, а если оно будет отменено помимо него, то оставит ком-ние полком. 27 янв. 1888 г. В. б. произв. в г.-м. и назн. ком-ром 2-ой гв. пех. бр-ды.

Расставшись с гусарами, он сохранил, однако, близкие к ним отношения и пользовался каждым случаем, чтобы закрепить их. Так, возвращаясь однажды с учения и заметив в улич. толпе одного из служивших при нём в полку гусар, теперь разносчи-

ка пива, В. остановил лошадь, пожал руку своего «старого товарища», справился о его делах и пригласил зайти к себе «поболтать». Факты подобного рода создали В. большую популярность в армии и народе. Наряду с воен. службой В. знакомился и с механизмом гражд. службы, для чего занимался в разл. канцеляриях Бранденбург. провинции. Еще 17 нбр. 1887 г. В. повелено б. подписывать за кронпринца бумаги в виду того, что отец его, неизлечимо больной, жил в Сан-Ремо и не мог заниматься делами. 9 мрт. 1888 г. скончался имп. Вильгельм, а 15 июня и Фридрих III. В. стал имп-ром и тотчас же обратился к армии с приказом, в к-ром высказал один из главнейших принципов своего упр-ния, многократно потом им повторенный: всегда и во всём опираться на армию. «Я и армия, — говорилось в этом приказе, — принадлежим друг другу; мы рождены друг для друга и будем друг за друга держаться и жить по Божьей воле, будь то мир или буря. За славу и честь армии я должен отвечать пред предками, которые смотрят на меня с того света». И чтобы оживить воспоминание о славн. прошлом Пруссии, он устроил у себя вечер памяти Фридриха II Вел., на подобие тех музык. вечеров, к-рые устраивались когда-то коронован. другом Вольтера в Сан-Суси. Все присутствовавшие на вечере б. одеты в костюмы Фридрих. эпохи, и сам имп. В., подобно Фридриху, играл в квартете на флейте. Однако, воинствен. тон его первого приказа по армии смущил многих, и даже Бисмарка, под влиянием к-раго составлена б. тронная речь В., звучавшая более миролюбиво. В ней В. заявил 25 июня 1888 г. парл-ту, что «употреблять воен. силу для наступат. войны не соответствует его намерениям. Германия не нуждается более ни в новой славе, ни в новых завоеваниях, т. к. она уже завоевала себе значение независимой нации». Это первое столкновение с Бисмарком, в к-ром В. уступил, решило судьбу старого «творца Германии». Две столь ярко выраженные индивидуальности, при огромн. различии их возраста и опыта, не могли, конечно, ужиться вместе у руля госуд. корабля. Бисмарк, счи-тая дело создания Герм. империи законченным и положение её

среди европ. держав упроченным, думал лишь о внутр. её устройстве и видел врага лишь в социализме; В. был более чувствителен к голосам о реванше, несшимся из Франции (Буланже) и, не вполне еще оценивая значение социализма, к-рый он ныне так ненавидит, полагал, что борьба с ним не сложна, стоит только ему, имп-ру, сказать депутатии рабочих: — «Я с большим интересом отношусь к рабочим и убеждаю вас воздержаться от каких бы то ни было соглашений с политич. партиями и в особенности с социалистами. Если же я увижу, что беспорядки среди вас продолжаются и принимают социалист. характер, я немедленно употреблю самые строгия меры. Власть права огромна, и безжалостно будет расстрелян всякий, кто попытается ей сопротивляться»... А фабрикантам-хозяевам сказать: «Весьма естественно, что каждый стремится возможно лучше обезпечить себе средства существования... Я прошу вас, господа, каждый раз, когда возникают конфликты, серьезно обсудить положение и найти способ для предотвращения на будущее время недоразумений». Бисмарк был против подобного личн. вмешательства верхов. власти в раб. вопрос, но В. на этот раз не внял совету старого канцлера и стал проводить свою политику борьбы с социализмом. Бисмарку пришлось сойти со сцены (1890 г.). Оставшись один «на мостике госуд. корабля», В., сравнивавший себя с вахтен. оф-ром, писал гр. Шлитцу по поводу этого события: «дорога остается прежняя, но теперь полным ходом вперед». В начавшейся единоличной борьбе В. с социализмом он скоро убедился в тщете своих расчетов авторитетом своей личности и слова разрубить гордиев узел сложных и противоречивых интересов хозяев и работников. Социализм в Германии за время царст-ния В. II вырос и окреп до невысоких размеров: в 1890 г. соц-стам принадлежало 35 мест в рейхстаге, в 1903 г. — уже 81; в 1903 г. за социал. деп-тов было подано 3.010,771 голос, в 1907 г. — 3.250.000. Видя неуспех не только своих личн. средств борьбы с социал. революцией, но и средств законодательных (страхование рабочих, ограничение

числа раб. часов, развитие фабрич. инспекции и т. п.), В. всё чаще ищет в армии опоры для борьбы с этим внутр. врагом. Он то и дело обращается к ней с призывом помочь ему. Еще в нбр. 1891 г. он сказал войскам Потсдам. г-зоны: — «Вы клялись мне в верности, это значит, что вы отдали мне свое тело и душу: у вас д. б. только один враг, и этот враг — в то же время и мой враг. При нынешних происках социалистов может случиться, что я прикажу вам стрелять в ваших родственников, в братьев и даже в родителей, — от чего, конечно, да избавит вас Бог, — но и тогда вы должны следовать моим приказаниям». Тот же смысл кроется в речи В., произнесенной им в 1910 г. в том же Потсдаме при приведении к присяге новобранцев. Подчеркнув важн. в госуд. отношении значение солд. звания и лежащую на нём ответств-сть, он сказал, что от них требуется безусловное подчинение воле главы вооруж. сил, что они должны радостно и с готовностью исполнять все повеления высш. руководителя, что при этом нет места колебаниям между чувством, совестью и долгом, как солдат, так и глава армии, одинаково ответственны перед отечеством за охрану его, и что это сознание ответств-сти д. побудить солдата к богоубожн. и нравств. образу жизни. «Плохой христианин не м. б. храбрым человеком, не м. б. прус. солдатом и не м. исполнить всё то, что требуется от солдата», — сказал В. новобранцам 1897 г. Стремясь удержать в рядах офиц. к-са представителей консерват. сословия, — дворянства и офиц. семей, связанных с армией наследств. боев. традициями, к-рых дорожеизна жизни побуждает избирать другие роды деят-сти, — В. ведеть постоянн. борьбу с роскошью офиц. жизни, лично посещая офиц. казино и требуя в них для себя простого обеда и вин отечеств. производства. Другим злом, ослаблявшим к-с оф-ров, было сильное развитие дуэлей. В 1895 г. приказом по армии В. высказал пожелание, чтобы оф-ры за разрешением ссор и недоразумений обращались к суду чести и, т. обр., ставил дуэль под контроль товарищ. среды. Т. к. это мало помогло, то 1 янв. 1897 г. воен. кабинетом имп-ра обраще-

но б. внимание ком-ров частей на необходимость принять решит. меры к сокращению числа поединков, и в результате число их действ-но сократилось: в 1897 г. их было 4, в 1898 г. — 3. Тогда же (1895 г.) б. строго воспрещено ставить выбор оф-ров запаса в зависимость от их взглядов на дуэль. В то же время, всячески улучшая быт н. ч., В. энергично борется с другим злом армии, создавшим ей одно время печальную известность, — жестоким обращением с н. ч. Видя в нём благодарную почву для социал. пропаганды, В. борется с ним «при помощи самих н. ч.», к-рым повелено «строжайше внушить» — о каждом случае дурного обращения со стороны начальств. лиц тотчас же заявлять в установлен. порядке (пр. воен. мин-ра 19 авг. — 1 снт. 1909 г.). Первыми крупн. воен. мероприятиями В. II были: введение 2-лет. срока службы под знаменами и реформа воен. судопр-ства. Обе эти меры явились как бы уступкою обществ. мнению, ибо первая из них встретила сильную оппозицию со стороны герм. генералитета, опиравшегося в этом случае на слова самого имп-ра, что он предпочитает небольшую по численности, но хорошо обучен. армию. Однако, и при 2-лет. сроке службы герм. армия заслужила репутацию образцовой и действ-но послужила образцом при реорг-ции армий турецкой и японской. Лишь в самое посл. время (1910—11 г.) стали говорить, что «герм. армия уже не та во всех отношениях совершен. машина, к-рая в течение 40 л. вызывала всеобщее удивление и подражание», и что на понижение её качеств повлияли огром. расходы (до 220 мил. р. в год) на создание флота, к-рый явился предметом наиб. забот В. II. Действ-но, ни в одной отрасли полит. жизни личное влияние его не проявилось с такой силой, как в деле создания герм. морск. мощи. Только энергии, упорству и силе воли своего имп-ра Германия обязана прекрасными верфями, портами и примор. кр-стями и сильным флотом. До фр.-prus. войны 1870—71 гг. в Германии не существовало кораблестр. бюро (Konstruktionsbureau), и первые бронир. фрегаты б. куплены во Франции и Англии; частн. верфи в Данцигге,

Штетине (общ. «Вулкан») и Гардене («Сев.-Герм. Ллойд») могли строить только корветы и канон. лодки малого тоннажа, го- суд. верфи в Вильгельмсгафене и Киле только еще строились. Но уже 23 снт. 1890 г., открывая порт в Штетине, В. II произносит новое для Германии слово: «Наша будущность на воде», и это становится лозунгом как его лич. деят-сти, так и всего герм. народа, во имя какового в нём д. смолкнуть все партий-ные расчеты и страсти. Сам он с присущей ему экспансивно-стью отдаётся теорет. и практич. изучению мор. дела: составля-ет сравнил. таблицы мор. сил европ. держав, изучает мор. про-граммы, принимает лич. участие в работах создан. им кораблестроит.-технич. общества, составляет проекты мор. су-дов, руководит маневрами флота, инспектирует мор. учрежде-ния, поощряет торг. судостроение и рядом торг. договоров со-действует мор. торговле Германии. «Трезубец Нептуна д. б. в наших руках», — говорит он громко, на весь свет, в одной из своих речей, «Я не успокоюсь, пока не поставлю флот на высо-ту армии», пишет он брату, пр. Генриху, в 1897 г. «Что мой дед сделал для армии, я сделаю для флота», — заявляет он в трон. речи 1 янв. 1900 г. при внесении в рейхстаг больш. мор. про-грамм. «*Navigare necesse est, vivere non est necesse*» («плавать необходиимо, но жить не необходиимо»), — говорит он в кругу своих приближенных, и яхта «Гогенцоллерн» делается второй его резиденцией. На ней он объехал вокруг всей Европы, за-ходил в Зол. Рог и Сирийские гавани, на ней он ежегодно от-дыхает в шхерах Норвегии, на ней происходить свидания его с иностр. государями и делается политика; на палубе этой яхты он выступает в воскресные дни в роли проповедника, и с неё же звучала во время боксер. восстания в Китае сильная речь «о брониров. кулаке» для Европы. Сначала мор. политика В. встречает недоверие и оппозицию в народе и рейхстаге. Но он не смущается этим и проявляет огромную настойчивость. Ког-да в 1897 г. рейхстаг знач-но сократил мор. строит. программу, он обращается к нации с лично составленным им воззванием,

доказывая необходимость планомерн. мор. судостроения. Дептам рейхстага он говорит в 1900 г.: «Герм. империя стала міровой державой; в самых отдален. частях земного шара живут тысячи наших земляков; герм. капиталы, герм. знания, герм. предприимчивость стремятся за океан, — на вас лежит несомненная обязанность помочь мне связать это великое герм. гос-во с нашим родным». Вильгельм II, король прусский, император германский.

Промышленникам Крефельда он внушает в 1902 г.: «Для вас д. явиться необходимостью сильный флот, к-рый будет могучей защитой торг. судов, чтобы вы могли спокойно повсюду продавать продукты своего производства». Он заражает Германию идеей: «Deutschland über alles», он прельщает их горделивою мечтою о Германии — міровой державе и сламывает оппозицию, равнодушие и недоверие. 14 июня 1900 г. рейхстаг принимает мор. программу В., рассчитанную на 16 л. За этот период герм. флот д. возрасти до 34 лин. к-блей, 8 бр. крейсеров, 24 крейсера и 80 миноносцев. Присутствуя лично на спуске каждого нов. к-бля, В. приветствует его словами: — «Vivat sequens!» (да здравствует следующий). Наряду с этою неустан. страсти. деят-стью по созданию флота В. ищет для Германии повсюду мор. колоний. В Китае он спешно занимает Кiao-Чао, но ведет там осторожную политику, предоставляя России «вынимать каштаны из огня» желтой опасности и во-время отказывается от колоний на Тихом Океане. Чтобы укрепиться на малоазиат. побережье, он посещает лично Абдул-Гамида и, называя этого «кровавого султана» своим другом, добивается концессии на постройку Багдад. ж. д., чтобы выйти к берегам Персид. залива. Он смело заявляет перед Францией свои права на Марокко и, никогда не доводя дела до войны, не отступает перед возможностью её. Призрак войны составляет как бы тень В., отбрасываемую им всюду и всегда, во всех его речах и делах. Так, нарисовав известную аллегорич. картину «Народы Европы, берегите свои священнейшие блага», он по-

ручает своему представителю на Гаагской конф-ции 1900 г., полк. Шварцкопфу, высказаться против ограничения вооружений, — и тем еще более укрепляет общее мнение, что «император В. II хочет войны». Действительно, только военной славы недостает его царст-нию, только лавров полк-дца не хватает в том венке его личных качеств и талантов, к-рые он стремится проявить как государь, политик, оратор, художник, композитор. Война, как крупное явление в историч. жизни народа, как красочное зрелище, как обширное поприще для проявления ума, энергии и воли, как азартная игра, как вызов судьбе, несомненно увлекает такого романтика и мистика по натуре, как В. II. Он не может оставаться равнодушным к «звону мечей» и грому пушек, где бы они ни звенели и ни гремели. На чьей стороне правда, — его не интересует. Его возбуждает самый шум войны, и он, приветствуя буров в начатой ими войне против англ. владычества, в то же время составляет для Англии план покорения Трансваала. В 1900 г., во время боксерск. восстания в Китае, он стремится назначением своего фельдм. гр. Вальдерзее гл-щим международным корпусом войск предоставить Германии первенств. роль в подавлении его. В Альдершоте (6 авг. 1889 г.) он восхищается англ. войсками и напоминает, что «при Мальплаке и Ватерлоо немцы и англичане дрались рядом», а в 1892 г. он уже грозит англичанам: «Наш флот еще мал в сравнении с флотом наших врагов, но его сила в его дисциплине». Выйдя победителем из целого ряда острых политич. конфликтов и тамож. войн с Россией, Францией, Англией, Бельгией и даже Венецией, не обнажая меча, исключ-но путем искус. дипломатии, В. в то же время открыто заявляет (1 янв. 1900 г.), что «когда на этом свете хочешь чего-либо добиться, перо без силы, если его не поддерживает меч». Получив от своего умирающего деда имп. Вильгельма I заповедь «всегда считаться с русским императором», В. II своеобразно выполняет ее в том смысле, что считается с Россией, как силой, к-рую в интересах Германии надо лишь ослаблять. Он посещает ее впервые

в 1888 и 1890 гг., но свидания эти ведутся не к сближению, а к разъединению. В. II отказывается возобновить секретное рус.-герм. соглашение, срок к-раго кончается в 1890 г., и скрепляет «тройствен. союз» против России, к-рая, в свою очередь, страхует себя от него союзом с Францией. Только через 6 лет В. изъявляет желание снова сблизиться с Россией. Он снова посещает Россию в 1897, 1901 и 1902 гг. и, покидая в последний из этих годов ревел. рейд после смотра рус. флоту, раскрывает свою политику в прощальном сигнале: «Адмирал морей западных приветствует Адмирала морей восточных». Это — приглашение России на Д. Восток. В 1904 г. он заключает с Россией торг. договор на 10 л., в к-ром оч. выгодные для герм. торговли и промышл-сти условия компенсируются политикой свобод. рук России в Манчжурии. Это приводит к возбуждению против России С.-А. С. Штатов и Англии, которые и дают Японии финансовую возможность для войны с нами. Рус.-яп. война дает Германии возмож-сть использовать на заказах рус. прав-ства все выгоды торг. договора 1904 г. и облегчает ей свободу политики в Европе. Гарантируя России безопасность её зап. гр-цы и тем представляя ей возмож-сть использовать воен. средства погранич. округов, В. высадкой в Марокко наносит политич. удар нашей союзнице Франции. Чувствуя, что двойствен. политика его не способствует усилению симпатий России к Германии, он подогревает их наградой ген. Стесселю высш. воен. ордена за геройск. оборону П.-Артура и называет его «героем, которым восхищается весь мир», — особенно же он и его армия. Мукденская же катастрофа дает ему повод сказать 6 мая в Страсбурге своим оф-рам, что «русская армия была ослаблена безнравственностью и пьянством». И он тут же подводит итог достигнутым успехам: «Теперь, — заключает он свою речь, — когда Россия обнаружила свою слабость перед желтою опасностью, Германия должна выступить против неё», — иначе говоря, он является гегемоном Европы в охране её священнейших благ. При начатии переговоров о мире между Россией и Япони-

ей, через 2½ мес. после произнесения этой речи (23 июля 1905 г.), В. является в Россию (в Биорке) уже в роли друга и советника. В разгар нашей внутрен. политич. смуты он встречается с Государем Императором в Свинемюнде (3—6 авг. 1907 г.), а в 1908 г., после свидания нашего Государя в Ревеле с англ. королем Эдуардом VII, он обращается в Дёборитце (14 июня 1908 г.) к своим оф-рам с словами: «Нас хотят окружить, — пускай, мы сумеем встретить». Но через год, 17 июня 1909 г., В. сам едет в Ревель, 7 авг. снова видится с нашим Государем в Киде, 4 нбр. 1910 г. встречается с Ним же в Потсдаме, — и в результате является соглашение о разграничении сфер ж.-д. строительства на Бл. Востоке: Россия обязуется или сама построить линию Ханекен-Тегеран, или передать концессию на нее Германии. Германия же отказывается от ветки Багдад. ж. д. в сторону Кавказа. Последним крупным политич. успехом В. II является франко-герм. соглашение о Марокко и Конго, подписанное 22 окт. (4 нбр.) 1911 г., по к-рому Германия получает террию в 300 т. кв. км. с населением в 1½ мил. Оценивая этот исход безкровной борьбы за Марокко, тянувшейся с 1904 г., одна из нем. газет характерно объясняет его: «Никто не может серьезно предполагать, чтобы без поднятия герм. флага (на канон. «Пантера») пред Агадиром, Германия добилась уступок». Это признание как нельзя лучше объясняет политику В. II и его личн. характер. Полный творческ. замыслов, направленных к превращению Германии в мировую державу и созданию ей первенствующего положения, он отдается осуществлению их с энергией, не ослабевающей вот уже на протяжени 20 слишком лет его царст-ния. Он служит им прежде всего своим темпераментом, своими разносторонними дарованиями, беспрестанно меняя орудия борьбы, постоянно нащупывая пульс эпохи, учитывая все производные прогресса — духовного и материально-го, требуя служения им религии, науки, искусства, торговли и промышленности. Поклонник идеализма, «к-рый есть лучший оплот в борьбе с материалистической концепцией современной

рационалистической мысли», он ценит только материальное и стремится только к нему. Отправившись в Палестину, чтобы там у Гроба Господня призвать мір к ограничению милитаризма, онь высказывается за него, как только другие предвосхищают его мысль. Романтик, отдающийся впечатлению прекрасного, высокого, героического, весь находящийся во власти историч. традиций и преданий, он трезво и практически учитывает с пользой для своей Германии все эти традиции и личные порывы настроения. Мистик, в религиозном порыве приносящий в Аахене (1902 г.) «к подножию креста» всю Герм. империю, весь «народ, свою армию» и ставящий всё это «под защиту того, о ком ап. Павел сказал, что нет иного спасения как только в имени Христа», — он верит в силу «бронированного кулака» и в своей политике не блюдет строгой морали, ведя всегда двойную игру и таксируя свою дружбу и услугу. Монархист, убежденный, что служит орудием Господа Бога, и что «солдат и армия, а не решения парламента создали Германию», — он добросовестно исполняет свои конституцион. обязательства, когда же темперамент увлекает его за пределы конституцион. такта (1908 г. — интервью с сотрудником «Daily Telegraph»), он имеет мужество признаться в этом и дать торжеств. обещание «обеспечить устойчивость импер. политики путем соблюдения конституц. ответ-ности». В одном он целостен — это в возрении на монархов, как на единств. вершителей судеб народов и творцов историч. событий. Это воззрение как нельзя более отвечает его энерг. натуре, экспансив. характеру и сильн. темпераменту. Не в его натуре оставаться лишь зрителем событий, быть лишь судьей их, хотя бы и верховным. На маневрах своих войск он не только присутствует, но и выступает в роли то «посредника», то начальника какой-либо группы войск (так было в 1903 г.). Когда после дипломатических демонстраций в Тулоне и Кронштадте на политич. горизонте появился призрак войны, Б. в дружеском кругу заявил, что, если война вспыхнет, он сам поведет свою армию против Франции. Слова

эти стали известны за пределами этого круга, их припомнили в дни конфликта с Францией из-за Марокко и на страницах газ. «Zukunft» подверглись комментариям, сущность к-рых сводится к тому, что В. много читает по военному делу, тщательно изучает Фридриха II, Наполеона и Мольтке, неутомимо проверяет свои идеи на полях Дёборитца, знает армию, и армия знает его, но импульсивность его натуры может повести к вмешательству в ход событий и дать им роковой оборот. Та же импульсивность натуры В. увлекает его нередко в кипень парламент. борьбы, причем он не щадит своей личности. Было бы, однако, ошибочно думать, что воинств. тон и смысл его речей лишь проявления экспансивности. Разрешение кризиса из-за Марокко свидетельствует, что воинств. слова свои он готов закрепить и делом, что искусство и осторожность в политике м. быстро смениться отважной решимостью. Имп. В. II состоит шефом 85-го пех. Выборгского п. (с 6 мая 1884 г.) и 13-го гус. Нарвского п. (с 29 авг. 1901 г.). (Limann, Der Kaiser, Berl., 1904; ***, Der Kaiser, Die Kultur u. Die Kunst, Münch., 1904; Reventlow, Kais. W. II u. Die Bysantiner, Münch., 1907; Schwanseher, Unser K. u. sein Volk, Leipz., 1906; Rehtwisch, Unser Kaiser, 1910; Kaiserreden, Reden u. Erlasse, Briefe mit Telegramme K. W. II, 1902; R. Martin, Deutsche Machthaber, Berl., 1910; Schiemann, Deutschland u. Die grosse Politik 1900—10, Berl., 1911; R. Martin, Die wirtschaftliche Krisis Der Gegenwart, Leipz., 1907; E. Beich, La vanité allemande, Lond.; Lichtenberger, L'Allemagne moderne, Paris, 1903; Voelcker, Die Deutsche Volkswirtschaft im Kriegsfall, Leipz., 1907; Martin, K. W. II u. K. Edward VII, Berl., 1907; J. Arron, Guillaume II, Paris, 1911; Alf. Fried, Der Kaiser u. Der Weltfrieden, Berl., 1910).

**Источник: Военная энциклопедия : [в 18 т.] / под ред.
Б. Ф. Новицкого ... [и др.]. — СПб. ; [М.] :
Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911—1915**

Елена Пуховская

ГЕОГРАФИЯ, ГЕОПОЛИТИКА, ПАНГЕРМАНИЗМ: У ИСТОКОВ НЕМЕЦКОЙ ХАРИЗМЫ

Идея географического детерминизма, а вслед за ней и геополитики, определила нерасторжимую связь между географическим пространством и внешней политикой государств и, вместе с протестантизмом, оказала огромное влияние на эволюцию европейского міровоззрения и формирование национальных идеологий. В Германии міровоззренческая эволюция от провиденциализма Бога к природным детерминантам имела особенности вследствие более позднего завершения национально-государственного строительства и замедленных темпов развития капитализма, по сравнению с другими странами Западной Европы. Путь неорганической модернизации сопровождался быстрым ростом немецкого капитализма после 1871 г. (объединение Германии), а также эволюцией политического мышления и формированием новой ментальности в немецком обществе.

Истоки нового, геополитического міровоззрения, ставшего фактом к концу XIX в., обнаруживаются в историко-философских размышлениях о судьбах Германии у самых известных немецких мыслителей. Уже И. Кант (1724-1804) писал о приоритете географии над историей. Природе отводилось важное место в историко-философских построениях Гегеля (1770-1831).

Географ И. Гердер (1744-1803) впервые обратился к изучению системных взаимосвязей между природой и историей, поставил внешнюю политику государства в зависимость от географических факторов. Его идеи получили продолжение в трудах географа К. Риттера (1770-1859), который обосновал нерасторжимую связь между «географическим индивидуумом»

(этнос, страна) и его стремлением расширить «естественные» границы в целях самосохранения и развития первоначальной Boden (земля, почва). Впоследствии К. Риттер получит в Германии репутацию «хорошего немца», патриота и гражданина [1].

В процесс формирования новой историко-философской парадигмы органично включились мальтизианские идеи, представившие аргументы для «пространственного распространения» немецкого народа, а также идеи социал-дарвинизма о «борьбе видов» (народов и государств) и «естественному отборе». Теоретик германской экспансии Г. Лоэнис писал: «Любая национальная колониальная политика может стать успешной только исходя из характера муттерланда: при этом принимаются во внимание географическое положение, государственные учреждения, смысл, обычаи, даже предразсудки и их историческое прошлое, потому что для государства так же очевиден закон развития, как и для индивида - способность пережить других» [2].

Известный тезис Ф. Ницше «Бог умер» означал не только антиклерикальную оценку мировоззрения прошлой эпохи. Он фиксировал поиск новой мировоззренческой парадигмы в условиях складывания индустриального общества: объяснение природы и истории, их закономерностей и взаимосвязи. Большое внимание роли природных факторов в истории уделял ранний марксизм. Стагнация этих исследований в трудах его классиков не стала окончательной и позже получила продолжение в теориях немецких социал-демократов, а они, в свою очередь, были использованы идеологами национал-социализма.

Результатом системного научного поиска стала теория Ф. Ратцеля - «отца» немецкой геополитики (труды «Антропогеография» и «Политическая география»). На обширном географическом, этнографическом, демографическом и историческом материале, в анализе которого совместились естественные и гуманитарные науки, учёный разработал теорию о связи географии и истории, географии и внешней политики: Volk (народ) и

Staat (государство) «растут», подобно живому организму, и увеличивают *Raum* (пространство) первоначальной *Boden* (земля, почва). По Ратцелю, исторические процессы развития народов и государств предопределяют природно-географические факторы (климат, размеры территории, её местоположение, ландшафт, наличие или отсутствие выхода к морю, изрезанность береговой линии и др.). Возникла новая картина мірової історії, в которой по-новому рассматривались перспективы развития народов и государств міра. Тезис Ратцеля о неизбежности смены міровых лидеров, изученный на историческом материале о переходе колониально-морских приоритетов от Испании и Португалии к Англии, проецировался на грядущий крах Британской империи. Географические параметры «обрекали» на роль нового мірового гегемона Германию.

Первоначально Ратцель не рассматривал свою теорию в практическом политическом смысле. Однако его идеи и выводы происходили из немецкой и международно-политической истории и современности, на них же и проецировались. Это закономерно привело профессора Ратцеля в политику. Учёный обосновал закономерность германского внешнеполитического экспансионаизма, стал крупным колониальным теоретиком, ярким политическим публицистом, а также членом Национал-либеральной партии, «Колониального союза», «Флотского ферайн», «Альльдойче Фербанд» («Пангерманский союз»).

Теория (и биография!) Ратцеля отразила общеевропейский методологический поиск, связанный с отказом от прорайденциальной и трансцендентной Истории по воле Бога, с поиском материалистического объяснения міра и законов развития человечества. Научная и политическая деятельность Ратцеля, стремительная политизация немецкой географии, её причастность к обоснованию внешнеполитической доктрины свидетельствуют о том, что немецкий философско-міровоззренческий поиск не был оторван от социальнopolитической жизни Германии. Геополитические идеи давали ответы на актуальные немецкие вопросы.

Центральное географическое положение Германии в Европе рассматривалось учёными и политиками как достоинство и одновременно как недостаток. Поиск причин продолжительного социально-экономического отставания Германии от Англии и Франции, а затем проблемы «перепроизводства» и «перенаселения», связанные с ускоренным развитием немецкого капитализма, формировали «национальную обиду» и побуждали к поиску «врага». Одновременно формировались мессианские настроения. «Срединная Европа» во главе с Германией превращалась из географической территории в политическое пространство. Оно становилось гипотетической основой для построения немецкой «Срединной Африки» и безкомпромиссной борьбы за «место под солнцем» (выражение канцлера Б. Бюллова из программной речи в рейхстаге) в период завершения борьбы западных держав за раздел мира.

Западноевропейские теоретики и политики в XIX - начале XX вв. подразделяли войны на «справедливые» и «несправедливые» (вспомним аналогичную ленинскую градацию). «Справедливые» войны соотносились с территориальным прогрессом «культуры» и «цивилизации». Напротив, «несправедливые» войны «дикарей» не проектировались на прогрессивное «изменение пространства». Научные тезисы немецких географов приобретали откровенно политический смысл: «растя или заахнуть» (обоснование экспансии), «ответ категорический - да!» (о целесообразности колонизаций). «Закон пространственного роста народов» Ратцеля предполагал, что рост численности населения изменяет отношение «народа» к «пространству». «Культурный» народ в своем «пространственном распространении», в том числе, через войны, способствует прогрессу [3].

В Германии формировалось мнение о «союзе» географической науки и колониальной политики как основе и способе обеспечения благополучия нации и рейха. Географические общества превращались в политические организации. Ратцель положил начало идеализации и героизации немецких учёных-

географов, колониальных первопроходцев. «Мыслящая элита» способствовала популяризации и распространению новых идей среди молодёжи, а затем и шире - в масштабе всего немецкого общества. Впоследствии геополитик нацистской Германии К. Хаусхофер причислил своего научного предшественника Ратцеля к «великим немцам», отметив «чувство обязанности преподавателя высшего учебного заведения своевременно принимать участие в формировании общественного мнения через прессу и в лекциях» [4].

Интеллектуальная элита Германии сыграла огромную роль в формировании националистических и милитаристских настроений. «Патриотический» лозунг о «пространственном распространении» интерпретировался как способ «обороны». В немецком обществе распространялись различные фобии. Известный учёный, философ и экономист В. Зомбарт написал одиозное произведение «Герои и торговцы», в котором «героями» выступали немцы, а «торговцами» - англичане.

Выдающиеся немецкие достижения в философии, музыке, литературе, изобразительном искусстве политизировались, интерпретировались с позиций расовой «исключительности» немцев, становились дополнительным аргументом для обоснования мессианско-цивилизаторской роли Германии в мире. Уже в начале 1880-х гг. Ф. Ницше фиксировал наличие в немецком сознании идеи «Германия превыше всего!» [5]. Ницшеанство отразило усиление этатизма в немецком мировоззрении, рост интереса к «немецкой идеи» и «немецкому духу», т. е. потребность в национально-государственной самоидентификации. Немецкие идеологи использовали и этические императивы: внешняя экспансия понималась как «вопрос культуры», когда Германия выполняет «национально-нравственное обязательство». Географические объекты «обязательств» располагались по всему миру - в Европе, Африке, России, Южной Америке, Австралии, Океании [6].

Пангерманизм, как идеология, был общественно-политическим и радикально-экстремистским производным от немец-

кой географии и geopolитики, от социальных и политических проблем. На пангерманизме замкнулся разнонаправленный поиск новой немецкой идентичности после 1871 г., в его идеологии совместились патриотизм и национализм, оформилась первичная немецкая харизма.

Рождение «Алльдойче Фербандт» состоялось в 1891 г. как реакция на свёртывание колониальной политики и «пространственное распространение» Германии в канцлерство Л. Каприви. Союз финансировали крупнейшие германские промышленно-финансовые магнаты - Крупп, Стиннес, Кирдорф. Основатель союза А. Гугенберг декларировал: «Взгляд немецкого буржуа следует направить за море». Другой алльдойче и колониальный деятель - К. Петерс, выступая за движение немцев за океан, писал: «Миллионы нуждающихся людей могли бы найти там новую родину под национальным флагом» [7]. Таким образом, алльдойче изначально взяли курс на консолидацию немецкого общества, полагая, что активная внешняя политика проводится в интересах всех слоёв и социально-профессиональных групп Германии.

Членами «Алльдойче Фербандт» стали депутаты рейхстага, представители различных политических партий, предприниматели и банкиры, юнкеры и военные, профессора и учителя, юристы и духовенство, писатели и журналисты, т. е. самая образованная и социально влиятельная часть немецкого общества, его верхние и средние слои. К началу XX в. численность алльдойче составляла 22 тыс. человек, фракция из 32 членов организации заседала в рейхстаге [8]. Имела значение не только численность алльдойче, но их профессиональная деятельность среди всех слоёв немецкого общества.

Идеологи союза, в частности, профессор Э. Хассе, претендовали на общенемецкое национально-народное и патриотическое представительство, подчёркивали «надпартийность», «народность», «национально-немецкий дух» своей организации. Нередко эпатируя общественное мнение и забегая вперёд

во внешнеполитических инициативах, по отношению к правительству, «Алльдойче Фербандт» апеллировал к «немецкому национальному достоинству». Обладая прочными позициями в школах и университетах, алльдойче целенаправленно влияли на формирование мировоззрения молодёжи. Демагогические и реальные аргументы в пользу внешней экспансии находили отклик в немецком обществе, многие социальные страты которого оказались незащищёнными в условиях бурного экономического роста. Новое место Германии в Европе и мире, острота социальных проблем пробуждали интерес немецкого обывателя к новым способам самореализации.

В 1897 г. «Алльдойче Фербандт» опубликовал программный документ - «Историческое обоснование немецкого национального самосознания». Главные идеи формулировались предельно чётко и одновременно эмоционально: «Направление нашего политического развития ... требует материального и духовного расширения государства и распространения его власти вширь, а также расселения немцев за чёрно-красно-белые столбы, за моря, по всему земному шару» [9]. Идеологи-алльдойче преодолели внешнеполитический дуализм, неразрешимый для дипломатов (континентальная или колониальная политика), и призвали к возсоединению континентально-европейской и заокеанской стратегий. Основой новых подходов становилась силовая политика.

Алльдойче рассматривали «Среднюю Европу» как исходный плацдарм для «пространственного распространения» по всему миру. Утопические проекты идеологов «Алльдойче Фербандт» эпатировали немецкое общество, но также способствовали его консолидации, вне зависимости от места индивида в социальной стратификации. Этому отвечали заявления, в которых говорилось: «Если мы хотим упрочить положение в качестве мировой державы, мы должны тем или иным путём расширить основы своего национального существования» [10]. Показательно выражение «тем или иным путём», смысл кото-

рого в контексте внешнеполитического курса и милитаризации Германии очевиден.

Пропагандистская работа алльдойче во многом предвосхитила и дала теоретическое обоснование новому внешнеполитическому курсу германского правительства. Политический экстремизм и радикализм теоретиков «Алльдойче Фербандт» постепенно сглаживались на фоне стремительного роста германской экспансии, в рамках внешнеполитического курса правительства, и политизации массового сознания. Марокканский кризис в начале XX в. обозначил совпадение позиций правительства и алльдойче.

Профессионально-политическое и массовое сознание смыкались в понимании закономерности и целесообразности войн для обеспечения Германии и немцам «справедливого» положения в мире. Высказывание кайзера Вильгельма II, снискавшее ему репутацию «нового Чингиз-хана», получило позитивное общеноемецкое звучание: «Там, где немец пал, верно выполняя свой долг фатерланду, и лежит похороненный в земле, где немецкий орёл обрёл свою добычу, земля эта - немецкая и немецкой останется» [11].

Консолидация немецкого общества на базе единого понимания национальных и внешнеполитических задач укреплялась. Во время войны на юге Африки 1899-1902 гг. алльдойче действовали в защиту «братьев-буров» уже совместно с партиями консерваторов и национал-либералов, в рядах буров сражались немецкие добровольцы. Известные немецкие социал-демократы, например В. Либкнехт, видели в германском колониализме способ привнесения «культуры» и «цивилизации» отсталым народам мира для прогрессивного продвижения их к общему с немцами социалистическому будущему.

Национально-патриотические (националистические) песни «Германия, Германия превыше всего!», «Вахта на Рейне», «Прочная крепость» всё громче звучали в Германии и выражали нарастание милитаризма, национализма и расизма в не-

мецком обществе. Ментальная уверенность в своей «немецкой исключительности» сочеталась с эмоционально-агрессивной франкофобией, англофобией, русофобией на всех социальных и политических уровнях. Вильгельм II публично выражал готовность «дать по физиономии англичанам». Немецкие морские офицеры поднимали в кают-компаниях традиционный тост «за тот день» (день объявления войны Англии). Рабочие Гейдельберга избили играющих в футбол (британский спорт) немецких студентов, приняв их за англичан. В 1912 г. немецкий школьник в сочинении написал: «В какую эпоху новейшей истории мы не заглянем, повсюду воздух наполнен войной и грохотом войны». Юноша выразил убеждение в наличии у Германии «многочисленных врагов» и в своей готовности помочь любимому фатерланду. Потрясённый масштабами англофобии в Германии английский король Эдуард VII сказал кайзеру Вильгельму II: «Эти люди, видимо, свихнулись и ведут себя как сумасшедшие» [12].

Отношение немца-политика и немца-обывателя к славянам и славянской государственности варьировалось от снисходительного патернализма до готовности привнести «цивилизацию» насилиственно-военным путем. Идеологи алльдойче разработали проект колонизации западных и южных территорий Российской империи. Острота польско-германских отношений также имела выраженную расовую подоплеку. От «натиска на восток» времен Средневековья через Новое время, с его немецким делением народов на «исторические» и «неисторические», пролегал путь к новому и системному восприятию славянства через его расовую и культурную «неполноценность».

Коренное население германских колоний в Африке и Океании рассматривалось как объект «культурной колонизации». Колониальные земли имели репутацию «ничейных», оценивались с точки зрения их экономических и демографических (заселение немцами) перспектив. Немецкие колониальные теоретики считали, что колонии необходимы для «повторения на-

шего собственного культурного развития на новой земле» [13]. Восприятие «туземного общества» как «безкультурного и «ди-кого» становилось основой расизма. В колониях Германии существовали две морали с разными императивами, два стандарта поведения: для немцев (европейцев) и аборигенов. И то, что считалось преступным или безнравственным по отношению к представителю «цивилизованной расы», не рассматривалось в качестве такового по отношению к «туземцу». В немецких колониях широко применялись телесные наказания, не считалось уголовным преступлением убийство аборигена, использовалось сексуальное принуждение по отношению к женщинам-аборигенкам, применялся детский и рабский труд.

Усилиями власти, политических партий и общественно-политических организаций, включая «Алльдойче Фербандт», в немецком обществе формировались милитаристские и националистические настроения, представление о «народности» и «цивилизаторской» миссии внешней и колониальной политики. Немецкий обыватель и политик рассматривали войну как путь и способ восстановления «справедливости» для немецкого народа, преодоления «зажатости» в центре Европы, победы над «врагами».

Направленность эволюции немецкого общественно-политического и национального сознания отчётливо видна уже в событиях января 1894 г., когда «примирение» канцлера в отставке О. Бисмарка и кайзера Вильгельма II толпа приветствовала пением «Германия, Германия превыше всего!». Даже «благомыслящие немцы», как писал в воспоминаниях министр иностранных дел России В. Н. Ламздорф, исходили из неизбежности войн [14]. В 1914 г., после объявления войны, толпы в немецких городах пели «Возблагодарим Господа!».

Политический фатализм проецировался на франко-германские, русско-германские, англо-германские противоречия и не был пессимистичен для немца. В ходе войн в Европе и за океаном Германии «немецкий Михель», по выражению

канцлера Б. Бюлова, должен был завоевать и обрести «достойное» место в міре. «Алльдойче Фербандт» с его программой территориального расширения Германии и разселения немцев по всему міру переводил ментальное ощущение национальной самодостаточности в ощущение национального превосходства, способствовал формированию немецкой харизмы и представления о мессианской роли Германии и немца в грядущем міроустройстве. Действия идеологов и рядовых алльдойче отличали решительность и безкомпромиссность, радикализм и экстремизм, нагнетание эмоциональной экспрессивности вокруг понятий «немцы», «немецкая нация», «национальные интересы» и т. д.

Геополитическая риторика широко использовалась в политико-дипломатической практике. Б. Бюлов констатировал, что «наше географическое положение довольно опасно». Его преемник Т. Бетман-Гольвег, при обосновании внешнеполитической экспансии, ссыпался на права «растущего организма». Глава Колониального ведомства Б. Дернбург заявлял, что немцы несут «знак народа мыслителей и поэтов» и уже потому должны «маршировать во главе культурных наций». Это совпадало с лозунгами «Алльдойче Фербандт» о Германии как «естественном географическом и культурном лидере Европы» [15].

Таким образом, в немецком міровоззрении в течение второй половины XIX - начале XX вв. оформились принципиально новые идеи. Они установили новую систему взаимосвязей и взаимозависимостей между природой и обществом, природой и государством, природой и внешней политикой, по-новому определили роль Германии и немцев в міре. Ранее самостоятельные науки - география и история - оказались неразрывно связанными и наполнились футурологическим смыслом. Природно-географические параметры Boden и Raum стали определять культурно-цивилизационный и национальногосударственный потенциал Volk и Staat. Теория Ратцеля, проекты «Алльдойче Фербандт», программы немецких политических партий, внеш-

неполитический курс германского правительства дали ответ немцам из разных социальных страт на насущные вопросы современности, определив мессианскую роль немецкой нации и особое место Германии в грядущем мировом сообществе.

Крах германского «второго рейха», которому отводилась роль продолжателя средневековой «Священной Римской империи германской нации» («первый рейх»), обозначил Версальский договор 1919 г. Но он не был воспринят как окончательный приговор ни немецкими идеологами, ни немецкими политиками, ни немецким народом. Возрождение и упрочение немецкой харизмы в период между двумя мировыми войнами способствовало тоталитарному перерождению немецкой государственности.

Идея «третьего рейха», провозглашённая НСДАП и изложенная в немецком политическом бестселлере «Майн Кампф» А. Гитлера, означала возрождение и продолжение идеологии «Алльдойче Фербандт» и возвращение к экспансионистским проектам времен Первой мировой войны. Скромная, по интеллектуальному потенциалу (? – сие и ряд сходных оценок автора статьи явно несут на себе отпечаток сегодняшней «идеологической конъюнктуры», что впрочем, не отменяет её информативности для вдумчивого читателя – Изд.), и эпигонская, по отношению к идеологии алльдойче, концепция «Майн Кампф» предложила немцам идею «расово-арийской исключительности», вновь обратила немецкий народ к поиску «врагов» и обозначила общность немецких интересов и целей, вне зависимости от места в социальной стратификации.

Немецкий *Übermensch* (высший человек, сверхчеловек) противопоставлялся *Untermensch* (низший человек, недочеловек), применительно к другим расам и национальностям. Немецкая харизма возродилась и вновь наполнилась националистическим смыслом.

Личность и творчество Ф. Ницше «приватизировались», интерпретировались и фальсифицировались в духе идеологии

национал-социализма. Заслуги основоположника «политической географии» Ратцеля в фашистской Германии всемерно превозносились, его научное и политическое наследие изучалось в Геополитическом институте, который возглавлял К. Хаусхофер.

Опыт работы с детьми, подростками и молодёжью времен кайзеровской Германии был широко использован функционерами НСДАП.

Среди современных политологов Запада существует точка зрения, что объединение Германии и символическое падение Берлинской стены могут стать в перспективе основой «четвертого рейха», «хранителями» идей которого выступают немецкие неофашисты.

Литература:

1. Ratzel F. Politische geographie oder Geschichte der Staaten, des Verkehrs und des Krieges. Munchen-Berlin, 1906. S. III.
2. Loehnis H. Europeuschen Kolonien. Bohn, 1881. S. 82.
3. Passarge S. Deutsche Kolonial-reich. Bd. T. 1. Leipzig und Wien, 1914. S. 286; Ratzel F. Anthropogeographie.
2 Aufl. Stuttgart, 1899. S. 229, 237, 239.
4. Haushofer K. Friedrich Ratzel. Die Grossen Deutschen. Bd. IV. Berlin, 1936. S. 205.
5. Ницше Ф. Веселая наука // Соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 702.
6. См.: Loehnis H. Europeischen Ko-lonieen... S. IV.
7. Kruck A. Geschichte des All-deutschen Verbandes, 1890-1939. Wiesbaden, 1954. S. 8; Emin Pascha Expedition // Die Deutsche Kolonial Politik in Dokumen-ten. Leipzig, 1938. S. 367.
8. Raschdau L. Unter Bismarck und Caprivi. Erinnerungen eines deutschen Dip-lomaten aus den Jahren 1885-1894. Berlin, 1939. S. 239.
9. Die geschichtliche Berechtigung des deutschen Nationalbewusstsein. Berlin, 1897. S. 20.

10. Рорбах П. Война и германская политика: пер. с нем. М., 1915. С. 78.
11. Цит. по: Class H. Die Bilanz des neuen Kurses. Berlin, 1903. S. 25.
12. Бюлов Б. Воспоминания: пер. с нем. М. ; Л., 1935. С. 66, 141, 156, 203, 212; Левитин С. А. Милитаризация юношества в Германии и других странах Европы. С. 60.
13. Bottger. Die neue Aera der deutschen Kolonialpolitik. Berlin, 1907. S. 5.
14. Ламздорф В. Н. Дневник, 1894-1896. М., 1991. С. 22, 44.
15. Dernburg B. Zielpunkte des Deutschen Kolonialwesens. Berlin, 1907. S. 3-5.

Источник:

ПРОБЛЕМЫ ГЕОПОЛИТИКИ / GEOPOLITICAL ISSUES.
Серия «Политология. Религиоведение».
Известия Иркутского государственного университета,
2010. № 1 (4). С. 106-115)

Фауст Патронов

ИНТЕРВЬЮ И РЕЧИ ИМПЕРАТОРА ВИЛЬГЕЛЬМА

Громогласные и часто воинственные речи соделали определённого рода «славу» императору Вильгельму. Очень часто, отталкиваясь именно от таких речей, Вильгельма обвиняют в автократическом правлении. Хотя, чаще всего, речи произносились с целью произвести впечатление едва ли не на весь мир, но очень редко за воинственными словами следовало дело.

Правление Вильгельма отмечается активизацией колониальной политики. И если при Бисмарке открытие и освоение новых земель было исключительно частным делом, то с восшествием Вильгельма на престол колониализм стал частью государственной политики. В годы правления активной деятельностью отличались три организации: “Всеобщий германский союз”, “Общегерманский союз” и “Пангерманский союз”. Деятельность этих организаций отличалась активными притязаниями к колониальным и территориальным захватам. И это понятно - данные организации объединяли, в отличие от партийных обществ, самые разные слои общества Германской империи, более всего - крупных промышленников и высокопоставленных чиновников. Все эти организации достаточно часто критиковали Вильгельма справа, требуя более активной мировой политики.

Деятельность этих организаций, а также обострённая «геополитическая интуиция» касающаяся “жёлтой опасности”, вылилась в скандальные речи кайзера по поводу восточноазиатских народов. В 1895 году великие державы вынудили перезаключить Японию договор с побеждённым Китаем. Симонеский договор 1895 года предоставлял широкие экономические льготы великим державам, в том числе и Германии. Так началось колониальное разделение Китая, в котором Германия играла

такую же активную роль, как и другие державы. В 1897 году в Шаньдуне были убиты два католических миссионера из Германии. Кайзер и правительство сочло это убийство удобным поводом обосноваться в Китае. Цинскому правительству был предъявлен ультиматум, а в Китайское море была отправлена немецкая эскадра под командованием принца Генриха. При отправлении эскадры в Китай, Вильгельм произнес следующую речь: “..если кто-нибудь вздумает нас задеть, принц Генрих должен пустить в ход “бронированный” кулак”. В это же время появляется знаменитая картина, создание которой было вдохновлено лично кайзером - картина “Жёлтая опасность”. Картина передает страх перед усиливающимися Восточными странами, в первую очередь - перед Японией. Вильгельм, делая заказ на эту картину, желал, видимо, подчеркнуть необходимость единения европейских держав перед лицом такой угрозы. Разумеется, под руководством Германии. Китайская история закончилась подписанием арендного договора на 99 лет на город Киачау (Циндао). В данном случае достаточно воинственная речь и резкая картина вписывались не только в русло германской политики, но и в русло общеевропейской.

Такой же характер носит знаменитая «гуннская речь» 1900 года. В 1900 году боксёрское движение в Китае достигло своего максимума. Весной-летом боксёры начали наступление на Пекин, взяли его и осадили посольский квартал в Пекине, где находилось более 2000 тысяч посланцев иностранных держав. В ответ европейские державы объявили Китаю войну и начали интервенцию. Командование союзными войсками было поручено фельдмаршалу фон Вальдерзее. При отправке экспедиционного корпуса 27 июня 1900 года Вильгельм сказал: “Пощады не давать, пленных не брать! Подобно тому как тысячу лет назад при короле Этцеле гунны оставили по себе память о своей мощи, до сих пор сохранившуюся в преданиях и сказках, точно так же благодаря вашим деяниям имя немцев в Китае должно запомниться на тысячу лет, так, чтобы никогда китайцы не по-

смели даже косо взглянуть на немца". Конечно, и в этой речи Вильгельму нельзя отказать в его импульсивности и в желании произвести эффектное впечатление. Однако эта речь отобразила в себе общую истерию Европы после жестокостей ихэтуаней в Китае. А многими современными историками эта речь используется в качестве доказательств неуравновешенности и автократичности последнего кайзера.

Трансваальская авантюра Великобритании доставляла ей множественные неудобства и осуждения в европейской общественности, в первую очередь - в Германии. Германия имела свои экономические интересы в Капской республике и не желаала просто так терять свои преимущества. В 1895 году Англия негласно поддержала поход Джемсона на Йоханесбург, который, правда, оказался провальным. В таких условиях Германское правительство и кайзер решили "поиграть мускулами" - совещание, собранное у Вильгельма по поводу рейда Джемсона, решило отправить от имени кайзера поздравительную телеграмму президенту Капской республики Крюгеру. Хотя во время совещания рассматривалась даже возможность отправки флота для защиты интересов немецких переселенцев. В итоге в январе была отправлена телеграмма, которая вызвала невиданный международный резонанс и всплеск шовинизма по обе стороны Северного моря. Позже, уже в мемуарах, Вильгельм будет утверждать, что он и не собирался отправлять эту телеграмму, перекладывая ответственность на канцлера Гогенлоэ и статс-секретаря Маршалля.

Кстати, история с интервью газете "Дейли телеграф" имеет, конечно, другую подоплётку, однако резонанс в мировой общественности она вызвала не меньший, чем телеграмма Крюгера. В 1908 году Вильгельм был в Великобритании и дал интервью газете "Дейли телеграф", разчитывая таким образом снять долгое напряжение между двумя странами. Интервью началось многозначительным восклицанием: "Вы, англичане, совершенно сумасшедшие, сумасшедшие как мартовские зай-

цы”. Далее Вильгельм “признался”, что именно он был автором плана разгрома буров, которым английское руководство только воспользовалось. А строительство флота рассчитано только на противоборство Японии. Данная речь переполнена эпитетами и гиперболами, что характерно практически для каждой речи последнего кайзера. Произнося данную речь, Вильгельм, по-видимому, искренне надеялся разрядить напряжённость в англо-германских отношениях, однако он не учёл разницу в восприятии между германским и английским народами. Уже по привычке, до отправления текста в печать, Вильгельм отправил черновик интервью Бюлову, который в это время находился в Берлине и активно участвовал в разработке принципов решения Боснийского кризиса. В итоге этот черновик отправился в печать без каких-либо изменений, так как Бюлов по-просту забыл о его существовании и вспомнил только тогда, когда уже разразился международный скандал. Вильгельм, судя по источникам, обиделся на Бюлова более из-за того, что тот недостаточно защищал кайзера в Рейхстаге, одно из заседаний которого было посвящено данному международному скандалу. Интересно, что данная речь вызвала истерию не только на туманном Альбионе, но и внутри Германии: большинство немцев не понимало, почему справедливые слова кайзера вызвали в Англии такую истерию.

Речи и интервью Вильгельма куда больше отражали его истинную натуру и характер: импульсивность, склонность к позированию и большое количество художественных приёмов делали эти речи воинственными и создавали образ Германии как оплот милитаризма и автократизма. Важно отметить, что эти речи, если они не касались внутренних вопросов, потакали скрытым желаниями и мыслями большинства населения страны. Страны, стремящейся к новым пространствам и приобретениями. Впрочем, Германия в этом смысле не далеко оторвалась от других великих держав.

Роман Раскольников

ЖЁЛТАЯ ОПАСНОСТЬ

Азия просветила Европу, и Европа покорила Азию. Теперь Европа просвещает Азию. Повторит ли Азия ту же операцию над Европой?

*Василий Ключевский.
Афоризмы и мысли об истории, 1904*

Эпоха «Вильгельминизма» была временем бурного развития такой дисциплины, как «геополитика». Кайзер Вильгельм, как известно, не только покровительствовал наукам и искусствам, но и сам активно «пробовал себя» в разных отраслях оных. Не была исключением и «геополитика». Как у натуры артистической, вклад Кайзера в геополитику можно было бы обозначить как «геополитические интуиции». Сии «интуиции», однако, несли на себе отпечаток величайшей прозорливости. Центральная из них связана с т.наз. «жёлтой опасностью».

Авторство этого выражения принадлежит французскому публицисту Полю Леруа Болье. Так он выразил свои опасения в конце XIX века по поводу «пробуждения Востока»: усиления Китая и Японии. Впоследствии это выражение часто повторял германский император Вильгельм II, благодаря которому оно и вошло в общественно-политическую лексику европейских стран.

На рубеже XIX-XX веков над Западной Европой витал страх «жёлтой опасности». Согласно одноименной теории, новый век должен был стать веком «наплыва» поселенцев-завоевателей из Азии. И если на то, чтобы добраться до Запада, азиатам потребовалось бы время и значительные усилия, то до территории Российской империи им было рукой подать...

В 1895 году немецкий художник, мастер исторической живописи Герман Кнакфус, выполнил по эскизу кайзера Вильгельма II аллегорическую картину: «Народы Европы, охраняйте свои священные блага» (варианты «Народы Европы, охраняйте свои священные права», «Жёлтая угроза», «Жёлтая опасность», нем. *Völker Europas, wahr(e)t Eure heiligsten Güter*, «*Die gelbe Gefahr*»).

На рисунке под лучающимся христианским крестом изображён архангел Михаил, святой заступник немцев, в окружении группы вооружённых женщин в образе воинственных валькирий — персонифицированных образов народов Европы, стоящих на краю пропасти, призванных архангелом Михаилом соединиться, чтобы противостоять буддизму, язычеству и варварству ради защиты Креста. Архангел с огненным мечом в правой руке указывает женщинам на тёмное грозовое облако, нависшее над европейскими землями. На нём, поддерживаемом китайскими драконами, восседает на троне Будда. Под ним азиатские орды устремляются на культурную Европу. Во главе женской группы стоит Германия в шлеме с орлом, с мечом и щитом, на её плечо доверчиво опирается Россия с копьём. Поодаль Франция, приложив руку к глазам, всматривается в надвигающуюся темноту. За ними Австрия берёт за руку Британию, между ними стоит Италия.

Этим аллегорическим произведением кайзер Вильгельм II хотел призвать христианский мир Европы к совместной борьбе против «жёлтой опасности» и безбожного буддизма. Вскоре после окончания Японско-китайской войны он подарил этот рисунок Русскому Царю с просьбой удерживать под контролем восточное влияние («надвигающуюся опасность спровоцированного Японией китайского нападения»). В сопроводительном письме Вильгельм II напоминал Николаю II о великой роли России «в деле насаждения культуры в Азии и защиты креста и старой христианской европейской культуры против вторжения монголов и буддизма». Николаю II так понравился

подарок, что кайзер с удовлетворением заметил: «Итак, сработало, это очень радует». Копии рисунка Вильгельм II разослал многим государственным деятелям и выдающимся личностям. Рисунок широко растиражировали в российской прессе, впоследствии он стал популярным мотивом на открытках времён Русско-японской войны 1904-1905 годов. Оригинал картины и по сей день висит в ванной комнате бывшего Ливадийского дворца в Крыму в 2 км от Ялты. Спустя несколько лет 27 июля 1900 года кайзер произнёс так называемую «гунскую речь», провожая восточноазиатский экспедиционный корпус на подавление Ихэтуаньского восстания.

Призыв Вильгельма II с рисунка Кнакфуса упоминал в своих геополитических трудах Карл Хаусхофер, что позволило биографу Адольфа Гитлера Иоахиму Фесту в своём документальном фильме 1977 года «Гитлер. Карьера» (нем. Hitler – Eine Karriere) этим рисунком наглядно продемонстрировать мировоззрение Фюрера и многих его современников.

Сейчас эта картина заслуженно воспринимается как пример исторического предвидения, но тогда оценка была иная – выходку Вильгельма сочли за чудачество. И совершенно, как видим, напрасно. Белая Европа не «узнала» в Кайзере одного из своих «пророков»... Академик Алексий Ухтомский (он же – катакомбный епископ Охтенский Алимпий), так определял «что есть пророчество»:

«Пророчество не в том только, чтобы предсказывать будущее, но и в том, чтобы узнавать настоящее. Узнавать подлинный смысл настоящего – значит уже знать его будущее. И то и другое – дело Духа Святого».

(Подр. можно справиться в издании: Asmut Brückmann: Die europäische Expansion. Kolonialismus und Imperialismus 1492–1918, Reihe Tempora Historisch-politische Weltkunde, Klett, Stuttgart u. a. 1999, S. 79)

Эрик Ленерт

ВОКРУГ «ГУННСКОЙ» РЕЧИ КАЙЗЕРА

Поскольку всегда было трудно доказать конкретную вину Вильгельма II в развязывании Первой мировой войны, на раннем этапе уцепились за уловку, создания чего-то вроде структурного, характерного или даже психологического предрасположения, которое должно было быть ответственным за начало войны. Это могла быть парализованная рука кайзера, которую он должен был компенсировать демонстрацией своей манией величия или своим предпочтением к униформе, к военно-морской политике или увольнением Бисмарка. Так называемая гуннская речь - одно из обвинений, выдвинутых против Вильгельма II в этом контексте. Как и в случае с некоторыми другими речами кайзера, по сей день делаются попытки вывести что-то вроде стремления к разрушению цивилизации. Основная мысль такова: пока весь мир ведёт себя дипломатично, кайзер впадает в глубочайшее средневековье и бряцает мечом, призываю к геноциду.

Исторический фон

Однако история публикации и влияние гуннской речи несколько сложна. Единственное, что можно сказать наверняка, это то, что 27 июля 1900 года вскоре после 13:00 ч. в Бремерхафене Вильгельм II попрощался с войсками, отправлявшимися в Китай для борьбы с боксёрским восстанием. «Батавия», «Дрезден» и «Галле» были готовы к отправке войск. Помимо выстроившихся солдат, собралось большое количество зевак. Существуют разные мнения о том, что там говорил Вильгельм. Официальная версия, которую также можно найти в полуофициальных сборниках речей императора (в том числе Johannes Penzler, Штутгарт 1904 г.), выглядит следующим образом:

Официальная версия «Гуннской речи» в полном объеме:

«Великие заморские задачи, которые выпали на долю вновь созданного Германского рейха, эти задачи гораздо шире, чем могло ожидать большинство моих соотечественников. В силу своего характера Германская империя обязана защищать своих граждан, если они подвергаются преследованиям за рубежом. Задачи, которые старая Римская империя германской нации не в состоянии была решать, способен выполнить новый Германский рейх. Средство, которое позволяет ему сделать это, - наша армия.

В ходе неустанной тридцатилетней мирной работы она была создана в соответствии с принципами моего увековеченного деда. Вам нужно поддержать вашу подготовку в соответствии с этими принципами и выдержать испытание перед лицом врага, способны ли вы ему противостоять. Ваши товарищи по флоту уже прошли это испытание, они показали, что основы нашей подготовки надежны, и я горд той похвалой из уст иностранных руководителей, которую ваши товарищи получили за границей. Вы должны сделать то же самое.

Перед вами стоит большая задача: вы должны отомстить за произошедшую тяжкую несправедливость. Китайцы отбросили международное право, они неслыханным в мировой истории образом издевательски отнеслись к неприкосновенности дипломатических представителей, принципам гостеприимства. Тем более возмутительно, что подобные преступления совершаются представителями нации, которая гордится своей древней культурой. Продемонстрируйте старые прусские способности, покажите себя как христиане - дружелюбно переносите страдания, следуйте чести и славе ваших знамён и оружия, дайте всему миру пример мужества и дисциплины во всём мире.

Вам нужно знать: вы должны сразиться с хитрым, храбрым, хорошо вооружённым, жестоким врагом. Если вы к нему придёте, знайте: пощады вам не будут давать, пленных не будут

брать. Используйте своё оружие так, чтобы через тысячу лет ни один китаец не осмелился косо взглянуть на немца. Сохраняйте мужество. Божье благословение с вами, молитвы всего народа, мои пожелания сопровождают вас, каждого. Пусть дорога культуре будет открыта миру раз и навсегда!! Теперь ступайте! Адьё, товарищи! “

Сразу заметно, что гунны вообще не упоминаются в этой речи, поэтому возникает вопрос, почему речь вошла в историю как «гуннская речь». Решение находится в другой версии речи, в которой встречается этот отрывок. Бернд Зёземанн (*Historische Zeitschrift*, Vol. 222 (1976), Issue 2) проследил историю речи и опубликовал следующую «цитируемую полную версию», которую он взял из версий речи местных газет Бремена (*Weser-Zeitung*) и газет Вильгельмсхавена (*Wilhelmshavener Tageblatt*) от 29 июля, реконструировав:

Неофициальная полная версия «Гуннской речи» :

«Впервые с тех пор, как возродился Германский рейх, перед ним встают грандиозные заморские задачи. Они встают перед нами раньше и в большем размере, чем могло ожидать большинство моих соотечественников. Они - следствие того, что Германский рейх возрождён и на нем лежит обязанность оказывать поддержку своим братьям, живущим за границей, в момент опасности. Таким образом, снова встают те прежние задачи, которые не способна была решить старая Римская империя германской нации, но которые в состоянии решить новая германская империя, поскольку она получила фундамент, который даёт ей возможность использовать наши войска. Благодаря нашей армии, за тридцатилетнюю напряжённую и упорную миротворческую работу, многие сотни тысяч немцев были призваны на военную службу. Обученные в соответствии с принципами моегоувековеченного великого деда, испытанные в трёх славных войнах, вы теперь должны также показать [свидетельство] в чужой стране, является ли правильным на-

правление, в котором мы развивались в военном отношении. Ваши товарищи по флоту уже показали нам, что обучение и принципы, в соответствии с которыми мы обучаем наши вооружённые силы, являются правильными, и вам это предстоит подтвердить. Не в меньшей степени мы испытываем гордость оттого, что даже из уст иностранных руководителей нашим бойцам была высказана высшая похвала.

Задача, которую я вам поручаю, велика. Вы должны искупить серьёзную несправедливость. Образ действий, который продемонстрировали китайцы, когда осмелились нарушить международное право, которому уже тысяча лет, ужасно преувеличили святотатию неприкосновенности дипломата и святыню законов гостеприимства, - это тот случай, которого ещё не было в мировой истории, и от народа, который гордится своей многотысячелетней культурой. Но по нему видно, куда идёт культура, построенная не на христианстве. Каждая языческая культура, какой бы прекрасной и хорошей она ни была, гибнет, когда перед ней стоят великие задачи.

Итак, я отправляю вас, чтобы вы смогли по возможности на деле показать прежде всего наши старые прусские способности; во-вторых, самоотверженность, неустранимость, способность с радостью переносить любые страдания, как вы, христиане, этому учились; и в-третьих, честь и славу нашего оружия и наших знамён! Вы должны являть примеры мужества и дисциплины, самопреодоления и самообладания. Вы должны сражаться против хорошо вооружённой силы, но вы также должны отомстить не только за смерть посла, но и за многих немцев и европейцев.

Когда вы предстанете перед врагом, разбейте его, пощады не давать, пленных не брать. Кто попадет вам в руки, будет обречен. Как тысячу лет назад гунны при своем правителе Этцеле (Атилле) сделали себе имя, что до сих пор делает их могущественными, так пусть имя Германии станет таким известным в Китае, чтобы ни один китаец никогда больше не посмел косо посмотреть на немца.

Вам придется биться с превосходящим в силе противником, но мы к этому привычны, наша военная история доказывает это! Вы это знаете из истории Великого курфюрста и своей истории полков. Да пребудет с вами Божье благословение, пусть мысли целого народа сопровождают вас, направят вас по всем вашим путям.

Мои наилучшие пожелания Вам, удачи вашему оружию! Пусть вам сопутствует успех где бы то ни было, и благословление Божье да снизойдет на ваши знамена, и укажет вам, что христианство найдет свой путь в эту землю. Для того вы стоите здесь передо мной знаменной присягой. Счастливого пути! Адьё, товарищи!"

Очевидно, что между двумя версиями есть огромные различия. Это относится не только ко всему отрывку о гуннах, вторая версия также предполагает, что кайзер призывал к нарушению международного военного права, говоря, что не следует давать пощады. В первом варианте, фразу следовало понимать так, что противник не будет давать пощады и, соответственно, нужно вооружаться. Теперь вопрос о передаче является центральной проблемой в оценке этой речи. Есть и другие подробные версии речи, которые также содержат отрывок о гуннах, но делают больший упор на христианском миссионерском аспекте. Например, в «*Nordwestdeutsche Zeitung*» (Бремерхафен) от 28 июля 1900 года. Фрагмент перед гуннами гласит:

«Вы будете сражаться с равным храбрым, хитрым противником, хорошо вооруженным и хорошо оснащенным. Но вы также должны отомстить за смерть нашего посла и многих, не только земляков, но и других европейцев! Когда вы предстанете перед врагом, он будет разбит! Пощады не давать! Пленных не брать! Кто попадется вам в руки, тот падёт».

Конец речи выглядит так:

“И пусть Божье благословение будет сопровождать ваши флаги, и эта война может принести благословение, и эта война принесет благословение, что христианство придет в эту страну,

чтобы такие печальные случаи больше не происходили! За это вы стоите передо мной знаменной присягой».

Что на самом деле сказал кайзер?

Путаница в истории версий речи заключается в различиях между устными словами кайзера и версией, первоначально распространённой официальной стороной. Кайзер, как известно, чаще всего свободно произносил эти речи, и, как предполагается, склонялся к словесным преувеличениям. Предположительно так и было в Бремерхафене, так что Бюлов, в то время ещё государственный секретарь по иностранным делам, и рейхсканцлер князь цу Гогенлоэ решили во время выступления обязать присутствующих журналистов не публиковать речь, пока Бюлов не завершит отредактированную версию. Большинство придерживалось этого, так что изначально было распространено только две версии. Первая содержала только две цитаты кайзера, вторая - дословную речь в первой версии, приведённую выше. Неофициальная длинная версия гуннской речи, вероятно, исходит от сотрудника телеграфного бюро Вольфа, который, как говорят, сделал стенографию речи. Эта версия нашла распространение в основном в местных газетах Северной Германии и в социал-демократической прессе.

Проблема всех этих реконструкций хода событий в том, что они по существу основаны на воспоминаниях тех, кто участвовал в то время в событиях. Большинство этих мемуаров были написаны и опубликованы после распада Германской империи, так что тенденция к самооправданию вполне вероятна и, в случае Бюлова, была доказана много раз. Следует знать, что Бюлов часто не говорит правду в своих мемуарах, так что его правдивость также может быть поставлена под сомнение в этом случае. Часто ходящие слухи о том, что кайзер передал журналисту свою рукопись или что он пожаловался Бюлову, что самые прекрасные отрывки пропали после выхода обезвреженной версии, с уверенностью можно рассматривать как вымысел.

Однако это не меняет вопроса о том, действительно ли кайзер произносил эти слова, и если да, то что он имел в виду и подходят ли они для подтверждения обвинений, которые впоследствии были основаны на них. Время от времени можно прочитать, что английская пресса изобрела этот отрывок, чтобы разжечь антинемецкое подстрекательство. В этом случае это, скорее всего, исключено. С одной стороны, последовательные действия против колониальных восстаний соответствовали английской практике и, таким образом, не выходили за рамки того, что было принято в то время (только то, что об этом не было сказано так ясно), с другой стороны, сравнение с гуннами настолько абсурдно, что вряд ли можно было надеяться, чтобы это сойдёт с рук.

Перевод – Татиана Кухаренко

Юстус Бургдорф

БЫЛ ЛИ КАЙЗЕР ВИЛЬГЕЛЬМ II АНТИСЕМИТОМ?

У входа в поселении Микве-Исраэль в Израиле установлен постамент, на котором изображена встреча кайзера Германии Вильгельма Второго с Теодором Герцлем, состоявшаяся в 1898 году. Кайзер, сидящий верхом на коне, смотрит свысока на Герцля. Но если посмотреть с другого ракурса, то можно увидеть, что провозвестник еврейского государства смотрит как бы сквозь кайзера, обозревая возродившиеся поля Микве-Исраэль... [Сия экспозиция хорошо показывает двойственность нижепубликуемого текста, к коему добрым христианам следует относиться *cum grano salis*. Кайзер, на самом-то деле, взирал на известных персонажей «свысока», а вот автор сей заметки, похоже, тщится «по-герцлевски» таращиться «сквозь». Впрочем, изложенная фактология небезлюбопытна. – Прим. Изд.].

...Что касается последующего развития взглядов в Германии некоторые авторы придерживаются мнения, что антисемитизм Третьего Райха был лишь пиком непрерывного развития в истории Германии и что враждебность к евреям уже была «центральным элементом» мировоззрения кайзера Вильгельма II. Это утверждение несостоитично с объективной точки зрения.

Критические голоса справедливо относятся к роли берлинского придворного проповедника Адольфа Штёкера, приправившего свои проповеди христианским социализмом и антисемитизмом. В то время, когда кайзер Вильгельм I (дед Вильгельма II) был стар, а кронпринц Фридрих (отец Вильгельма II) - болен, молодой принц Вильгельм со всех сторон был обольщаем как человек будущего, без чьего-либо наблюдения. Таким образом его также обхаживал и Штёкер, которому

противостоял Бисмарк. Став упрямым под покровительством Бисмарка, Вильгельм позволил себе высказывания о том, что, когда он станет кайзером, то хотел бы положить конец влиянию еврейской прессы. Однако вскоре влияние Штёкера ослабло, и во время своего правления Вильгельм II освободился от антисемитизма. В ноябре 1890 года из-за своих антисемитских высказываний Штёкер по инициативе кайзера был вынужден покинуть своё место придворного проповедника.

Возникновение патриотического движения, которое, помимо прочего, нашло своё выражение в создании Военно-морской ассоциации, было приемлемо для императора, однако, он не был заинтересован в расизме “пангерманцев”, о которых Вильгельм говорил, что они неспособны развивать конструктивные мысли.

Вильгельм II даже беспокоился о безопасности немецких евреев (положение которых в целом было гораздо более благоприятным, чем положение евреев во Франции или России), что очевидно из его заявления о том, что, он опасается, что, с учётом общественных настроений, еврейские погромы могут произойти и в Германии.

Встреча Вильгельма с австрийским сионистом Теодором Герцлем также может быть классифицирована в этом контексте. Вильгельм поддержал план Герцля по созданию еврейской колонии в Палестине, поскольку понимал и боялся, что если еврейское население превысит определённое соотношение по сравнению с другими жителями страны, это может повлечь возникновение антисемитизма. Сторонники тезиса об антисемитизме даже хотят видеть в этом предвестие последующих депортаций. Однако высказывания кайзера нельзя интерпретировать таким образом.

Наконец, во время рассмотрения дела Дрейфуса во Франции Вильгельм II с ужасом заметил, что «повсюду поднимает свою отвратительную голову гидра самого грубого и ужасного антисемитизма».

У Вильгельма II было множество друзей евреев. Среди них следует упомянуть Альберта Баллина, владевшего судоходной компанией Гамбург-Америка лайн, и Эмиля Ратенау. Это были так называемые «имперские евреи», как их иногда презрительно называли. Однако это не повлияло на расположение к ним Вильгельма II, что свидетельствует о том, что и здесь он не находился под влиянием духа времени. Он назначил профессорами многих еврейских учёных.

Князь цу Ойленбург, который долгое время был ближайшим доверенным лицом Вильгельма II, также имел друзей-евреев, хотя и разделял предубеждения против евреев [в целом]. Однако, ни ему, ни зятю Рихарда Вагнера - Хьюстону Стюарту Чемберлену, не удалось внушить кайзеру этих предрассудков: из того, что ему говорили, Вильгельм умел слышать то, что ему нравилось, и игнорировать остальное.

По поводу представленного кронпринцу проекта конституции с сильными антисемитскими тенденциями и представлениями о том, что евреи должны быть изгнаны из Германской империи, кайзер с презрением заметил: «Мы нанесём удар по нашему национальному процветанию и трудовой жизни, что отбросит нас на 100 лет назад, и будем исключены из рядов культурных наций».

В 1907 году император назначил директора Дармштадтского банка еврея Бернхарда Дернбурга (1865-1937) главой Имперского колониального ведомства. Кайзеру нравился этот энергичный человек, способный привнести в управление “свежее дыхание”, даже если он порой не обладал изысканными манерами. Широкие круги в Германии сочли это назначение оскорблением, даже во время своего первого выступления перед рейхstagом Дернбург встретил ожесточённое сопротивление. Но он понимал, что своим выступлением через короткое время завоюет всеобщее уважение.

В 1912 году в Шарлоттенбурге была открыта самая большая синагога Берлина (вместимостью 2 000 человек). Вильгельм II

пожертвовал плитку для свадебного зала синагоги и посетил его вскоре после открытия.

Летом 1916 года Вильгельм II выступил против так называемой “еврейской переписи” в частях немецкой армии. За инициативой переписи всех, кто призван в армию на основании их убеждений в целом и разбивки еврейских солдат по их местонахождению (служба на фронте, снабжение, управление), в частности, стояли антисемиты-“пангерманцы”, такие как Фердинанд Вернер, которые использовали перепись, чтобы доказать предполагаемый “еврейский уклонизм” спровоцировать общественные волнения. [...] Требуемая “перепись евреев” вызвала волну протестов в Германском Райхе, особенно среди национал-либералов и социал-демократов. Во время Первой мировой войны в немецкой армии служило в общей сложности 100 000 солдат евреев. К ноябрю 1918 года 12 000 из них погибли. К лету 1916 года 8 500 евреев были награждены за храбрость Железными крестами Второго класса и 900 - Железными крестами Первого класса.

Только в изгнании Вильгельм II позволял себе отдельные критические высказывания в адрес евреев. То, что они не были следствием целостных убеждений, можно заключить из того факта, что Вильгельм, разочарованный и возмущённый ходом истории, обвинял как евреев, так и поляков в Восточной Пруссии и французов в Эльзасе и Лотарингии. Самое большее, что можно прочесть в этом - горечь об утрате монархии.

Самым ярким свидетельством против тезиса об антисемитизме Вильгельма II является его реакция на “Хрустальную ночь” 9 ноября 1938 года. Он говорил о “стыде”, о “бандитизме” и заявлял, что “старые офицеры и все порядочные немцы должны были протестовать против этого”. Также в этот период он заявил: „Впервые мне стыдно быть немцем“. Английской королеве Марии он писал: „Я совершенно в ужасе от последних событий дома!“

Вывод

Таким образом, кайзера Вильгельма II нельзя назвать антисемитом. Прежде всего потому, что ему был совершенно чужд тот расовый идеологический подход, какой возник позже в Третьем рейхе. Сторонники тезиса об антисемитизме по существу ссылаются на его горькие высказывания в изгнании, которые не позволяют делать какие-либо общие выводы, и в то же время не учитывают его 30-летнее правление, которое можно понимать как период протектората над евреями в Германии.

Перевод Татьяны Кухаренко

P.S.: В качестве «бонуса» на тему «Кайзер и евреи» приведём ещё два свидетельства современников Вильгельма, близко знавших его.

Первая цитата из дневника адъютанта кайзера - Альфреда Дона-Шлобиттена*. Вильгельм II на обеде Автомобильного клуба:

«8 февраля 1906 года. После недельного перерыва я снова ступил в должность вечером и поехал с императором в $\frac{3}{4}$ 7-го на обед в Автомобильный клуб на Лейпцигской площади. Е.В. был встречен у входа в клуб герцогом Ратибором и некоторыми членами Совета, которые проводили его в верхнее помещение клуба, замечательно устроенное. Здесь состоялось представление императору ещё около 25 лиц, большей частью входящих в состав совета. «Это, наверное, будет обед горбатых носов», – сказал император, уезжая из дворца, и так оказалось, потому что это всё были наиболее видные представители финансового мира Джемс Блейхредер, Т.С. Гольбергер, Симон, Мендельсон, Леве и др.

Обед был первоклассный с изысканными винами. Герцог Ратибор провозгласил тост за Е.В. и благодарил его от имени клуба за посещение, а также за милостивое пожалование клубу наименования “императорского”. Император, отвечая довольно длинной речью о развитии автомобильного спорта,

высказал пожелание, чтобы клуб находился во главе развития этого спорта, подобно тому, как яхт-клуб руководит парусным спортом, а также, чтобы жизнь клуба была образцом для других клубов. В конце речи император передал Ратибору сделанный им набросок знака клуба с императорским орлом и провозгласил здоровье и процветание клуба и автомобильного дела в Германии.

После обеда император сидел в большом обществе с сигарой и был в очень весёлом настроении. Разговор шёл о ремесле шоффёра с его большой ответственностью при чём был поднят вопрос, не представляется ли желательным учредить фонд для оказания вс помошествования шоффёрам в несчастных случаях и т. д. Император поддержал эту мысль, приказал подать себе перо и бумагу и продиктовал секретарю указ об учреждении фонда для оказания помоши шоффёрам 8-го февраля 1906 г. Затем император подписал 10 000 марок. Когда он передал лист другим для подписки, лица несколько вытянулись, но император сделал вид, что не заметил этого, так что все подписали, а сумма в несколько минут достигла 50 000 марок.

В 11 ч. император уехал и во дворце высказывал большую радость по поводу того, что он “так ловко обработал богатых спесивцев”. Впрочем, император остался очень доволен вечером, проведённым в клубе, хотя и сознался, что он уже давно не обедал со столькими евреями».

Как видно из этого отрывка, отношения Вильгельма с евреями не имеют ничего общего с практикой гитлеровской Германии (как бы ни хотелось в это верить современным немцам, чьи отцы и деды зашкварились в преступлениях нацизма): хотя кайзер за глаза беззлобно “стебётся” над еврейским банкирами, они, тем не менее, прочно встроены в его государственную систему: ведут бизнес, являются крупнейшими капиталистами, покровительствуют общественным организациям (таким, как автомобильный клуб), сам кайзер не гнушается наносить им визиты, участвовать в торжественных обедах, поднимать тосты

за их начинания и ненавязчиво разводить “богатых спесивцев” на благотворительность. «Вы служите, получаете, жалование, Вы – член общества, Паниковский...».

Второй отрывок из воспоминаний польского художника Войцеха Коссака** , в узких кругах известного как «Адальберт Коссак», несколько лет проведшего при дворе Вильгельма II и пользовавшегося его всемерным покровительством (история их отношений, кстати, тоже весьма показательна). Как ярый польский националист, Коссак с чрезвычайным вниманием относится к положению нацменьшинств в Империи. Вот как он описывает реакцию СМИ на речь кайзера перед новобранцами (это примерно конец 1890х-начало 1900-х гг.):

«... Возвращаясь к присяге новобранцев: именно там я впервые услышал Вильгельма II как оратора. Он, действительно, говорит очень красиво, ясно, громко и решительно, но, прежде всего – с большой убеждённостью. Как и все прочие имперские речи, эта тоже вызвала бурю и большой шум. “Тот, кто не является хорошим христианином, не станет хорошим солдатом” – сказал кайзер, обращаясь к рекрутам. В тот же вечер берлинские газеты иронично прокомментировали эту речь, а еврейские газеты бурлили от гнева и изливали на кайзера яд бешенства. Они утверждали, что Гедеон, Ганнибал, Юлий Цезарь и Аттила, хотя и не были христианами, тем не менее, были больше воинами и лидерами, чем многие ревностные христиане-протестанты.

Социалисты и антиклерикалы в своих журналах проводили ещё более конкретную параллель – между кайзером Вильгельмом и Фридрихом Великим, утверждая, что он [Фридрих], действительно, был таким и что, будучи атеистом и вольтерьянцем, он высмеивал все суеверия».

Итак, из этой цитаты мы можем с удивлением узнать, что в Вильгельмовской Германии мало того, что выходят еврейские газеты, так они ещё и могут «бурлить от гнева и изливать на кайзера яд бешенства» - заметим, совершенно безнаказанно - и

всего-навсего за то, что монарх осмелился в своей речи упомянуть слово “христианин”. Вряд ли в какой-нибудь другой стране в то время была возможна подобная свобода слова. Заметно, как описанный случай напоминает современные драмы вокруг “оскорбления чувств меньшинств”. Воистину, Германия – страна, где за 20 лет меняется всё, за 100 лет – ничего....

*Отрывки из дневника Дона-Шлобиттена были опубликованы в 1918 году в русском журнале «Голос минувшего» – один Бог знает, как он мог попасть к русским, согласно признанию редакции журнала: “дневник получен агентурным путём”, что бы это не значило.

** «Воспоминания» Войцеха Коссака были изданы в 1913 г. в Кракове - к тому времени художник уже успел разругаться с Вильгельмом на почве германизации Познани, так что в ангажированности его трудно заподозрить.

(Источник: <https://pierrett-a.livejournal.com/57874.html>)

Галина Садовая

РОЛЬ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРАТОРА ВИЛЬГЕЛЬМА II В ВОЗНИКНОВЕНИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Кайзер Вильгельм II (1859-1941), безусловно, является самой спорной фигурой среди всех германских императоров. Большинство немецких и отечественных историков при анализе эпохи кайзера Вильгельма II (1888-1918) считают обязательным условием противопоставление и отделение роли монарха в возникновении войны от всех других институтов власти и гражданского общества. Биографы кайзера (в советской и отечественной историографии нет специальных политических биографий монарха) сосредотачивались на личных качествах монарха, выпячивая его болезни и необузданный характер. Так, британский историк Рёль с удовольствием цитировал немецких современников: «Германией управляет орда умалишённых» [1]. «Германский престол занимает больной человек: типичный маньяк и дегенерат» [2]. В последние годы с изменением ракурса изучения проблематики Первой мировой войны, когда историки сосредоточились на вопросах безмыслиности войн в эпоху индустриального общества и изучении психологии и менталитета воюющих армий и военнослужащих [3], появились новые нотки не только в характеристике личных качеств кайзера, но изменилась в целом концепция режима Вильгельма II и его участия в развязывании войны.

Все советские авторы однозначно приписывали Вильгельму главную роль в развязывании Первой мировой войны, начиная с патриархов советской германистики - академиков А.С. Ерусалимского, И.С. Галкина, включая историков 80 - 90-х гг. XX - начала XXI в. (А.И. Патрушева и Ю.В. Галактионова) [4]. Виноградов К.Б. (ленинградский ученый) подчёркивал,

что крупнейшие специалисты по Вильгельму, среди которых и английский ученый Дж. Рёль, пишущий о значительной роли Вильгельма, его воинственных наклонностях и эффективном “королевском механизме” принятия решений, не могут вызывать согласия у марксистских учёных [5]. Такую же позицию занимали и историки ГДР [6]. По существу все они были в плена ленинской концепции германского империализма. В.И. Ленин называл довоенную Германию “военно-деспотической страной”, а германский империализм - “ monархическим, с феодально-династическими целями” [7]. Эти характеристики органично вплелись в исторические исследования советских ученых. Главное внимание уделялось негативным чертам довоенного развития вильгельмовской Германии - гипертрофированной милитаристской агрессивности в достижении “своего места под солнцем”. С другой стороны, не только марксистские, но и немарксистские историки крайне одиозно освещали не только внешнюю, но и внутреннюю политику Германии, обвиняя во всём императора.

Историки советского происхождения утверждают, что Вильгельм II ещё при канцлере Бюлове потерял всякую возможность влиять на государственные дела, хотя он и совершал поездки, имевшие международный характер (например, в Турцию, Грецию, Россию, Данию). Сам Б. фон Бюлов когда-то восхищался Вильгельмом: “Наряду с великим королём и великим курфюрстом он является самым значительным из когда-либо живших на свете Гогенцоллернов... Его гениальность и фантазия, его память и восприятие, его энергия настолько потрясающие, что до них любому министру далеко [8 С.175]. “Мышление Вильгельма было пронизано грубым, неприкрытым расизмом” [8, С.170]. Большая часть молодёжи ни в чём не была убеждена так, как в пустоте и лживости вильгельмовского государственного строя. Кайзер часто давал поводы для негативных оценок своего поведения: Вильгельм использовал сочные выражения по поводу депутатов рейхстага, называя их “отребьем

без отечества”, или “немецкий парламентарий со временем становится свиньей”. Вильгельм II воспринимал себя как нового, “ещё более великого”, чем Фридрих II, императора [8, С.172]. Современные отечественные историки по-прежнему стоят на стереотипных позициях в отношении Вильгельма, считая его главным поджигателем войны, который намеренно не предпринимал никаких серьёзных усилий для предотвращения войны. Однако такие заявления вступают в противоречие с определением роли кайзера в институтах власти, влиявших на принятие решений. На конкретный ход событий гораздо больше влияли канцлер Бетман Гольвег и начальник генерального штаба Мольтке, подчёркивает К.Б. Виноградов, на деле Вильгельм был почти совершенно отстранен от решения значительных вопросов [5, С. 155]. В возникновении войны большее влияние имел канцлер Бетман Гольвег, утверждает Виноградов, потому что Вильгельму не удалось установить своего личного правления, и с годами его роль в определении внешнеполитического курса заметно уменьшилась [5, С. 156]. Этот же вывод был сделан советским ученым Ф.А. Ротштейном еще в 1960 году [9]. Стало быть, за возникновение войны кайзер не один ответственен, если его воинственность вполне совпадала с желаниями других властных лиц.

Британский историк-публицист, автор популярной биографии Вильгельма Джайлз Макдоно пишет: “Нельзя сказать, чтобы Вильгельм был тупым реакционером-милитаристом. Порой его стремление к новому приобретало комичные формы: за последние 16 лет его правления он внёс 37 изменений в армейскую форму. Вильгельма заботил вопрос об улучшении продовольственного обеспечения в армии и флоте, поэтому он лично определял меню и норму спиртного для военнослужащих. Кайзер выступал за омоложение офицерского состава армии, благодаря чему даже в самых элитных полках стали служить выходцы из буржуазных семей. Вильгельм был против рукоприкладства по отношению к солдатам, требуя, чтобы

о каждом инциденте докладывали ему лично” [10]. В окружение Вильгельма входили известные промышленники - Крупп, братья Штумм, Хенкель-Доннерсмарк, банкиры Гвиннер и Гельферих от “Дейче банк”. Вильгельм прислушивался к советам выходцев из еврейских семей - Баллин, Эмиль и Вальтер Ратенау, Фюрстенберг, Заломонзон, Макс Варбург и др. Многие домогались его расположения как раз в виду значимости и влиятельности кайзера.

Немецкие историки, особенно после возсоединения ФРГ и ГДР (1990), с новым рвением обратились к исследованию вильгельмовской эпохи ради поисков национальной и государственной идентичности Германии, интеллектуально переосмыслив практически всю германскую историю. Хаген Шульце (специалист по Веймарской республике), профессор Берлинского свободного университета, написал историю Германии в рамках проекта “Национальная история” [11]. Совершенно по-новому он представил читателю кайзеровскую Германию, сделав акцент не на милитаристской и автократической характеристике, а на национальных и исторических задачах молодого государства. Шульце интерпретировал все те факты и теоретические размышления, которые были сделаны не только немецкими, но и зарубежными учёными, в частности, Рёлем (британским историком). Положительно оценил Шульце стремление империи к міровому господству, в отличие от популярного, но чрезвычайно полемичного наследства историка Ф. Фишера. Он прямо пишет: “Стремление к созданию міровой державы представлялось завершением и осуществлением национального единства” [11, С. 128]. Заметим, что курс на міровую политику был провозглашен Максом Вебером (знаменитым либералом) раньше, чем это прозвучало из уст кайзера и канцлера. Вступая в должность профессора во Фрайбурге, он произнёс речь (1895), в которой прямо призывал к превращению Германии в міровую державу [12]. Шульце неожиданно высоко представил читателю кайзера: Вильгельм II принадлежал к тем людям,

которые не имели кастовых предубеждений против буржуазных высокочек, и во многих отношениях воплощал дух новой эпохи. Он был человеком с блестящей памятью и дарованиями, острым умом, но воспитанный в атмосфере крайнего ханжества под влиянием властной матери [11, С.119]. Как известно, император покровительствовал естественным и гуманитарным наукам; основанное в 1911 г. в Берлине “Общество кайзера Вильгельма” финансировалось отчасти государством, отчасти крупными промышленниками, проводило фундаментальные и прикладные исследования в невиданных ранее масштабах. До 1918 г. из его институтов вышли пять лауреатов Нобелевской премии: Альберт Эйнштейн, Макс Планк, Эмиль Фишер, Фриц Хабер и Макс фон Лауз.

Шульце обратил внимание на то, что император возглавил Германию в непростые времена: парадность, за которой просматривались неуверенность и чувство, что это недолговечно. Не происходило внутренней консолидации империи. Германия оставалась внутренне раздробленной страной, старый раскол по территориальному и конфессиональному признакам преодолевался в столь же малой степени, сколь и социальные противоречия между промышленностью и сельским хозяйством, дворянством и буржуазией, капиталом и трудом. Острой критике Шульце подверг партийно-политическую систему Германии: политические партии в соответствии с германским конституционным устройством не были обременены политической ответственностью, а следовательно, и стремлением к компромиссу. Партии направляли больше усилий на создание философско-идеологических программ, чем на осуществление прагматической политики [11, С.121]. Немецкую партийную систему отличало проявление непримиримых антагонизмов, лабиринт траншей и сохранение позиций круговой обороны. Там, где необходим был консенсус или обращение к ценностям более высокого порядка, в общественной системе господствовала заряженная идеологическими стереотипами борьба всех

против всех. [11, С. 121-122]. По существу, Шульце заявил, что прусско-германское авторитарное, управляющее, воспитывающее и распределяющее государство осознавало свою ответственность за всех и вся, от социального попечения до порядка на кладбищах [11, С.122]. Институты империи, её управленийский аппарат и, прежде всего, армия служили идеологии, возвышавшейся над противоречиями интересов, имевшимися в обществе, и представлявшей идею всеобщего благополучия. Это была в корне антидемократическая и авторитарная идея, признает Шульце, однако роль государства оказывалась масштабнее, чем роль существовавшего народного представительства, рейхстага, который считался местом болтовни и распри и потому обладал малым авторитетом [11, С.123]. Напрашивается вывод, что во главе процесса шествия к благополучию шёл император.

Согласно Рёлю (британский историк), существование новой государственной системы разделяется на следующие этапы: период с 1888 по 1890 гг., доминирующим аспектом которого был конфликт со всемогущим Бисмарком; период с 1890 по 1897 гг. - годы перехода от “временного периода” к “институционализированному личному правлению”; период с 1897 по 1908 гг., который можно охарактеризовать словами Бюлова: “Личное правление в хорошем смысле этого слова” - период, который вполне мог просуществовать и до 1914 г.; период Первой мировой войны - здесь Рёль соглашается с теми историческими выводами, согласно которым Вильгельм был просто “теневым императором” [13]. Рёль выясняет роль императорского двора, его окружения и самого кайзера для всего механизма “монархического правления”. Он концентрирует внимание на подробном, детальном описании того, как анахроничная имперская Германия оказалась на вершине. Суммы, потраченные на содержание императорской семьи, по Рёлю (признак самого монархического общества), были самыми значительными в мире [13]. Императорский двор забирал из государственной казны больше,

чем рейхсканцлер, его канцелярия, министерство иностранных дел (включая все дипломатические миссии, консульства и представительства), министерство по колониальным вопросам и имперская судебная администрация вместе взятые. Для сравнения: британцы платили только четверть этой суммы на содержание своего двора, который в то время был “центром” огромной мировой империи [13]. Для обслуживания Прусско-германского двора при Вильгельме II работало, по крайней мере, 3500 человек, 2300 из которых состояли на постоянном жаловании. Все вместе они представляли собой огромную и престижную систему, по своим размерам большую, чем прусский и имперский бюрократический аппарат вместе взятые, которая выполняла многочисленные и разнообразные функции [13]. Рёль пишет, что система, созданная Вильгельмом под давлением огромных военных расходов, зашла в тупик, а после победы его противников над Ф. Эйленбургом (другом и личным советником кайзера) уничтожена нравственно и политически [14]. “Буржуазно-либерально-империалистическое” поколение, которое представляли Альберт Баллин, Фр. Науман, Максимилиан Харден, Макс Вебер, Вернгард Дернбург, В. Ратенau способствовало, благодаря отставке Эйленбурга, усилению военщины, самоубийству прусско-германской монархии и крушению старого порядка во всей Европе [14]. Рёль утверждает, что “немецкий народ виноват не в развязывании войны, а в том, что терпел “опереточный режим” [14, 8. 16]. Главное отличие концепции Рёля в постановке проблемы о характере “режима личной власти” от отечественных историков заключается как раз в том, что он уверен в единоличном правлении кайзера. Самыми показательными примерами “личного правления” кайзера, по Рёлю, были “социальная и социалистическая политика, гигантская программа по строительству флота и политика Пруссского канала... Если бы правил не Вильгельм, а кто-то другой, то всё могло пойти иначе” [14, 8. 16]. “Ситуация была таковой, что ни один высокопоставленный министр, военачальник, офицер

флота, придворный или гражданское должностное лицо не могли противоречить кайзеру в том случае, если бы он решил их уволить - вот отрицательная сторона единоличного правления” [14, 8. 16.].

Немецкие историки подчёркивают, что Вильгельм выражал желание многих слоёв политической, экономической и художественной элиты. Либералы хотели позицию канцлера усилить и препятствовать “личному режиму” кайзера. Духовными лидерами были М. Вебер и Ф. Науман. Максимилиан Харден (влиятельный редактор) писал в издаваемом им журнале “Zukunft”, что “кайзер был сам себе Рейхсканцлером” и все важные решения последних 12 лет принимались исключительно им самим” [12, S. 223]. Социалисты (Г. Ледебур) считали, что “единственная возможность поставить на колени бюрократическую систему заключалась в том, чтобы использовать большинство рейхстага против бюджетного права, но этому препятствовали буржуазные партии, используя режим личной власти лишь в своих интересах [15, S. 210].

Однако, как считает доктор Аллан Скед (рецензент), Рёль твердо стоит на ногах при анализе внутренней политики Вильгельма I в отличие от немецкого историка Вейлера. Модель Вейлера - развитие Германии за счет “анонимных сил авторитарной поликратии” не соответствует фактам, считает Рёль, так как все важнейшие решения в Германии принимались самим кайзером. Анонимные силы - это элита, окружавшая Вильгельма, но она не могла сделать так, чтобы голос её был услышан, не могла предложить какую-либо политическую оппозицию. Рёль категорично отвергает точку зрения, что чиновники и другие группы взяли контроль над страной в течение второй половины правления Вильгельма. Его аргументация основана на прекрасном знании источников и исторической литературы изучаемого вопроса [13]. Но можно согласиться и с мнением, что Рёль несколько сужает суть вопроса, поскольку полагает, что кайзер подобно Гитлеру несёт ответственность за развязывание мировой войны [13].

8 декабря 1912 г. состоялся знаменитый Военный совет, на котором, как утверждают историки школы Фишера, было принято решение о начале агрессивной, захватнической войны со стороны Германии. Фишер считает, что кайзер и начальник Генерального штаба Мольтке условием развязывания войны выдвигали главное противоречие между славянством и германцами [16]. Кайзер требовал усиления пропагандистской мобилизации немецкого народа, с этой целью были даны указания прессе: “Немецкому народу должно быть уже сегодня объяснено, за какие интересы он борется и какие соображения возможную войну делают необходимой” [16, S. 34]. На том же совещании кайзер дал указание министерству иностранных дел “считать базисом нашей политики и, соответственно, поисков союзников для её исполнения” признание права Германии (в будущей борьбе за существование) на войну против славян и Галлии [16, 8. 35]. Британский историк Макдоно полагает, что остаётся невыясненным: представляли ли собой произнесённые слова кайзера чётко сформулированную военную программу, демонстрацию своих качеств волевого и решительного политика или же это было простое выражение отчаяния из-за того, что Германию припирают к стенке. “Вероятно, можно говорить лишь о всплеске эмоций. Проводить прямую связь между декабрем 1912 г. и событиями июля-августа 1914 г. было бы некорректно” [10, С. 516]. Рёль же предполагает, что за убийством Франца Фердинанда в Сараево в 1914 г. вполне мог стоять Берлин [13].

События июльского кризиса 1914 г. особенно чётко выяснили многие черты характера и привычек германского монарха. Как политик, неплохо знакомый с непомерными аппетитами промышленников и финансистов, он готов был возглавить поход за установление германского господства в Европе и во всём мире. Но от самоуверенных генералов или канцлера, фундаментально обдумывающего политическую партию на много шагов вперед, кайзера отличала нерешительность, импульсив-

ность, шараханье из стороны в сторону. Ведь писатели и художники благожелательно встретили начало войны в своём большинстве как избавление из мнимой стерильности культурного слоя (среды) предвоенных лет. “Цивилизационное пресыщение”, ожидание чего-то совершенно нового - такова была почва, формировавшая духовную позицию. Немецкие интеллектуалы руководствовались представлением, что война принесёт культуре оживление, прежде всего они верили, что война, благодаря “духу августа 1914” (воодушевление, с которым немцы, включая социал-демократов, приветствовали начало войны) предлагает шанс сгладить противоречия (навести мосты) через рвы, которые разделяют широкие слои народа и авангард искусства и литературы” [17]. Большинство художников и писателей приветствовали войну, как из эстетических, так и из патриотических чувств. Они самомобилизовались и способствовали национальным военным устремлениям (Макс Бекман, Отто Дикс, Франц Марк, Георг Тракль, Эрнст Толлер, Рихард Демель, Герхард Гауптман, Макс Либерман). Такая позиция была оценена Вильгельмом II, когда в марте 1916 г. он заявил: “Я не знаю больше направлений в искусстве, а только одно немецкое искусство” [17, 8. 114].

Позиция кайзера фактически ничем не отличалась от высшей парламентской политической элиты, многих промышленников и банкиров, художественной и научной элиты. Если народ мог быть подвергнут мощной пропагандистской военной обработке и мог безсознательно (эмоционально) втянут в войну, то, безусловно, политические, финансовые, промышленные, аграрные, интеллектуальные элиты имели собственные представления о развитии Германии, в том числе силовом способе завоевания державных позиций в мире, и сознательно готовили войну и участвовали потом в ней.

Нам представляется, что Вильгельм аккумулировал соображения не только военных деятелей, но и указанных элит, имея с ними тесные отношения. Империалистическое мышление было

присуще не только политике, но и литературе - Томас Манн, Рильке, Герхардт Гауптман, Герман Гессе [18]. Немецкий учёный М. Панцер подчёркивает, что вся немецкая традиция (философская и литературная) стоит за ограниченную монархию, а не за демократию - Кант, Гёте, Гумбольдт, Гейне, Фихте, а либерал Науман её воспринял: он стоял за харизматичную личность в ситуации Германии - кайзера [18, 8. 184]. Немецкие либералы М. Вебер и Ф. Науман видели в немецком кайзере необходимую харизматическую личность, которую надо было поддерживать, несмотря на важную роль партий, имея в виду быстрый процесс индустриализации и сепаратизм областей, где раньше проживали славяне (поляки и русские). Науман видел в кайзере меньше реальную власть, а больше мистическую, чрезвычайную, конечную, благоприятную величину; император был историческим, традиционно харизматическим элементом государства [18, 8. 163]. Немецкие либералы в ходе войны и расширения поля борьбы по вопросам национализма, интернационализма, империализма, социализма и т.д. запутались в ориентирах [19]. К 1914 г. классический либерализм потерял свою способность к ориентации. Свободная игра рынка потеряла де-факто силу. Политическое соревнование государств обострило социальную напряжённость. Науман и Вебер хотели через парламентаризацию и демократизацию Германии сделать популярной экспансию внешней политики и создать на основе средних слоёв мощный базис [19, 8. 66]. Но к началу Первой мировой войны либерализму так и не удалось разрубить ножницы между свободой и неравенством [19, 8. 79].

Самой большой и одновременно самой трудной проблемой социального и политического развития кайзеровской системы были рабочий вопрос и проблема включения рабочих в социальный и политический порядок империи [20]. Внутри немецкого государства развивалось рабочее движение как альтернатива буржуазному самосознанию. Эти процессы явились сущностной чертой социального и правового государства в

кайзеровской империи. Вильгельм осознавал это обстоятельство и поэтому, несмотря на личную неприязнь к канцлеру Бетману Гольвегу, не увольнял его ввиду хороших отношений с социал-демократией: “...я не хотел отнимать у рабочих, ведших себя в 1914 г. безупречно, государственного деятеля, к которому они, как мне было сказано, питали доверие” [21]. Х. Гребинг (специалист по рабочему движению) считает, что без позитивной интеграции большей части рабочего движения до войны нельзя объяснить поведение рабочего класса и его организаций в течение войны и в революции 1918/19 гг. [22]. Парадоксальность развития авторитарной политической системы Германии как якобы не соответствовавшей вызовам новой эпохи заключалась в том, как считает немецкий историк Карл Борн, что социальные и политические институты германской империи оказались так стабильны, что выстояли свыше 4-х лет военных нагрузок [20, 8. 148].

Прежде всего следует подчеркнуть, что кайзер как монарх выражал национальные интересы всех слоёв германского общества, а не свои личные династические амбиции. Империя Вильгельма II по форме имела полуабсолютистский характер, отличный от английской, итальянской и других западноевропейских конституционных монархий. Кайзер, в виду специфического исторического развития Германии (позднего объединения в единое национальное государство), выполнял исторические задачи нового времени: экономического, политического, военного, научно-технического и культурного созидания имиджа современной великой державы. К Вильгельму было спокойное отношение и либералов и социалистов, они больше враждовали между собой, признавая кайзера в качестве национального символа. Необходимо охватывать более широкий политический контекст, описывать напряжение, которое возникает при функционировании такой системы в период, когда уже начинает появляться демократия, хотя это ещё и не настоящая, а псевдо-демократия. Фишер и Рёль правы в оценке планов Гер-

мании на войну и агрессию, в оценке вторичной роли Бетман Гольвега. С другой стороны, прав рецензент Рёль Алан Скед, когда пишет: “даже если Австро-Венгрия и Германия были бы конституционными монархиями в 1914 г., риск развязывания мировой войны всё равно был бы серьёзным” [13]. За войну выступало всё германское общество от самых изысканных интеллектуалов (Томас Манн) до промышленников и либералов (Крупп, Вебер) и рабочих, и Вильгельм II в такой же степени несёт за неё ответственность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рёль, Джон К.Г. Вильгельм II Германский император (1888-1918) /Антон Шиндлинг Вальтер Циглер. Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия. Ростов-на-Дону. «Феникс». 1997. С. 531.
2. Вильгельм Кровавый. Онъ! Вильгельм Кровавый. Москва. 1914 С. 5.
3. Benjamin Ziemann. Das «Fronterlebnis» des Ersten Weltkrieges - eine sozialhistorische Zäsur? Deutungen und Wirkungen in Deutschland und Frankreich/ Benjamin Zieman //Der Erste Weltkrieg und die europäische Nachkriegsordnung. Sozialer Wandel und Formveränderung der Politik. Hg. Hans Mommsen/ Böhlau Verlag. Köln. Weimar. Wien. 2000. S.43-46.
4. Ерусалимский А.С. Германский империализм: история и современность. - М.: Наука. 1964. С. 138-141. Патрушев, А.И. Германия в XX веке. - М.: Дрофа. 2004. С. 53. История Германии в трех томах. / Под общей редакцией Б.Бонвич и Ю.В. Галактионов. Т.2. От создания германской империи до начала XXI века. Кемерово: Кузбассиздат. 2005.
5. Виноградов, К.Б, Жданов, Ю.В. Вильгельм II Гогенцоллерн и внешнеполитический курс Кайзеровской Германии / ННИ. 1988. № 3. С. 155-156.
6. Klein, Fritz. Deutschland 1897/98-1917 /Fritz Klein -Berlin-VEB, Deutscher Verlag der Wissenschaft, 1969. S. 293.

7. Айзин Б.А. В.И. Ленин о германском империализме. - Исследования по истории германского империализма начала XX века. Отв. ред. Б.А. Айзин, В. Гуче Москва: Наука. 1987. С.13.
8. Туполев Б.М. Династия Гогенцоллернов // ННИ. 1991 № 6. С. 172.
9. Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX в. М.-Л., 1960 С. 18.
10. Джайлз Макдоно. Последний кайзер. Вильгельм неистовый. Пер. с англ. А.М. Филитова. - М.: ООО “Издательство АСТ”: ОАО “ЛЮКС”. 2004. С.322.
11. Шульце, Хаген. Краткая история Германии. Пер. с нем. - М.: Весь Мир, 2004.
12. Langewiesche, Diter. Liberalismus in Deutschland / Dieter Langewiesche; Frankfurt am Main, 1988 -S. 219.
13. Röhl, John C.G. The Kaiser and his Court. Wilhelm II and the Government of Germany. Review Dr. Alan Sked; Cambridge University Press, 1998 /<http://www.history.ac.uk/reviews/paper/sked.html>
14. Röhl, John C.G. Kaiser, Hof und Staat. Wielhelm II. Und die deutsche Politik. München. 1988. - S.35.
15. Domann, Peter. Sozialdemokratie und Kaisertum unter Wilhelm II. Die auseinaufsetzungen der partei mit dem monarchischen System seinen Gesellschafts - und verfassungspolitischen voraussetzungen. Wiesbaden., 1974. - S. 210.
16. Fischer, Fritz. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18/ Fritz Fischer; Düsseldorf: Droste Verlag, 2000. - S.34.
17. Mommsen, Wolfgang J. Die Urkatastrophe Deutschlands. Der Erste Weltkrieg 1914-1918. Klett-Gotta, 2001. - S.113.
18. Panzer, Michael. Der Einfluss Max Webers auf Friedrich Naumann. Ein Bild der liberalen Gesellschaft in der Wilhelminischen und Nachwilhelminischen Ära. Würzburg, 1986, - S.31.
19. Ludwig, Elm/ Zwischen Fortschritt und Reaktion. Geschicte der Parteien der liberalen Bourgeoisie in Deutschland 18931918.

Berlin, 1968. - S.65-66.

20. Born, Karl Erich. Wirtschafts -und Sozialgeschichte des Deutschen Kaiserreichs (1867/71-1914). Stuttgart, 1985. -S. 147-148.

21. Вильгельм II. События и люди 1878-1918: Воспоминания. Мемуары. - Мн.: Харвест, 2003. С. 92.

22. Grebing, Helga. Arbeiterbewegung. Sozialer Protest und kollektive Interessenvertretung bis 1914. - München, 1985. - S. 127.

Источник:

**журнал Известия Самарского научного центра
Российской академии наук, 2009**

Эрик Ленерт

ВИЛЬГЕЛЬМ II И НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ. РАЗЛИЧИЯ

Критика императора

В третьем томе биографии Вильгельма II, который появился осенью 2008 г., Джон Рёль ставит вопрос: «Как связан кайзер Вильгельм II с национал-социализмом?» и предполагает, что «источники не содержат успокаивающих ответов».

На 27 (из 1326) странице мы читаем, что император оценил движение НС с точки зрения восстановления монархии и по-приветствовал немецкие успехи в устраниении Версальского договора и военные победы над Польшей и Францией. В качестве доказательства для близости Вильгельма к национал-социализму предлагает Рёль прежде всего письма Вильгельма сестре, ландграфине Маргарите Гессенской, эскапады его сына Августа Вильгельма, который присоединился к НСДАП, а также отзывы его второй жены Гермины, которая Гитлера, очевидно, очень почитала.

Факты

Тему Вильгельм II и национал-социализм следует рассматривать с указанием на преклонный возраст кайзера и дух времени, который не остановился даже перед ним, или, что касается времени Веймарской республики, видит там наивный поиск союзников к восстановлению монархии.

Вместо этого Рёль рассматривает частные письма в качестве публичного послания, в фаланге тех, что хотят общей ответственности Вильгельма II за национал-социализм. Поскольку эти отношения нельзя покрыть источниками, есть в литературе, будь художественное произведение, научное, фельетон, и первым делом, намёки: «Человек, который считал себя оруди-

ем Провидения, был безнадежно переполнен тщеславием и самонадеянностью, вечный лейтенант, и в конце концов, националистический ребенок. Но Гитлер не был им.“ (...)

Вильгельм II не был Гитлером, но он настолько близок ему, что можно было бы прийти к мысли, что речь идёт об одном и том же человеке. Однако личность и міровоззрение различны.

Вильгельм II и Адольф Гитлер, который является, без сомнения, важной инстанцией для міровоззрения национал-социализма, были общественными деятелями, то что они публично говорили, говорили с учётом времени выступления. Тем не менее, можно выделить у обоих основные міровоззренческие идеи, которые сыграли важную роль в их мыслях и действиях. Для Гитлера они звучали: революция, партия, народ и раса. Для Вильгельма II: династия, государство, иерархия и Бог.

Сам Гитлер говорил о «национальной идеологии», организационный охват которой - это программа НСДАП. Он положительно оценил исторические революции и говорил о революции 1918 г. такого свойства. Ведущее положение для него можно было достичь только на этом пути. По этой причине, к примеру, его антипатия к фашистской Италии и Испании Франко возростала. В этих странах не произошло никакой революции, старые элиты, король, церковь и армия определяли дальнее развитие событий. В Испании собрались вместе «священники и монархисты, которые были смертельными врагами немецкого националистического пробуждения». Гитлер заменил государство в ленинской манере на партию. Государство больше не имеет самостоятельного значения, но «оно также только средство для сохранения народа». Так как Гитлер пришёл легально по демократическому пути к власти, он придерживался легитимности благодаря народу, в форме голосований и демонстраций. Центральной идеей была раса и полученная вследствие этого вечная борьба высшей расы против низших рас, при которой любое средство допускается.

В противоположность этому у Вильгельма II можно исходить из совокупности стечения обстоятельств, которое можно

описать как “династическое міровоззрение“. Как потомок великого курфюрста и Фридриха Великого он осознавал свою ответственность по отношению к прошлому. Он мог максимально хорошо представить изменения нынешнего состояния, он должен был отказываться от революции, так как она была направлена против него самого, как представителя традиционного порядка. «Я был и выступаю за прогрессивный консерватизм, который сохраняет жизнеспособное, который отбрасывает устаревшее и принимает новое полезное». Государство принадлежало к неотъемлемому составу (компоненту), который казался не был возможным без господства, образовывавшем основу для справедливого правления. В этом государстве было почти сословное разделённое общество, в котором у каждого было своё место. Социальные границы были тверды, представляли, однако, способствующую успеху проницаемость. Порядок со всеми его гранями был богоугодный. С Богом у Вильгельма была задумана не пустая формула, как судьба или провидение, конкретно христианский Бог.

Однако, Вильгельм II интерпретировал национал-социализм сначала одно время ошибочно, при этом понимал второстепенное главным делом и мог приветствовать в нем, по меньшей мере, что НС хотел упразднить Веймарскую республику, что объединяло тогда множество партийных границ. То, что могло быть несколько отличным от парламентаризма и монархии, Вильгельм не хотел себе представлять. После 1933 г., когда возможность смогла бы стать реальностью, быстро стало ясно, что не было никакого сходства. Вильгельм истолковал программную речь Гитлера 30 января 1934 как „объявление войны дому Гогенцоллернов и Германской империи“.

Гитлер не хотел снова возвращать монархию, запрещал монархические союзы и ликвидировал 30 июня 1934 г. части консервативной элиты. Свидетельства о Хансе Блюере и Райнхольде Шнайдере показывают отчётливо, как Вильгельм оценивал движение после 1934 г. и он больше не предавался иллюзиям,

что касалось его повторного назначения императором. Вильгельм II полагался, несмотря на эту кратковременную надежду, на линию Шпенглера (Spenglers), который в НС видел некомпетентных высокочек („Flachköpfe“), которым удалось прийти к власти.

Сначала Гитлер публично дистанцировался от кайзера: «Выступали ли мы тысячу раз против типа правления Вильгельма II, для марксистов мы считаемся благодаря их лживой прессе реакционными монархистами [...].» Только когда Гитлер искал близости к Гугенбергу и к признанию законности, возникли прагматичные особые отношения. Из стратегического интереса он не позволил этому привести к конфликту. На надежды императора он оставил уклончивые ответы, в «Mein Kampf» он обращался к нему действительно мягко и упрекает его лишь в господстве денег, которое в глазах Гитлера было «красовым упадком»: „его величество германский кайзер стал втягивать в орбиту финансового капитала также высшее дворянство, что конечно могло иметь только самые несчастливые последствия.“ По словам Розенберга, «старый национализм мертв». Он распался 9 ноября 1918 г. „когда его носители и представители убегали от нескольких кучек дезертиров и катаржников.“ В этой фазе Гитлер решил, что лучше быть другом, чем противником, тем более, что кайзер ещё располагал приверженцами. После захвата власти, конечно, для Гитлера больше не было причины для внимательного отношения и он не делал секрета из своего отказа от восстановлении монархии.

Ввиду различий между мировоззрениями национал-социализма и Вильгельма II и их взаимного отторжения, удивляет, что снова и снова предполагают близость между обоими. Следующие допущения этого утверждения лежат в основе.

1. В пределах НСДАП была критика Гитлера, которая проявлялась после его “правового поворота”, Гитлера упрекали, что он превратил революцию в реакцию. В 1931 г. появилась под псевдонимом Вайгенд фон Мильтенберг (за которым скрывал-

ся национал-большевик Герберт Бланк) книга «Адольф Гитлер – Вильгельм III», в которой передаётся выражение этого отношения и к 1932 году книга пережила четыре переиздания.

2. “День Потсдама“ 21 марта 1933 инсценировался национал-социалистами как передача штаба старой империи для новой, так что предполагалось представление преемственности от Вильгельма II. Однако, он не присутствовал, стул оставался пустым.

3. С начала Второй мировой войны стратегия НС провозгласила непрерывность Первой мировой войны и оправдание Второй: „Безпрерывно национал-социалисты повторяли мотивы и видения империализма эпохи Вильгельма II, которые, казалось, говорили о непрерывности немецкой истории от Вильгельма II к Гитлеру.“

4. Смерть кайзера в 1941 дала возможность национал-социалистам выстроить связь между падением кайзера с 1918 г. и подъёмом Гитлера. Гитлер якобы планировал совершить погребение императора в Берлине, чтобы представить себя в качестве преемника.

5. Заграница приняла эту интерпретацию благодарно: Гитлер и Вильгельм II взаимозаменяемы. Германия обвинена за две мировые войны, в немцах определили врождённую воинственность и радость от тирании над Европой. Таким образом линия от Вильгельма II к Гитлеру легко протянулась, и поэтому в 1947 году Пруссия была ликвидирована.

6. Гитлер имеет вес (ценится, имеет значение) до сегодняшнего дня, хотя подробные исследования, как исследования Циттельманна наоборот, как правило, противоречат. Так обстоит для сегодняшней исторической науки возможность, без сомнения, ситуация с Вильгельмом II, который, по сегодняшний меркам был несомненно прав, будучи поставленным в политический угол.

7. После марксистского истолкования фашизма и национал-социализма (нет различия между ними), реакция правящих

классов, когда их власть ставится под сомнение: „Фашизм - это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала».

Итог

Следовательно, конструкция тесной связи или даже идеологического соответствия между Вильгельмом II и национал-социализмом или Адольфом Гитлером является отсутствием способности различать основу, которая коренится в историческом материализме, и следует за самоинтерпретацией Гитлера и игнорирует собственное понимание Вильгельма II.

перевод с нем. яз. Т. Кухаренко

От Изд.: Весьма корявый перевод и без того корявой в мировоззренческом плане статьи. Однако, ввиду нехватки материалов именно по данному вопросу, публикуем сей материал, никак его «не препарируя». Полагаем, что просвещённый читатель, особенно в сопоставлении с другими материалами «Кайзеровского Сборника», сам способен сделать Правые и правильные выводы...

Ганц Кюхельгартен

«ВЕРНЁМ ВСЁ, КАК БЫЛО»: КАЙЗЕР И ФЮРЕР

В ноябре 1918 года в Германии, ослабленной Первой мировой войной и экономическим кризисом, произошла революция, в результате которой кайзер Вильгельм II отрёкся от престола. Вместе с семьёй он сразу же покинул страну и поселился в Нидерландах. Однако Гогенцоллерны не теряли надежды однажды вернуть себе престол. И одним из тех, кто, по их мнению, мог восстановить монархию в Германии, был Адольф Гитлер. Об отношениях свергнутой династии с Фюрером мы сегодня и расскажем.

После Ноябрьской революции 1918 года Вильгельм II нехотя отрёкся от престола и бежал в Нидерланды, которые оставались нейтральными на протяжении всей Первой мировой войны. Согласно Версальскому мирному договору, заключённому в 1919 году, его должны были судить «за величайшее преступление против международной морали и человечества».

Однако королева Вильгельмина, кстати, будущее лицо голландского Сопротивления в годы Второй мировой, отказалась выдать кайзера Антанте, и даже предоставила ему поместье. Позже он купил себе замок в Дорне, одна из комнат в котором получила названия серебряной – там Гогенцоллерны разместили фамильное серебро.

Новая власть в Германии разрешила Вильгельму перевезти свои личные вещи на новое место жительства. В итоге из его многочисленных дворцов доставили 23 вагона мебели, машину, лодку и 27 контейнеров с вещами, среди которых были произведения искусства, драгоценности и фарфор. А в 1926 году прусский парламент принял решение вернуть кайзеру его земельные владения, включая десятки дворцов, замков и вилл. Кроме того, он получил дворец на острове Корфу, ферму в На-

мибии и 15 млн марок, что на сегодняшний день составляет около 100 млн евро.

В общем, бывший монарх мог жить привычной жизнью, ни в чём себе не отказывая, и наслаждаясь роскошью, которую он так любил. Но этого ему было мало – Вильгельм лелеял планы своего возвращения на германский престол.

После свержения Гогенцоллернов монархические настроения в Германии не угасли. Высшая аристократия и крупные промышленники выступали за установление в стране конституционной монархии. Эти настроения активно поддерживал кронпринц Вильгельм, старший сын кайзера, который ещё в 1923 году получил разрешение вернуться на родину и поселился во дворце Цецилиенхоф в Потсдаме. Спустя два года Гитлер, который тогда активно строил политическую карьеру, добивался его поддержки, утверждая, что усматривает «в восстановлении монархии венец своих стремлений».

В своей книге «Полезные идиоты. Гогенцоллерны и Гитлер» историк Карин Урбах пишет, что оба Вильгельма и их советники считали, что в случае прихода Гитлера к власти повторится «итальянский сценарий», в рамках которого король Виктор Эммануил III своим авторитетом поддержжал приход к власти Бенито Муссолини, а тот в благодарность оставил его на троне. «Гитлер, — замечает Урбах, — был для Гогенцоллернов Муссолини».

По мнению другого историка Штефана Малиновского, кронпринц Вильгельм предложил Гитлеру раздел власти по примеру Италии. Себе он отводил пост рейхспрезидента, а Гитлеру — канцлера. «Вильгельм-сын предлагал Гитлеру символический капитал — авторитет (потенциального) короля Пруссии. Это было бы хорошим аргументом в поддержку нацистов для консервативных избирателей, напуганных и недовольных демократией Веймарской республики», — пишет Малиновский.

Гитлер в принципе был согласен, однако план сорвался, поскольку против выступил кайзер. Как бы то ни было, не сумев выдвинуть свою кандидатуру на выборах в рейхстанг в 1932

году, кронпринц призывал избирателей отдать свой голос Гитлеру на президентских выборах и неоднократно выступал в поддержку нацистов. Сам же фюрер, по мнению Урбах, в начале 1930-х опасался, что Вильгельм наберёт у народа большую популярность, чем он сам.

На выборах в 1933 году кронпринц вновь поддержал НСДАП, которая в этот раз вышла победителем, набрав почти 44% голосов. После того, как президент Пауль Гинденбург назначил Гитлера канцлером, Вильгельм заявил, что счастлив, потому что к власти наконец пришло национальное правительство, за идеи которого он так давно боролся.

В 1930-х годах кронпринц также опубликовал в США статью, в которой ругал «марксистов и евреев за их выступления против Гитлера и выражал уверенность в том, что мір скажет Гитлеру спасибо за борьбу с большевиками». Кроме того, в письмах английскому газетному магнату лорду Ротермиру он детально рассказывал, как именно он помог нацистам победить на выборах в 1933 г. По словам Вильгельма, его поддержка принесла Гитлеру не менее 2 млн голосов «немецких патриотов» и ветеранов Первой мировой, во время которой кронпринц командовал группой армий.

В своём дворце в Постдаме Вильгельм неоднократно принимал всю элиту Рейха, хотя сам членом нацистской партии так и не стал.

Его отец же поддерживал дружеские отношения с Гинденбургом, который командовал немецкими войсками на Восточном фронте в годы Первой мировой. Кайзер также принимал у себя в эмиграции Геринга и инвестировал в германскую военную промышленность. Гогенцоллерны вообще смогли извлечь из завоеваний Рейха для себя огромную прибыль. По официальным данным, состояние династии в 1933 году составляло 18 млн марок, в 1939-м – 28 млн, а в 1942 г. – 37 млн.

Однако вскоре оба Вильгельма разочаровались в Фюрере. Кронпринц осознал, что Гитлер вовсе не собирается восстанавливать монархию, а хочет быть единоличным диктатором, а

Кайзер в 1938 году неофициально, но резко раскритиковал его за еврейские погромы, и вроде бы даже заявил, что все офицеры, да и вообще все приличные немцы должны протестовать против них.

Фюрер затаил обиду, и, когда в 1940-м Вильгельм II всё же поздравил его с победой над Францией, отреагировал на это пренебрежительно, обозвал свергнутого императора «старым дураком» и не ответил ему.

Ещё до этого во время Французской кампании от ранения скончался внук Кайзера и старший сын кронпринца, тоже Вильгельм, который в звании старшего лейтенанта воевал в пехотной дивизии вермахта. На его похороны в мае 1940 года собралось 50 тысяч человек, что стало крупнейшим неорганизованным массовым собранием людей в период правления Гитлера.

Позже Фюрер издал так называемый Указ принцев (*Prinzenlass*) – тайный указ, запрещавший службу в вермахте всем членам правящих домов Германской империи, так как опасался, что возможная гибель других принцев вызовет массовую симпатию к Гогенцоллернам и новую волну приверженности монархии. Уже весной 1940 г. все принцы были отправлены в резерв.

Что касается дальнейшей судьбы Кайзера, то после оккупации Нидерландов в 1940-м всё его имущество по приказу Гитлера было национализировано. Вильгельм II продолжал жить в замке, однако ему было разрешено отъезжать от него не более чем на 10 км, и только в присутствии агентов гестапо, приставленных к императору в качестве охраны.

Кайзер скончался 4 июня 1941 года. Узнав об этом, Фюрер приказал организовать ему государственные похороны с воинскими почестями, чтобы подчеркнуть преемственность Рейха от Германской империи. Сам же он в Нидерланды не поехал, однако отправил туда высокопоставленных воинских чинов. Желание Вильгельма II, чтобы на его похоронах не использовалась Свастика и другие нацистские знаки, предсказуемо было проигнорировано.

Димитрий Любин

**ИМПЕРАТОР ВИЛЬГЕЛЬМ И ЕГО ВЗГЛЯДЫ
НА ИСКУССТВО**

***В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
ГЕРМАНИИ КОНЦА XIX - начала XX в.***

Проблема определения роли монарха в развитии художественной культуры его страны представляет большой интерес для исследователя. Лоренцо Медичи, Людовик XIV, Фридрих Великий, Екатерина II и другие правители в значительной степени способствовали подъёму искусства в своих странах. Коллекционеры и меценаты, они снабжали заказами крупнейших художников и архитекторов, открывали и развивали академии и школы. Государственный заказ служил причиной появления первоклассных произведений искусства, расцвет которого был символом могущества просвещённого властелина.

Фигура императора Вильгельма II занимает особое место в истории немецкого искусства конца XIX - начала XX в. Эпоха его правления была временем расцвета официальной художественной культуры. Вряд ли можно найти в XIX в. более яркий пример несовпадения монарших взглядов на искусство и передовых тенденций, стремительно развивающихся в нём. Действие мощных сил, направленных в противоположные стороны, обусловило значительную напряжённость художественной жизни Германии того времени. Вильгельм II стремился принимать активное участие в художественной и научной жизни. Он писал: «С живым интересом я всегда следил... за вопросами науки, искусства, открытий.» [1, с. 95]. О многообразии интересов монарха не раз говорилось в мемуарной и научной литературе: «Без каких-либо сомнений он вмешивался со всей мощью в науку и технику, вопросы строительства кораблей и

каналов, архитектуры, облика памятников, скульптуры и живописи, создания эскизов костюмов и театральных декораций, музыки, художественного промысла и устройства садов. Он сочинял песни, писал картины и разрабатывал эскизы новой униформы» [7, S. 984]. Существует известная английская карикатура (1898), отражавшая хронологию насыщенного рабочего дня «неутомимого» Вильгельма II. В череде дел императора присутствуют сочинение пьесы, оперы, занятия живописью, а также инструктаж придворного обувщика о том, как именно тому следует делать обувь - комический намек на «всезнание» кайзера. Многообразие его интересов нашло выражение и в его склонности произносить пространные речи, в которых он выражал своё мнение по разным вопросам. «Он сам уверен, что всё знает и понимает, готов высказаться по любому вопросу, причем с категоричностью, которая исключает всякие возражения», - отмечал Г.Э. Хинцпетер, наставник кронпринца в молодости [2, с. 86].

Вопросы искусства интересовали Вильгельма II с юности. В гимназические годы он прослушал курс истории искусства и занимался рисунком. В Боннском университете Вильгельм обучался у К. Юсти и одного из крупнейших немецких археологов Р. Кекуле. Благодаря последнему принц увлекся искусством античной эпохи. Он подчёркивал важнейшее значение античности для мировой культуры: «Нет ничего более высокого, чем язык античной Греции, нет более великого грека, чем Гомер, и нет ничего лучше его “Илиады”» (Там же). Современных художников Вильгельм II призывал ориентироваться на «недостижимые образцы классического искусства» [9, S. 89]. Он говорил: «При взгляде на прекрасное наследие классической эпохи приходит чувство: здесь господствует вечный закон красоты, гармонии, эстетики. Этот закон выражен у древних в столь завершённой форме, что мы гордимся, когда об особенно хорошем произведении говорят: это почти также хорошо, как созданное 1900 лет назад. Но только почти!» (Там же, S. 87).

Подлинной страстью Вильгельма II была археология. В 1907 г. он приобрёл виллу на о. Корфу, где полностью отдавался науке: «В часы отдыха я занимался археологией и раскопками» [1, с. 98]. К своим занятиям Вильгельм II относился крайне серьёзно: «Я стремился установить корни, из которых развилась греческая античная культура, и отыскать нити влияния Востока на Запад в культурном отношении. Особенно важной мне казалась ассириология, ибо от нее можно было ожидать, разъяснения Ветхого Завета. Начатые мной под руководством Дерпфельда (Вильгельм Дерпфельд (1853-1940) - выдающийся немецкий археолог, участвовал в раскопках в Олимпии, Трое, Микенах, Тиринфе, Пергаме) раскопки на Корфу имели весьма важные результаты для археологии» [1, с. 98-99]. С присущим ему самолюбованием кайзер говорил: «Я, конечно, непрофессионал, но, видимо, это хорошо, что Провидение избрало меня для того, чтобы наметить новые направления в археологии» [2, с. 453]. Вильгельм II не утратил интерес к археологической науке и после 1918 г. В замке Доорн он принимал специалистов из Германии и Голландии. Придворный священник Ф.А. Хенн, живший в Доорне в те годы, приводит важный отзыв о профессиональной состоятельности Вильгельма II как археолога: «Однажды я спросил одного из профессоров, считают ли императора в профессиональных кругах подлинным знатоком или только дилетантом. Он ответил мне, что Вильгельм II часто мог превзойти их - дотошных учёных и исследователей - благодаря своему точному, гениальному чутью» [10]. Одним из его проектов стало Доорнское исследовательское общество, занимавшееся проблемами античной культуры. Его наиболее известными членами были В. Дерпфельд и другой знаменитый учёный, археолог и этнограф Л. Фробениус. Наряду с учёными Вильгельм II делал доклады. Увлечение императора археологией послужило на благо этой науки: были организованы экспедиции в Египет, Турцию и Переднюю Азию [7, S. 1015].

Вильгельм II занимался графикой и живописью. Его творческое наследие составили несколько работ. Рисунок «Niemand zu Liebe, niemand zu Leide!» «Никого не любить, никому не страдать» (1896) был завершён художником Г. Кнакфусом. Это изображение «рыцаря с чёрно-белым крестом Немецкого ордена на груди и прусским чёрным орлом на одежде, мечом и щитом в руке для защиты женщин и детей, которые, словно в идиллии, играют на скрипках и флейтах в интерьере романской церкви. Перед ступенями церкви, у ног рыцаря, расположены ужасные тёмные черти с рогами и вампирскими крыльями» (Там же, С. 985). При виде величественного рыцаря мечи в руках порождений ада сгорают ярким пламенем, а сами они в ужасе отшатываются от похожей на изваяние фигуры. В образе рыцаря император изобразил самого себя: это было созвучно его міроощущению. Ф. фон Эйленбург писал: «Мы должны принимать в расчёт особенности характера монарха, который сочетает в себе черты разных эпох - “современной” и “рыцарской”» [2, с. 334]. «Рыцарственность» Вильгельма II сформировалась в его молодые годы. Во время обучения любимым предметом принца была история Средних веков. Он всегда считал эту эпоху временем высшего могущества Германии. Обращение к образу рыцаря, безспорно, имело связь и с его размышлениями о будущем страны. В этом рисунке Вильгельм II создал собственный образ вождя нации, оберегающего отечество от врагов: такое восприятие своей роли было свойственно кайзеру. В этом, однако, воплощена и идея об историческом предназначении всего народа Германии. Вильгельм II говорил: «Немецкий народ стоит на страже, как некогда бог Геймдал, охраняя мир на земле у врат храма мира (в рисунке 1896 г. на заднем плане, над арками, начертано слово «РАХ» (мир). -Д.Л.), и не только в Европе, но и на всей земле» [4, с. 192]. О миротворческой миссии немецкого народа кайзер высказывался и в дальнейшем.

Наиболее известным произведением Вильгельма II является его рисунок «Народы Европы, оберегайте ваши священные

владения» (первоначально рисунок назывался «Против жёлтой опасности», известна точная дата его создания - 30 апреля 1895 г.). На нем изображены стоящие на скале архангел Михаил и женские фигуры, символизирующие Германию, Францию, Россию, Австрию, Великобританию, Италию. Михаил, небесный покровитель немецкого народа, указывает рукой на встающую из-за горизонта фигуру Будды, окутанную грозовыми облаками. Так Вильгельм II призывал других государей Европы к совместной борьбе с так называемой «жёлтой угрозой», надвигавшейся из Китая и Японии: «против вторжения буддизма, язычества и варварства» [7, S. 1010]. Рисунок был литографирован и разослан в подарок европейским монархам, в том числе Николаю II.

Вильгельм II пробовал свои силы и в живописи. В 1886 г. он написал картину: немецкий корабль проводит стрельбы в Японском море. Принц с детства проявлял особенный интерес к морю и кораблям, морские романы составляли значительную часть его чтения. Став императором, Вильгельм уделял большое внимание всему связанному с морем: от проектирования униформы, штандартов и отделки кают на кораблях до программы строительства военноморского флота. Во время ежегодных морских путешествий - «северных экспедиций» кайзер много рисовал. В 1894 г. он «большую часть времени провел за мольбертом: рисовал корабли» [2, с. 301]. Марину император предпочитал другим жанрам и пригласил ко двору художников К. Зальцмана и Г. Бордта, в дальнейшем сопровождавших его в «северных экспедициях». Известна, например, картина К. Зальцмана «Император Вильгельм II во время охоты на китов на китобое “Дункан Грэй”», написанная около 1900 г. Вильгельм II поощрял развитие жанра. По его инициативе в Королевской высшей школе изобразительного искусства в Берлине были введены занятия по морской живописи и изображению кораблей. Кайзер полагал, что маринистам следует разрешить участвовать в походах на учебных судах и в маневрах на бро-

неносцах. Среди видов искусства император наибольшее предпочтение отдавал скульптуре. Известны его слова о том, что «если бы он не был кайзером, то с наибольшим желанием стал бы скульптором» [7, S. 1016]. На своей вилле на о. Корфу Вильгельм II «ваял скульптуру Ахилла», которую «во время Первой мировой войны уничтожили» [2, с. 92]. Кайзер выполнил эскизы ряда монументов, впоследствии воплощённых профессиональными скульпторами, а также определял места установки многих памятников.

Кайзер уделял большое внимание развитию немецкого искусства. Его представления о целях искусства и его роли в государстве нашли воплощение в произведениях художников официального толка. Объясняя этот феномен, историк Г. Малковски писал: «”Если бы я не был императором, я хотел бы быть скульптором” - это в устах Вильгельма II означало: т.к. я как руководитель государства не могу создавать реальные культурные ценности, то я желаю спланировать их в идеальной форме, передать как образец для современников и потомков» [6, S. 256]. Взгляды императора на искусство нашли отражение в ряде его публичных выступлений, относящихся к началу 1900-х гг.

Вильгельм II стремился развивать искусство в Германии и способствовать приобщению к прекрасному широких слоёв населения. Он говорил: «Я вижу свою задачу. в том, чтобы простираеть руку над моим народом, над его подрастающим поколением, сберегать в нем красоту, развивать в нем искусство., облагораживающее людей» [9, S. 88]. Император видел немецкую нацию единственным подлинным носителем духовных идеалов, в то время как другие народы их утратили. Одним из проявлений высокой духовной культуры нации Вильгельм II считал доступность искусства для всего народа: «К этим идеалам относится то, что мы даём возможность рабочим, трудящимся наслаждаться прекрасным, высвободиться, вырваться из круга их обычных мыслей» [9, S. 88].

С точки зрения Вильгельма II, главными национальными идеалами, которые надлежало воплотить искусству, были великое прошлое немецкого народа и его триумф в настоящем -возрождение империи. Не случайно в некоторых произведениях «официального» искусства подчёркнута преемственность Фридриха Барбароссы и императора Вильгельма I. Наилучшим образом выразить эти идеи должны были росписи во дворцах и общественных зданиях, но прежде всего - монументальная пластика. Кайзер понимал, что именно произведения скульптуры способны оказать глубокое воздействие на чувства рядового немца. Он опирался на опыт античного искусства: «Когда я посетил Афины и увидел творения древних греков, увековеченные в мраморе, я понял, каким мощным стимулом для развития патриотизма может стать история страны, запечатленная в камне» [2, с. 391]. Этим было продиктовано стремительное развитие официальной монументальной пластики. Оно было непосредственно связано с художественными и политическими воззрениями императора и служило воплощением его личной инициативы. Главными произведениями официальной скульптуры эпохи были грандиозные «национальные» монументы, многочисленные памятники Вильгельму I, настоящий кульптор которого возник по инициативе молодого кайзера, комплекс Аллеи Победы в Берлине и памятник Битве народов. В знак возрождения исторических и национальных традиций по воле Вильгельма II были восстановлены средневековые германские замки Заальбург, Мариенбург и Хохкенигсбург.

Император отрицательно относился к новым направлениям в немецком искусстве: реализму, импрессионизму и др. Эти направления были для него символом раздробленности немецкой художественной культуры. Вместо того, чтобы служить прославлению страны, многие художники, по его мнению, уделяли чрезмерное внимание усовершенствованию техники, а также изображали окружающую действительность в подчёркнуто миморных тонах. Из современных художников Вильгельм II осо-

бенно ценил А. Менцеля. Важной причиной его глубокого уважения были многочисленные работы художника, посвящённые Фридриху Великому - одному из излюбленных исторических личностей кайзера. В конце 1830-х и начале 1840-х гг. Менцель выполнил свыше четырёхсот иллюстраций к «Истории Фридриха Великого» Ф. Куглера. В 1840-х и 1850-х гг. Менцель работал над иллюстрациями к «Литературным трудам Фридриха II». Ему принадлежат и несколько живописных работ, посвящённых жизни «Старого Фрица»: «Круглый стол в Сан-Суси» (1850), «Концерт в Сан-Суси» (1852) и «Бонсuar, месье» (1858). Тему Фридриха «в духе Менцеля» в конце XIX в. развивал Г. Шебель. Император благоволил к художнику и приобрёл несколько его картин. Также Вильгельм II отмечал А. Фейербаха, исторических живописцев Г. Бляйброя и Г. Кнакфуса, маринистов К. Зальцмана и Г. Бордта, а также И.К. Айвазовского. В 1897 г. в Берлине император посетил выставку В.В. Верещагина и получил сильные впечатления от работ знаменного русского баталиста. Вильгельм II любил батальный жанр. По его заказу К. Рехлинг исполнил ряд картин, призванных запечатлеть великие моменты прусской истории. Основой для одной из них - «Первый гвардейский пехотный полк во время штурма Сан-Приват» - послужил собственноручный рисунок кайзера. Среди скульпторов Вильгельм II особенно отмечал Ф. Драке и В. Шотта, М. Унгера и Э. Шлитц-Герца, В. Хаверкампа и Р. Бегаса. Самым любимым художником императора был лидер официального искусства А. фон Вернер.

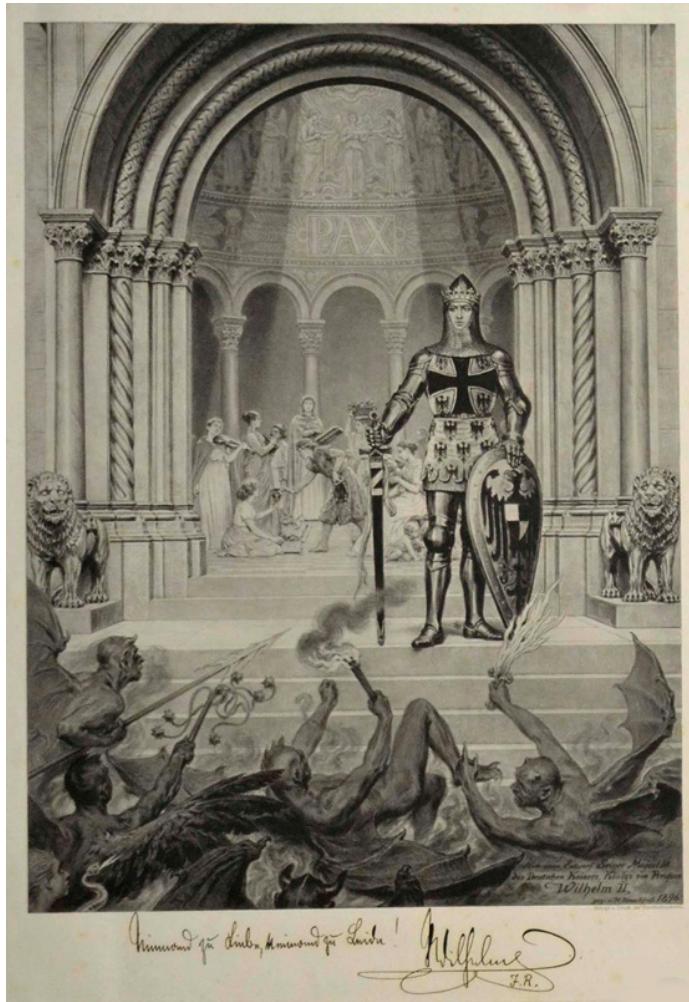
С присущей ему энергией император стремился поставить искусство на службу государству и во многом преуспел. Его деятельность в области искусства справедливо получила название художественной политики (Термин «художественная политика» (*Kunstpolitik:*)) применил в книге «Искусство на службе государственной идеи» историк Г. Малковски). В начале XX в. некоторые немецкие историки стали рассматривать её в контексте и через призму новой, «мировой» государственной

политики: «художественная политика Вильгельма II - это воззвание к своему народу, что для того, чтобы иметь успех, воля к міровой власти нуждается в культурных расовых инстинктах. Образцовая художественная политика Гогенцоллернов указывает путь к достижению столь высокой цели (міровое господство. - Д.Л.). Пусть же нация найдёт в себе энергию, чтобы не-поколебимо следовать по нему» [6, с. 242-243]. Первая міровая война стала крахом Германии. Империя рухнула, Вильгельм II покинул страну. Официальная художественная культура, расцвету которой способствовал кайзер, прекратила свое существование. В её многочисленных памятниках, сохранившихся и восстановленных в последние годы (Наиболее значительным из возрожденных памятников является монумент императору Вильгельму I на так называемом «Немецком углу» в Кобленце, разрушенный в 1945 г. и вновь открытый в 1993 г.), в полной мере нашли отражение взгляды последнего императора на искусство, по его воле воплотившее дух Второй Германской империи.

Литература:

1. Вильгельм II. Мемуары. События и люди 1878-1918. М. - Пг. : Изд-во Л.Д. Френкель, 1923.
2. Макдоно Д. Последний кайзер. Вильгельм Неистовый. М. : ACT, 2004.
3. Нация и империя в русской мысли начала XX века. М. : Скименъ, 2003.
4. Перцев В.Н. Гогенцоллерны. Характеристика личностей и обзор политической деятельности. Минск : Харвест, 2003.
5. Lembke R. Der Kaiser und die Kunst // Mod-erne Kunst. Bd. XXVII. 1912-1913. S. 262-264.
6. Malkowsky G. Die Kunst im Dienste der Staatsidee: Hohenzollerische Kunspolitik vom Grossen Kurfursten bis auf Wilhelm II. Berlin : Patria, 1912.
7. Rohl J.C.G. Wilhelm II. Der Aufbau der Personlichen Monarchie. 1888-1900. Munchen : Ver-lag C.H. Beck, 2001.

8. Seidel P. Der Kaiser und die Kunst. Berlin, 1907.
9. Seidlitz W. von. Der Kaiser und die Kunst // Jahrbuch der bildenden Kunst. 1903. S. 87-89.
10. URL : <http://home.arcor.de/kaiserreich1871/henn.htm>.

Источник: журнал Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2011

КАЙЗЕР ВИЛЬГЕЛЬМ И «ЕВАНГЕЛИСТ РАСЫ» ХЬЮСТОН С. ЧЕМБЕРЛЕН

Англичанин, для которого Англия стала недостаточно английской — и потому он сделался немцем... Возможно, британские читатели с удовлетворением узнали, что в лице одного из своих соотечественников они внесли вклад в развитие Германии [в направлении Третьего Райха].

Вильгельм Фольрат. «Карлейль и Х. С. Чемберлен». 1938

Хьюстон Стюарт Чемберлен считался одним из самых потрясающих талантов среди немецких мыслителей, эрудитом и творцом. Он родился в 1855 году, был сыном английского адмирала и племянником фельдмаршала сэра Невилла Чемберлена. Воспитывался в Париже родителями, а учился под присмотром частного преподавателя-prusсака, который привил любознательному и способному мальчику интерес к славной немецкой военной истории и творениям таких поэтов и философов, как Гёте, Фихте, Гегель и Рихард Вагнер.

В двадцать семь лет он переехал в Германию, поселился в Дрездене и вскоре стал немцем в большей степени, чем сами немцы, впитав их национальный дух, изучив язык, поняв и полюбив разум и душу. В 1897 году Чемберлен опубликовал свою главную работу — «Основы XIX века». Она произвела эффект разорвавшейся бомбы, а её автор в одно прекрасное утро пронился знаменитым.

Благодаря широчайшей эрудиции, которая приводила в восторг немецких интеллектуалов, он сумел создать своеобразный синтез противостоящих друг другу теорий Рихарда Вагнера и Фридриха Ницше. На радость элиты Второго Райха он развил теорию Вагнера о главенстве арийской расы. Согласно Чемберлену, в «Гибели богов» — из-за загрязняющего влияния «низших» народов — не было никакой трагедии. Он просто пере-

черкнул теорию о неизбежном вырождении и упадке высших рас. Чтобы доказать это, Чемберлен остроумно слил воедино идеи Вагнера с мыслью Ницше о возвращении высшей расы.

Такая раса возникнет, когда люди одного образа мыслей и чувствований проникнутся «духом своей всемирно-исторической судьбоносности», пусть даже их физические характеристики сильно отличаются. При формировании расы, подчёркивал Чемберлен, важны как исторические события, так и высокие духовные идеалы, благодаря которым весь народ проникнется чувством единения и осознанием общих целей.

«Немецкий разум, — писал английский пророк, — не полагается на случай, и теперь ему следует озабочить себя формированием этой новой расы. Как жемчужина может быть выращена искусственным путём, так и немецкий разум должен повести за собой арийские народы к расовому превосходству и господству над міром».

Иисуса Христа Чемберлен описывал как статного блондина, и утверждал, что Иисус был арийцем. Согласно Чемберлену, только люди с самой лучшей индоарийской кровью, особенно тевтонской, способны понять заветы Христа и следовать им. Кровь Христа была пролита исключительно для арийцев!

Чемберлен понимал, что создает новую Библию для пангерманского движения, но даже сам не ожидал такого фантастического успеха. Кайзер Вильгельм пригласил его к себе во дворец со словами: «Сам Господь Бог послал вашу книгу немецкому народу, а вас лично — мне» — и добавил, что книгу Чемберлена прочитали все члены королевской фамилии, офицеры Генерального штаба и гвардии и она вызвала полный восторг. Немудрено! Ведь именно их автор назвал элитой и величайшими героями новой расы.

По сути, «Евангелист Расы» (так назвал Х.С.Ч. его биограф Джонни Филд в одноимённой работе: *Geoffrey Field, Evangelist of Race. The Germanic vision of Houston Stewart Chamberlain* (New York, 1981)) стал для Кайзера своеобразным «духовным

наставником». Вильгельм II назвал труд Чемберлена монографией величайшей важности; он знал наизусть целые куски из немецкого оригинала. Если Вильгельма тяготил рейхстаг, то и Чемберлен видел во всех парламентах великое зло. Вот Царственный друг и писал британскому расовому «евангелисту»: «Вы приходите и по мановению волшебной палочки вносите порядок в хаос, свет во тьму; вы даёте цели, к которым надо стремиться и ради которых следует работать». Ведь для последнего немецкого Кайзера именно Чемберлен стал «соратником и союзником в борьбе за германство и арийство» против всего того, что позже Гитлер (но уже на практике — в отличие от Вильгельма II) собирался убрать с пути «ради Германии».

...Кстати, и самого Гитлера уже стоящий на пороге смерти Х.Чемберлен, успел «во гроб сходя благословить»... Чемберлен встречался с А.Г. несколько раз в сентябре 1923 г., до путча в Мюнхене, т.е. ещё тогда, когда тот был никому не известен: «То, что Германия в час величайшей беды порождает для себя некоего Гитлера, доказывает, что она жива; о том же говорят и его [Гитлера] действия». Хьюстон Стюарт Чемберлен уверил будущего «фюрера», что тот представляет собой силу в «космогоническом смысле». Таким образом Чемберлен — с точки зрения национал-социалистов — стал «провидцем Третьего рейха»...

«Адольф Гитлер и Хьюстон С. Чемберлен подали друг другу руки. Великий мыслитель... открывший путь для Фюрера... гениальный учитель и провозвестник Третьего рейха ощутил, что в этом простом человеке из народа счастливо исполнится судьба Германии» (Ханс Конрад. «Фюрер и Байрейт», 1936 г.).

«Немецкий народ, не забудь... и всегда помни, что это «иностраниц» Чемберлен назвал «иностраница» Адольфа Гитлера твоим Фюрером... Сто лет назад таким же был англичанин Карлейль... Сегодня именно англичанин Чемберлен... с первых шагов Адольфа Гитлера понял, что тот избран судьбой...» (Георг Шотт. «Х. С. Чемберлен, провидец Третьего рейха», 1934 г.).

Рудольф Гесс утверждал, что всякий раз, когда Адольф Гитлер посещал Чемберлена, глаза последнего сияли: «В последний раз он даже произнес одними губами «хайль»». По словам Гесса, заместителя Фюрера по партии, со смертью Хьюстона Стюарта Чемберлена в 1927 г. Германия «похоронила одного из величайших своих мыслителей, борца за германское дело, как и написано на венке, возложенном от имени Движения». В последний путь Хьюстона Стюарта Чемберлена провожали гитлеровские штурмовики, одетые в форму [Rudolf Hess, Briefe 1908–1933. Hrsg. von Wolf Rudiger Hess (Munchen, 1987), S. 379, 373: Briefe vom 15. April 1927 an Gret Georg und vom 11. Januar 1927 an Klara sowie Fritz Hess]. Одним из поклонников творчества Чемберлена и своеобразным воплотителем его идей был райхсфюрер SS Генрих Гиммлер. Не случайно и то, что знаменитый Юлиус Штрайхер на свой день рождения в феврале 1939 г. получил в подарок от вдовы Чемберлена переплетённые письма её покойного мужа [Randal Bytwerk, Julius Streicher (New York 1983), р. 39.].

Обширная переписка Х.С.Ч. с Кайзером Вильгельмом давно уж ожидает полноценного перевода на русский язык. Поистине, не только «штрайхерам» (хоть и ничего «не имеем» супротив) пригоже обладать письмами Чемберлена, но и заинтересованный Правый русский читатель смог бы по достоинству оценить и использовать сей «кладезь расовой мысли». Предваряя желательное издание, публикуем здесь малые фрагменты означенной Переписки:

Из писем Чемберлена к кайзеру Вильгельму II.

«В тот момент, когда германец вышел на мировую арену, возник новый мир, который, тем не менее, никогда не упоминался как чисто германский. Мир, в котором разве что в девятнадцатом столетии простили новые элементы, или те элементы, которые ранее, в процессе развития и становления этого мира практически не играли никакой роли, например чистогерманские ранее [элементы], - теперь почти полностью «дегерманизи-

зированные» посредством смешения кровей — славяне и евреи. Этот мір возможно будет ещё больше ассимилирован в плане комплекса рас и, следовательно, ещё больше подвергнется различным влияниям. Но в любом случае, новый мір и новая цивилизация коренным образом отличается от римско-эллинской, турецкой, египетской, китайской и всех других, более ранних или более современных цивилизаций».

Houston S. Chamberlain — «An die Redaktion der „Umschau“, Beilage zum Brief vom 23/11/1909».

«Образование Германскогоreichа в 1870 году означает скорее не начало, но конец. Сейчас либо [мы] пойдём «новым курсом» (как Ваше Величество давно уже признали), либо ничего; и в последнем случае Германия будет обездвижена и медленно потонет, захлестываемая волнами янкизированного англосаксонства или татаризированного славянства. Теперь наступает момент, от которого зависит будущее».

H. S. Chamberlain — «An Kaiser Wilhelm II. Wien, 15. November 1901».

Перевод DA

Михаил Шаповалов

ПУТЕШЕСТВИЕ КАЙЗЕРА ВИЛЬГЕЛЬМА В ПАЛЕСТИНУ В 1898 Г. ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ) содержит значительный пласт уникальных документов, раскрывающих политику европейских государств на христианском Востоке. Важная часть этих документов была опубликована коллективом авторов во главе с Н.Н. Лисовым в трёхтомном издании (1) «Россия в Святой земле. Документы и материалы». Среди массы материалов сборника встречается информация и об одном из ключевых событий конца XIX в. в истории Палестины — путешествии по Святой земле германского кайзера (восточный вариант именования «император») Вильгельма II (1888-1918).

Из опубликованных документов АВПРИ нам становится известно, что ещё в 1896 г. российский МИД был обеспокоен планами Вильгельма II посетить Палестину «на освящении новой евангелическо-немецкой церкви на месте Муристан» (2). В июле 1898 г. генеральный консул Российской империи в Иерусалиме А.Г. Яковлев писал российскому послу в Константинополе И.А. Зиновьеву, что «программа путешествия германского императора мало известна. На первой неделе августа вернётся здешний германский консул, и дело выяснится. Говорили о подарке немцам Кайфы, Яффы. Это, очевидно, невозможно. Но если им подарят клочок Турции, то почему же не подарить и нам чего-нибудь? Мой французский коллега сильно смущён различными слухами. Говорят, что здесь будет выстроен католический монастырь и что его монахи-францисканцы, в качестве германских подданных, будут под покровительством германского консула. Это неприятно для Франции, но это со-

гласно с §62 Берлинского договора» (Россия в Святой Земле... Т. 1. С. 295).

Из контекста консульских сообщений становится ясным, что неслучайный и долго подготавляемый приезд императора Вильгельма II в Палестину находился под пристальным вниманием российского внешнеполитического корпуса на Ближнем Востоке, дипломаты внимательно следили за перемещением императора, сопровождая его поездку подробными описаниями и отчётами. Часть из этих уникальных дипломатических документов отложились в архивном деле «Путешествие императора Вильгельма в Палестину», хранящемся сегодня в АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Д. 3197. Путешествие императора Вильгельма в Палестину. 1898 г.). Документы из этого важного дела оказались за рамками подготовленного сборника Н.Н. Лисового, что и сподвигло нас на идею публикации в данной статье одного из многих документов, сшитых в архивном деле, а именно «Списка с донесения генерального консула в Иерусалиме коллежского советника Яковлева г. императорскому послу в Константинополе от 2 ноября 1898 г. за № 995». Текст этого документа представлен ниже.

Возвращаясь к историческому контексту путешествия Вильгельма II по Палестине, следует начать с того, что к концу XIX в. путешествия и паломничество европейцев в Палестину приобрели массовый характер. Этому способствовал целый ряд благоприятных факторов, важнейшим из которых было улучшение транспортной инфраструктуры: наложенное морское сообщение с портами Сирии, открытие в 1892 г. железной дороги из Яффы в Иерусалим, созданная система внутренней логистики посещения святых мест. Нередким среди путешествий на Святую землю стало и августейшее паломничество.

В 1853 г. в Иерусалим приехал наследник бельгийского престола принц Брабантский Леопольд; летом 1855 г. святой град посетил принц Максимилиан, брат австрийского императора

Франца Иосифа (будущий император Мексики); в 1859 г. паломничество к палестинским святыням совершил брат российского царя великий князь Константин Николаевич с супругой и сыном Николаем; 1 апреля 1862 г. в Иерусалиме побывал принц Уэльский Альберт Эдуард (будущий английский король Эдуард VII) (3). Торжественная церемония открытия в 1869 г. Суэцкого канала привела в азиатскую Турцию французскую императрицу Евгению, прусского кронпринца Фридриха Вильгельма (будущий германский император Фридрих III) и австрийского императора Франца Иосифа. Двою последних, воспользовавшись случаем, отправились из Египта в Палестину (4). В октябре 1872 г. в поездке по Востоку посетил Иерусалим брат царя великий князь Николай Николаевич. В 1876 г. в Иерусалиме был император Бразилии Педру II. К 1881 г. относится первый приезд в Палестину российских великих князей Сергея и Павла Александровичей, а также австрийского эрцгерцога Рудольфа. На Пасху 1883 г. святой град посетил князь Болгарский Александр I, а в 1887 г. — принц Неапольский, будущий итальянский король Виктор Эммануил III (Бутова, 2010. С. 92).

Следует обратить внимание, что в этом большом списке августейших путешествий практически отсутствовали царствующие особы. С эпохи крестовых походов во время своего царствования английские и французские короли не посещали Святой земли. Правящие монархи по политическим причинам (это же касалось и российских царей (5) не могли позволить себе паломничество в Палестину, любой их шаг в сторону Святой земли мог быть расценён как попытка изменения *status quo* на святых местах, тем более что палестинские святыни уже становились поводом для начала большой европейской войны (Восточная война 1853-1856 гг.). В этом контексте поездка осенью 1898 г. в Палестину германского кайзера Вильгельма II становилась более чем знаковым событием.

Приезд в Иерусалим Вильгельма напрямую ассоциировался с предыдущими появлениеми германцев на Святой земле в

эпоху крестовых походов. Не случайно «кайзер лично разрабатывал дизайн своего особого бело-серого мундира с белым плащом до пят, в стиле крестоносцев» (Себаг-Монтефиоре, 2011. С. 245). Вильгельм, словами русской прессы, шёл «как раз по тому самому пути, по которому ровно 670 лет назад германский император Фридрих I в последний раз отправился в такое же путешествие, но для того чтобы во имя св. креста обнажить меч против неверных» (Путешествие императора Вильгельма II на Восток). Газета «Русский труд» называла миссию императора «мирным походом наследника Барбароссы в Палестину» (Русский труд).

Современники отмечали, что основной целью поездки императора Вильгельма II на Святую землю были политические мотивы, и прежде всего «немецкая колонизация» (6) Палестины (Белькинд, 1903. С. 157).

Ректор Московской духовной академии епископ Арсений (Стадницкий) записал в дневнике, что «путешествие в Палестину императора германского сопровождалось такими громадными результатами для усиления протестантства в Палестине, что их нельзя было бы достигнуть никакими договорами, ни даже войною» (Арсений (Стадницкий), 2006. С. 351-353).

Издание типографии Тобольского епархиального братства прямо выражало свое беспокойство: «До сих пор западноевропейские государства производили торговые сношения свои с Индией и Китаем водным путём. В настоящее время такой путь представляется уже длинным. Возникла мысль соединить Запад и Дальний Восток кратчайшим железнодорожным путём. После посещения германским императором Вильгельмом Палестины и султанов Дамаска и Константинополя появляется уже надежда на осуществление широких планов на будущее. А за средствами к исполнению их дело не станет: предпримчивые янки, немцы и евреи в виду верных барышей от всемирной торговли едва ли остановятся даже и пред крупными расходами по настоящему, действительно грандиозному делу...» (О современном значении Святой земли, 1902. С. 9-10).

Путешествие Вильгельма выходило за рамки рядовых поездок августейших особ и по целям, и по масштабам. Официальная свита в поездке императора составляла тридцать человек, среди которых были члены правительства (министр иностранных дел фон Бюлов и главы гражданского, военного, морского кабинетов), однако, кроме чиновников и приближённых, императора и на море, и на суще сопровождали немецкие матросы, представители церкви, около 250 человек, из которых 100 человек охраны (Путешествие императора Вильгельма II на Восток). Незримо по всему маршруту следования процессию опекала многочисленная немецкая тайная полиция. Наличие охраны было связано со слухами о готовящемся покушении на императора Вильгельма. Как писало 30 сентября 1898 г. «Новое время»: «Уже теперь сюда стекаются толпы туристов. Цены в отелях поднялись вдвое, германская колония заказала два парохода «Австрийского Ллойда», чтобы идти навстречу гостям [...] билеты 1-го класса на проезд по железной дороге Яффа — Иерусалим покупаются тысячами.» (В Константинополе). В целом во время приезда императора Вильгельма II в Иерусалим, по данным российской прессы, прибыло не более 1500 иностранцев (Петербургский листок). В результате для того, чтобы вся свита и сопровождающие смогли верхом и на каретах въехать в пределы Старого города в Иерусалиме, туркам пришлось засыпать крепостной ров и разобрать участок стены возле Яффских ворот. Священник Е. Мерцалов, посетивший Палестину в 1899 г., писал:

«Перед приездом германского императора в Палестину в 1898 году турецкое правительство, всего вероятнее, в предположении, что христианский император посетит место рождения Предтечи Христова, употребило невероятные усилия, и беспокойная до тех пор, опасная горная тропа превратилась в покойное, хотя и не особенно широкое шоссе, по которому стало возможным и экипажное сообщение» (Мерцалов, 2014. С. 226).

Посещение Палестины Вильгельмом II было приурочено к 31 октября — дню Реформации, однако после приезда в Иерусалим кайзер провёл встречи не только с протестантами и католиками, но и с представителями восточных церквей. Затем Вильгельм принял еврейскую депутатию, высказав «доброжелательное отношение» к стремлениям, «которые направлены к подъёму сельского хозяйства в Палестине на благо Турецкой империи при полном соблюдении верховных прав султана» (Биржевые ведомости). Наконец, в Дамаске император, не посетив ни одной церкви и ни одного христианского учреждения, совершил паломничество к гробу «героя ислама, изгнавшего крестоносцев с Святой земли» — Салла-Эддина, а в одной из речей назвал себя «верным другом» 300-миллионного мусульманского населения земли и «патроном мусульман» (Безобразов, 1917. С. 45). Поездка Вильгельма II в Палестину очевидно впервые в новой истории обозначила вопрос «секуляризации Палестины» (рассмотрение соперничества за святые места исключительно как повод к борьбе за территорию). Вильгельм II превращал Святую землю в важную стратегическую точку своей колониальной, или, точнее, колонизационной, политики на Ближнем Востоке и в Малой Азии.

Организацией поездки кайзера занималась английская туристическая компания Кука, несмотря на то что германская дипломатическая служба имела и опыт, и возможности самостоятельно организовать такую поездку для своего императора, Вильгельм лишний раз, подчёркивая религиозную, а не политическую составляющую своей миссии, воспользовался хоть и английской, но той компанией, которой отправлялись на Святую землю обычные, рядовые паломники. Всё путешествие должно было занять по времени один месяц. На практике же программа, анонсированная прессе 1 октября 1898 г., была сокращена — из нее был исключен Египет: 10 (22) октября император со свитой должен был отправиться в Константинополь. 13 (25) октября около полудня планировалось прибытие

в Хайфу. 14 (26) октября — отъезд в Яффу через еврейские колонии Сабборин, Хедеру и Амбелес. 15 (27) октября — посещение Яффы. 16 (28) октября — отъезд в Рамле и ночёвка в палатах немного далее Латруна. 17 (29) октября — посещение Иерусалима. 18 (30) октября — поездка в Вифлеем и на Елеонскую гору. 19 (31) октября — отъезд на р. Иордан. 20 октября (1 ноября) — экскурсия к Мёртвому морю. 21 (2 ноября) — отъезд назад. 24 октября (5 ноября) — прибытие в Хайфу. 26-29 октября (7-10 ноября) — пребывание в Назарете. 30 октября (11 ноября) — возвращение в Хайфу. 31 октября — 3 ноября (12-15 ноября) — осмотр Бейрута, Дамаска и Баальбека. 1 ноября (16) — отъезд из Бейрута⁷. Официальными виновниками сокращения программы были объявлены тропическая жара, царившая осенью 1898 г. в Палестине, и «желания императора вернуться как можно скорее в Германию и взяться за государственные дела» (Турецко-германские отношения). Отклонившись от изначальной программы, 4 ноября Вильгельм II отплыл из Яффы в Бейрут, а уже 14 ноября их величества император и императрица германские «благополучно вернулись в Потсдам» (Правительственный вестник).

**Список с донесения генерального консула в Иерусалиме
коллежского советника Яковлева г. императорскому
послу в Константинополе от 2 ноября 1898 г. за № 995
(АВПРИ. Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Д. 3197.
Путешествие императора Вильгельма в Палестину.
1898 г. Л. 126-138.)**

Их императорские величества, император и императрица (8) германские, приехали в экипажах из Кафы в Яффу 15 октября [1898 г.], в четверг, в 6 часов 30 м. вечера и остановились в Hotel du Parc. Свита императрицы состояла из графини Brockdorff (обер-гофмейстерины), графинь Keller и Gendorff (придворных дам), барона Mirbach (обер-гофмейстера) и г. Rnejebeck

(помощника главного церемониймейстера). Свита его величества состояла из графа Eulenbourg (обер-гофмейстера и обер-гофмаршала), графа von Wedel (обер-шталмейстера), барона von Lyncker (гофмаршала), гг. Lenthold и Nberg (придворных врачей), генерал-адъютанта von Plessen, генерал-майора von Kessel, генерал-майора von Ycholl, флигель-адъютантов полковника Mackenson и подполковника von Prityelwity, генерал-адъютанта von Hahnke (начальника военного кабинета), г. von Lucanus (начальника гражданского кабинета), контр-адмирала барона von Senden-Bibran (начальника морского кабинета), г. von Bulow (министра иностранных дел), тайного советника г. Klehmet, г. Dryander (старшего придворного проповедника), профессора Knackfuss (начальника полиции в Берлине. министра исповеданий), барона von Marshall (германского посла в Константинополе) и графа von Mulinen (драгомана Германского посольства).

Турецкая свита, прибывшая в Яффу немного позже императора и имевшая во главе своей Шакира-пашу (начальника султанской гвардии), состояла из Назим-паши (дамасского валия), Ибрагим-бея (церемониймейстера), Тевфлик-паши (турецкого посла в Берлине), Ахмед-Али-паши (по прозванию Шекер-паши, генерал-адъютанта султана), Кампхевнер-паши и нескольких флигель-адъютантов.

Вся она оставалась здесь при их императорских величествах до отъезда из Иерусалима, кроме Джевада-паши, которым, по слухам, император оставил недоволен и даже не хотел его видеть и который уехал раньше.

Германские военные суда при поднятии императорского штандарта в Яффе над гостиницей произвели установленный салют в 101 выстрел.

В этот день, можно сказать, германская полиция распоряжалась полновластно на Яффском рейде, по ея указаниям турецкая полиция без церемоний обыскивала карманы приезжающих иностранцев и некоторых из них отправила обратно

на пароход. В особенности безпрецедентно обращались с итальянцами. Один из них (Сорренти, корреспондент многих газет в Египте и анархист по убеждениям) был, как говорят, жестоко избит, когда его вели в участок. С русскими подданными этого не случалось, хотя я, в виду большой ответственности, согласился на просьбу губернатора об удалении подозрительных лиц ещё до получения телеграммы вашего превосходительства и пригласил г. Стребулева помочь в этом отношении турецким властям. До чего доходили странности турецкой полиции, можно видеть из того, что один богатый еврей, вышедший после обхода на улицу во фраке и с высокою шляпою на голове, был ею арестован по причине подозрительного костюма. Ея тревога сообщилась отчасти и его величеству. На другой день приезда вся свита ждала выхода их величеств у главных дверей гостиницы. Императрица вышла через них, но император прошёл другим ходом — через кухню.

Ночь с пятницы на субботу император провёл на пути до Иерусалима у шоссейной станции Баб-эль-Цади, у подножия Иудейских гор.

17/29 октября, в субботу, в 11 часов утра, его величество в особом платье для путешествия вместе с ея величеством и со свитою приехали в свой лагерь, устроенный на небольшом участке, принадлежавшем одному германскому обществу, рядом с итальянским консульством и близь нашего нового подворья. Местная власть сделала им салют в 21 выстрел. На той части Яффской дороги, по которой император должен был выехать из города, были поставлены шесты с флагами и три триумфальные арки: одна за счёт европейской общины и две за счёт города. У арок были прочитаны адресы евреями и городским главою.

В 2 ч. 30 м. император, почти вся свита и губернатор выехали из лагеря верхом. Императрица, дамы и некоторые из мужчин ехали в колясках. Все они были одеты в желтоватого цвета полотняные куртки, имели на головах шлемы наподобие тех,

которые носят английские военные в жарких климатах. На плечах у них были большие арабские бурнусы. Въехав в город не через Яффские ворота, а через особый проход, сделанный по приказанию султана рядом с воротами, для чего часть рва засыпана до уровня дороги, все путешественники отправились от башни Давида пешком к Св. Гробу.

Здесь на пороге храма они были встречены латинским патриархом (9), который сказал им на итальянском языке следующее: «Ваши императорские величества, вы пришли поклониться Св. Гробу Искупителя. Это наполняет нас изумлением и доказывает вашу глубокую религиозность. В наш век безверия последствия такого высокого примера будут велики для обаяния имени христианства. Да благословит Господь ваши величества и ваши действия!»

По поводу этого приема я, не имея никаких указаний императорского посольства касательно поведения моего и патриарха вообще во время пребывания императора, мог объяснить патриарху только мой личный взгляд. Я сказал ему, что в случаях приёма всеми тремя патриархами в одном месте произойдут препирательства о первенстве, для избежания этого он должен отдалиться, как хозяин дома встречает почётного гостя в главной зале дома, так и православному патриарху, главному хозяину св. мест, надо встретить императора у Кувуклии и затем немедленно же начать показывать ему православные святыни. Патриарх согласился со мною. Латинский патриарх не хотел этого, но должен был уступить, так как Блаженный Дамиан (10) заявил, что иначе он не примет участия в приёме.

После латинского патриарха стоявший близь порога у камня муропомазания армянский патриарх сказал приветствие на армянском языке. Подойдя к Кувуклии, император был приветствован Блаженным Дамианом, пожал ему руку и выслушал слово на греческом языке, в котором патриарх от имени Матери Церкви приветствовал его, друга и дорого гостя миролюбившего главного своего повелителя султана, и призвал на главу его Божье благословение.

Войдя в Кувуклию, император прошёл в заднее отделение я, где находится сам Св. Гроб, а патриарх оставался в приделе Св. Ангела. Император, а также все прочие высокие гости, не становился на колени и не молился у Св. Гроба и не поцеловал его. Он ограничился тем, что стоя посмотрел на Св. Гроб, на висящие лампады и пожал руку бывшему здесь архимандриту Евфилию, православному игумену Св. Гроба. Как только он вышел из Кувуклии, то Блаженный Дамиан указал ему на находящийся насупротив православный храм Воскресения и повёл его туда. Латинский патриарх хотел было вести его к себе, но, увидев это, отошёл в сторону. В храме патриарх давал объяснения на греческом языке, а преосвященный Епифаний (архиепископ Иорданский) переводил на немецкий язык. Затем все высокие путешественники (и мужчины, и дамы) вошли в алтарь через Царские врата и осмотрели положенные на престол два сплошь украшенных драгоценными камнями футляра, заключающих в себе куски Животворного Древа, Евангелие, пожертвованное ещё Борисом Годуновым, и два серебряных подсвечника, пожертвованные одним из родственников императора.

Это прохождение Царскими вратами светских мужчин и введение в алтарь женщин не составляют здесь исключения. В качестве почётного гостя я неоднократно видел, как вводили в тот же алтарь наших старых и молодых поклонниц из простого народа, — причина то, что нередко в алтаре находится святыня, которую трудно или невозможно вынести за иконостас, а иногда и просто беспорядок и давка, как, например, в Страстную субботу, во время церемонии Св. Огня.

Выйдя отсюда, они отошли от Кувуклии и спустились осмотреть пещеру Св. Елены, которая была им показана губернатором и германским консулом. Из пещеры они прошли в латинскую церковь, где их ожидали францисканский кустод и латинский патриарх. Затем они осмотрели Голгофу под руководством православного патриарха. Посетить армянские владения они не успели.

Из храма Гроба их величества пошли осмотреть, так сказать не официально, новый германский храм. В него вошёл только император и часть свиты и быстро вышел. Вернувшись в лагерь, они немного отдохнули и затем отправились в Германское консульство. Здесь в зале было приготовлено два золочёных кресла в виде трона, полученных из Берлина. Но в них не садились ни император, ни императрица. Их величества проходили, говоря каждому несколько любезных слов, мимо стоявших здесь высших турецких властей, различного здесь живущего духовенства и всего консульского корпуса. Со мною в качестве старшины консульского корпуса император поговорил дольше, чем с другими. Его величество изволил обрадовать меня известием о добром здравии своего друга императора Всероссийского и его августейшей супруги и сказал, что путешествие их из Кайфы в Яффу было крайне утомительно по причине пыли и жары, и спросил, когда здесь были и что осматривали его двоюродные братья. Под конец аудиенции император вновь позвал меня, долго разспрашивал о нашей церкви Александра Невского, в которой находится так называемый порог Судных Врат, и выразил желание её осмотреть. По моей просьбе начальник Духовной миссии и г. Михайлов, управляющий подворьями Императорского православного палестинского общества, [пропуск текста] особам германским консулом. Супруги консулов были представлены императору и императрице в соседней комнате.

18 октября, в воскресенье утром, их величества были в Вифлееме. Здесь они выслушали литургию в германском храме, на которую были приглашены английский и американский консулы и старшины германской колонии. Затем, осмотрев католический монастырь, они спустились в Верхний Рождество через северную лестницу. Францисканец из немцев начал было давать объяснения императору, но присутствующий здесь Блаженный Дамиан пригласил преосвященного Стефана сказать приветствие и затем начать показывать Верхний Рождество. Осмотрев

его довольно подробно, их величества поднялись по южной лестнице в самую базилику, осмотрели православный храм и колоннаду и затем уехали в новый германский сиропитомник. И в этом случае православный патриарх показал себя главным хозяином базилики и Вертепа Рождества.

Хотя накануне вечером я предложил германскому послу в Константинополе свои услуги дать необходимые объяснения их величествам при осмотре русских церквей или школы в Бейт-Джаме, но он отклонил их ответом, что их величества желают помолиться на нашем месте на Масличной горе совершенно частным образом. За разрешением этого драгоман Германского консульства обратился к о[тцу] Рафаилу, начальнику Духовной миссии, который очевидно разрешил это. Не желая мешать императору помолиться, ни я, ни о. Рафаил не пошли на Масличную гору. В 4 ч. пополудни император, императрица и несколько лиц свиты пришли и совершили молитву на нашей террасе рядом с русскою церковью во имя Спасителя, стоящей на самой вершине Масличной горы. Роль органа исполнили несколько германских матросов, игравших на духовых инструментах, видевшие эту сцену говорили мне, она была очень живописна, в особенности когда все стали на колена. Император молился очень искренне. Императрица немного плакала. После молитвы пастор пригласил присутствующих помолиться за хозяина этого места — за российского императора. Уходя, император очень благодариł через случайно бывшего здесь управляющего подворьями Императорского православного палестинского общества всех наших монахов и сказал, что он поблагодарит своего друга российского императора за тот радушный прием, который ему был оказан на русской земле. Здесь произошёл небольшой случай. До молитвы один из германских членов свиты приказал запереть ворота, ведущие на наше место. Вследствие этого все турецкие военные остались ждать на улице. Узнав, что они объяснили это фанатизмом русского духовенства, я съездил вечером к Шакиру-паше и объяснил ему,

что ни начальник миссии, ни я — мы не давали и не могли дать подобного приказания, так как мусульмане свободно входят во все наши церкви. Оказалось, что на эту молитву были приглашены исключительно лица, с которыми император говорил об этом ещё в Германии.

Под вечер император прислал православному и армянскому патриархам знаки ордена Прусской короны I степени (первому из них — с брильянтами), а латинскому патриарху — Красного орла I степени, без брильянтов. Преосвященный Фотий, старший секретарь патриархии, и архимандрит Евфилий, православный игумен Св. Гроба, получили ордена Прусской короны II степени со звездою.

В этот же день император объявил германскому консулу Г. фон Тишендорфу о назначении его здесь личным генеральным консулом.

В понедельник 19/31 октября было совершено освящение нового германского храма, что на Муристане по другую сторону улицы, отделяющей его от нашего дома с церковью св. Александра Невского. На это торжество были приглашены почти все турецкие власти, но из консулов, вследствие ошибки распоряжавшегося пастора, только двое: английский и американский.

Церемония прошла очень торжественно.

На новой улице «Вильгельма», отделяющей новый храм от участка земли, принадлежащего православной патриархии, были поставлены турецкие войска и, против главных дверей, 200 германских матросов с ружьями и с своею музыкой. В 9 час. показался император в кирасирском белом мундире, в латах и в каске, к которой был прикреплен арабский белый платок для защиты от солнца. С плеч его очень живописно спускался великолепно сшитый золотом белый дамасский бурнус. Рядом с ним шла императрица, а за нею блестящая свита различных полков. При этом были здешний англиканский епископ Бляйс (11), епископ Солсбериjsкий, а также два английских лорда, мальтийских кавалера, привезших императору собственноруч-

ное письмо принца Уэльского. Матросы взяли ружья на караул. Император выслушал перед храмом речь. Ему подали ключ от храма, а он передал его одному из придворных, который сделал вид, что он им отпер храм. Все вошли в храм, где уже были германские духовные особы. Освящение продолжалось часа три. После известного гимна Лютера (он поётся в опере «Гугеноты») были произнесены различные речи, которые закончились очень интересною речью императора. Его величество сказал вкратце следующее.

«Мне удалось исполнить то, чего больше полувека желали мои предки в качестве защитников здешних евангелических богоугодных заведений.

Иерусалим вызывает в нас воспоминания об акте искупления мира нашим Спасителем. Отсюда вышел тот свет, в блеске которого стал великим и славным германский народ. Как 2000 лет назад, так и сегодня должен отсюда раздаться на всю вселенную на земле мир. Мы не ищем здесь ни блеска, ни благости. Мы стремимся к всеобщему благу!» При сем прилагается текст речи, а также две программы торжества.

Главным лицам были розданы на память особые четырёхугольные медали с изображением на одной стороне бюста императора, а на другой — новой церкви и числа ея освящения.

Выйдя из храма, император осмотрел смежные развалины средневековой церкви рыцарей-ионитов, также принадлежащие Германии, и много разспрашивал про место, лежащее по другую сторону улицы и составляющее часть площади, которую занимал в средние века монастырь ионитов. Боясь, чтобы император не начал хлопотать о приобретении этого участка, патриархия, которая дорожит им в высшей степени, ещё в августе отделила его от улицы стеною, за которой начала строить магазины. Со временем этим магазинам будет дано другое назначение.

После полудня у императора был Блаженный Дамиан, благодарил его за орден и поднёс ему дорогой красивый альбом,

крышки коего отделаны разными украшениями из перламутра, среди которых находятся таковые же портреты императоров Вильгельма I, Фридриха III и Вильгельма II. Альбом содержит в себе светописные виды различных православных святых мест. Император принял альбом, благодарил патриарха за приём со стороны православного духовенства и сказал, что будет благодарить за это и его величество императора Всероссийского.

Такой же альбом патриарх намерен поднести и нашему государю императору. Я посоветовал ему воспользоваться этим случаем — снять, насколько возможно подробно, фотографическим способом все православные святыни как внутри, так и снаружи и, надписав на этих фотографиях число и год, послать несколько оттисков в императорское посольство, министерство, генеральное консульство, местной власти и в Порту. Таким образом, в случае спора с католиками на этих оттисках видны будут внешние признаки, доказывающие принадлежность известной святыни православным.

В 4 часа император с супругою проехали на Сионскую гору и приняли во владение тот участок, носящий просто название «Хакуры», о котором я имел честь доносить 13 марта и 21 сентября с.г. за № 223 и 875. Здесь находился дом апостола Иоанна, в котором поселилась Пресвятая Богородица после распятия Иисуса Христа и в котором Она преставилась. У католиков этот участок называется *le terrain de la Dormition de la Sante Vierge*. Он давно привлекал собою общее внимание. Лет 50 тому назад православная патриархия хотела его купить у мусульманской семьи Давудлы, владеющей им, но не могла и напрасно истрастила более 15 000 франков. Затем его хотели приобрести францисканцы. Предлагали 120 000 франков, но также не могли. Император заявил, что он подарен ему султаном. Приняв его в присутствии германских матросов с большою торжественностью и раздав особые медали (латинский крест Св. земли, в середине которого небольшая медаль с изображением императора), он передал его германским католикам в лице священника Шмидта. При сем присутствовал и латинский патриарх.

О передаче подарка Немецкому католическому обществу Св. земли император уведомил папу и получил в ответ благодарственную телеграмму.

Патриарх православный сожалеет об этом. Но надо было серьёзно и раньше думать о покупке места. Патриархия не сделала этого, так как, тряся доходы непроизвольно, она никак не могла собрать крупную сумму. Ныне я советую патриарху просить губернатора, в виде вознаграждения, окончить дело об участке патриархии в Силоаме, на части которого в прошлом году несправедливо была начата постройка небольшой мечети.

На возвратном пути император сделал визит армянскому патриарху и затем прислал ему свой светописный портрет с надписью.

Вечером в императорском лагере был устроен роскошный фейерверк.

Во вторник, 20 октября, император хотел было присутствовать на заупокойной литургии по в бозе почившем государе императоре Александре III (о чём я имел честь донести 27 октября с.г., № 959), но передумал и, никого не предупредив, вторично посетил наше место на вершине Масличной горы. На сей раз он ограничился тем, что поднялся на колокольню и полюбовался видом на долину Иордана, Мёртвое море и голубые Моавитские горы. Предвидя это посещение, я просил турецкую власть устроить дорогу до нашего места, г. начальника Духовной миссии привести колокольню в порядок, что и было нами исполнено. Спустившись, император благодарил ещё раз наших монахов и сказал им, что он получил от государя императора ответную телеграмму, в которой его императорское величество выразил своё удовольствие по поводу приёма, оказанного германскому императору на русской земле. Затем он провёл 2 часа в известной германской школе Шнеллера.

По слухам, поздно вечером несколько лиц из свиты подробно и без шума осмотрели на Масличной горе участок, смежный с нашим, и сняли с него план.

В среду, 21 октября, император осмотрел известную мечеть Омара, откуда заехал осмотреть очень интересный участок, принадлежащий мусульманам, против церкви св. Анны и посетил латинского и православного патриархов. Этот последний встретил со всем своим Синодом высокого гостя и провёл его в приемную. Уступая настояниям Блаженнейшего Дамиана, его величество сел на патриарший трон и выслушал приветствие, в котором его блаженство выразил свою радость, что он удостоился принимать друга и гостя султана, своего повелителя. В ответном слове император поблагодарил его блаженство за приём, оказанный ему в церкви православных, где первое место принадлежит его другу императору Николаю, и за данное ему разрешение помолиться на Масличной горе. Обо всём этом я сообщил, продолжал император, моему другу императору Николаю, который ответил мне, что он рад этому. На слова патриарха, выразившего надежду, что чувства его величества в отношении православных не изменятся, император ответил, что в этом отношении он вполне разделяет чувства российского императора, главы Православной Церкви.

Все эти четыре речи (из коих две первые при сем переводе прилагаются) были сообщены мне Блаженным Дамианом.

Вечером император посетил две выдающиеся германские школы.

В четверг, 22 октября, император посетил Прусское подворье ионитских рыцарей и зашёл в недавно освященную английскую церковь св. Георгия. Отсюда он прошёл в соседнюю так называемую гробницу царей (на самом деле это гробница принявшей еврейство царицы Елены Адиабенской и ее сыновей), принадлежащую Франции. Узнавший о этом французский генеральный консул поспешил туда, но встретил императора при выходе.

После этого он посетил пещеру пророка Иеремии, а также находящуюся на ее верхушке так называемую Голгофу Городона (того, который был убит в Хартуме).

Вечером император прислал ордена Прусской короны II степени со звездою о. Рафаилу и Красного орла IV степени отцам Серафиму и Парфению (начальнику и членам Духовной миссии).

В пятницу, 23 октября, в 9 часов утра германский император и императрица со свитами уехали по железной дороге в Яффу, откуда в 1 час пополудни отбыли на имперской яхте «Гогенцоллерн» в Бейрут — сократив своё пребывание в Св. земле на одни сутки.

Из консулов их приехал провожать один испанский консул. Остальные ожидали циркульного сообщения германского консула, как об этом было условлено. Со стороны патриарха императора проводили Яффы преосвященный Фотий (старший секретарь), архимандрит Гликерий (Драгоман), Евфилий (настоятель Св. Гроба).

В настоящем донесении я мог описать только фактическую сторону пребывания здесь германского императора. В самом скором времени я постараюсь дополнить его сведениями о прочих подробностях.

С глубочайшим почтением и пр.

P.S. При сем 16 святоописей, изображающих разные моменты пребывания императора в Иерусалиме.

Примечания:

1. Третий том на данный момент ещё не вышел.
2. «Речь идёт о территории рыцарского ордена иоаннитов (госпитальеров) на улице Муристан, неподалеку от храма Гроба Господня, с развалинами церкви Санта Мария Латина, построенной в начале IX в. В 1869 г. турецкий султан Абдул-Азиз подарил этот участок прусскому кронпринцу Фридриху-Вильгельму по случаю его паломничества в Иерусалим. В начале 1870-х гг. был разработан архитектурный проект храма, а строительство растянулось на несколько десятилетий» (Россия в Святой земле... Т. 1. С. 286,734).

3. Известно, что будущий король Великобритании в Иерусалиме сделал себе на предплечье татуировку иерусалимского креста как символа крестоносцев.

4. Британский писатель и историк С.Д. Себаг-Монтефиоре в своей книге красочно описывает гонку Фридриха Вильгельма и Франца Иосифа за первенство оказаться на Святой земле: «Не желая, чтобы его обошли англичане и русские, Фридрих отплыл в Яффо и добрался до Иерусалима. В Святом городе он энергично включился в гонку за обеспечение прусского присутствия [...] На обратной дороге в Яффо конвой Фридриха чуть не столкнулся с кортежем Франца Иосифа, императора Австрии и номинального короля Иерусалимского, совсем недавно разбитого прусскими войсками в битве при Садове. Кронпринц и император холодно поприветствовали друг друга. Франц Иосиф галопом мчался в Иерусалим в сопровождении тысячи османских солдат, в числе которых были бедуины с пиками, друзья с винтовками и всадники на верблюдах» (Себаг-Монтефиоре, 2011. С. 232-233).

5. Изследователь Р.Б. Бутова объясняет этот факт тем, что «Россия в течение XVIII-XIX вв. почти безпрерывно находилась в состоянии войны с Османской империей [...] ментально, существовало твёрдое убеждение, что «белый», православный царь, преемник византийских василевсов, не может ехать на «басурманский» Восток иначе как в качестве его освободителя, ведь Российская империя выступала покровителем и гарантом всех православных подданных султана - славян, греков, армян, арабов» (Бутова, 2010. С. 94).

6. Крупнейшей немецкой колонией (300 членов) в Яффе являлось основанное в 1866 г. Общество темплеров - религиозное сектантское течение, отколовшееся от лютеранской церкви в 1862 г., пропагандирующее переселение в Святую землю. Ведущую роль в этой колонии играли храмовники из германского Виртемберга. Протестанты из этого же германского королевства позднее образовали около Хайфы колонию Общества ие-

русалимского храма (Подробнее об этом см: Шмидт, 2015. С. 17-25).

7. Программа приводится по данным газеты «Московские ведомости». № 270. Четверг, 1 октября 1898 г.

8. Августа Виктория Фредерика Луиза Феодора Дженни (Auguste Viktoria Friederike Luise Feodora (1858-1921) - принцесса из рода Августенбургов, в браке - германская императрица и королева Пруссии.

9. Луиджи Пьяви (Luigi Piavi или Ludovico Piavi, 1833-1905) - патриарх Иерусалима латинского обряда Римско-католической церкви (1889-1905).

10. Дамиан (Касатос) (1848-1931) - патриарх Святого града Иерусалима и всея Палестины.

11. Имеется в виду англиканский епископ George BLyth (1887-1914), в русском языке одновременно существует несколько переводов его фамилии: Блейт, Блейс или, как в данном случае, Бляйс.

Литература:

Арсений С. Дневник. Том 1. 1880-1901. По материалам ГА РФ. М., 2006.

Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Д. 3197. Путешествие императора Вильгельма в Палестину. 1898 г.

Безобразов П.В. Раздел Турции. Петроград, 1917.

Белькинд И. Современная Палестина в физико-этнографическом и политическом отношениях. Одесса, 1903.

Биржевые ведомости. № 289. 23 октября (4 ноября). 1898.

Бутова Р.Б. Паломничества членов царской семьи в контексте русской дипломатии на Ближнем Востоке // Российская история. 2010. № 2. С. 91-111.

В Константинополе // Новое время. № 8115. 30 сентября (12 октября) 1898 г.

Мерцалов Е. От Петрозаводска до Иерусалима и обратно. Путевые заметки и впечатления паломника (1899 г.). М., 2014.

О современном значении Святой земли. Тобольск, 1902. Петербургский листок. № 296. 28 октября (9 ноября) 1898. Правительственный вестник. № 250. Вторник. 17 (29) ноября 1898.

Путешествие императора Вильгельма II на Восток // Новое время. № 8118. 3 (15) октября 1898.

Россия в Святой земле. Документы и материалы: В 3 тт. М., 2015. Русский труд. № 41. 17 октября 1898. Себаг-Монтефиоре С.Д. Иерусалим. Биография. М., 2011.

Турецко-германские отношения // Петербургская газета. № 295. Вторник. 27 октября 1898. Шмидт В. Немецкие колонии Палестины // Восточный архив. 2015. № 2 (32). С. 17-25.

**Источник: журнал Христианство на Ближнем Востоке.
2020. № 2. С. 75-90**

ADDENDA: СЛОВО НА ВХОД В ИЕРУСАЛИМ КАЙЗЕРА ВИЛЬГЕЛЬМА

«Наследник крестоносной Рати» (Вл.Соловьёв), германский кайзер Вильгельм II восходит во Иерусалим путём своих крестоносных предков. Но Кайзер есть не только «наследник Барбароссы», но и «наследник Христа». Христианский Монарх, Помазанник Божий, «христос Господень». Посему как метаисторический Вход Христа-Спаса во Иерусалим, так и исторический Вход Кайзера духовно «взаимоотражаются» друг в друге... Потщимся, елико возможно, вникнуть в духовный смысл Евангельского «события»... Есть внешний град, и есть внутренний град. Именно во внутренний Иерусалим и входит Спаситель. Оный Иерусалим – суть внутренний град нашего сердца, седалища души. Спас свершает Свой «вход», оседлав «жребя ослея». Осёл – се символ безсловесной, животной части сложносоставной человеческой природы. Не позволив Логосу «оседлать» сие «ослятия», не покорив наши животные импульсы «логосу»-уму, мы не удостоимся пришествия Спасова в наш «внутренний град». Христа встречают и приветствуют «дети»

с «ветвьми» в руках: дети – суть «порождения» нашего ума, определённые мысли и поступки; «ветви» в руках сих «детей» се символы «возвышенности» оных «порождений» (подобно тому, как «корни» древа устремлены «долу», под землю, так «ветви» древа устремлены «горе», к небу). Вот что есть «Вход во Иерусалим» в духовном смысле... Но Вышний Кайзер-Христос не «разделяет» Свой Вход надвое: входя во внешний Град, Он единовременно созидаet и Град внутренний. Подобно Господу-Христу, кайзер-крестоносец Вильгельм свершает двоякий Вход – и во внешний и во внутренний Иерусалим. Памятовать должно, что Кайзер есть не токмо Христианский Монарх, но и Монарх Арийский. И в сей связи, некоторые отпечатлевшиеся в Священном Предании «детали» Входа Господня в Иерусалим приобретают особливое значение.

Существует такой артефакт, как «Россанский кодекс» (лат. Codex Rossanensis; Евангелие из Россано, условное обозначение: Σ или 042) — унциальный византийский манускрипт VI века на греческом языке, содержащий текст Евангелия от Матфея и Евангелия от Марка с лакуной в Марк 16,14-20. Был выполнен по императорскому заказу. Название происходит от города, в котором рукопись была найдена в 1879 году (Россано на юге Италии).

В сем «лицевом кодексе» наличествует среди прочих изображение, где ветхозаветные пророки и цари приветствуют Всецаря-Христа, въезжающего в Иерусалим на осляти, римским салютом.

Римский салют - этот жест арийского греко-римского міра был воспринят и Христианством наряду со Свастикой, в которую тоже не закладывалось никакого отрицательного значения, даже наоборот. Этот древний жест в те времена активно применялся в литургическом обиходе Единой Христианской Церкви как символ приветствия Христа, вознесения душ Верных от сердца «горе», наверх, к Богу. Доныне он удерживается в Божественной Литургии Катакомбной Церкви ИПХ.

Как Вход Господень инициировал цепь «отобразов», так и «вход Кайзера», будучи «отобразом» Входа Христова, сам может послужить «прообразом» для дальнейших звеньев сей «златой цепи». О сем некогда глубокомысленно изрёк ариохристианский философ, «Евангелист Расы» Х. С. Чемберлен: «Немцы готовы; им недостаёт лишь Вождя, ниспосланного Святым Духом».

о.Р.Б.

*Илл.: Евангелие Россано (VI век):
ветхозаветные пророки и цари приветствуют
римским салютом Всецаря Иисуса Христа, въезжающего
на осляти в Иерусалим и изгоняющего торговцев из храма*

Вильгельм II

**Imperator Eques, Imperator Philosophus,
Imperator Geopoliticus**

*На первой странице обложки:
«Кайзер». Денис Литвинов (Монархическая студия
украинского дизайна им. Георгия Нарбута)*

*На последней странице обложки:
Императорский Герб*

Формат 60 x 90 1/16 (148x210)
Объём 8,75 печ. л. Печать офсетная
Тираж 100 экз. Заказ №984

Вопросы Норманизма

Выпуск 1

От России к Руси

Вопросы Норманизма

Выпуск 2

От России к Руси